

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 1 (46)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

СОБЫТИЯ

В дни празднования 80-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады в Санкт-Петербурге по поручению Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова состоялся патриотический форум.

В мероприятиях форума принял участие директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор А. П. Спиридонов.

Открытие форума ознаменовалось торжественным возложением цветов к стеле в память о работниках прокуратуры

ры, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, установленной во дворе прокуратуры г. Санкт-Петербурга.

В церемонии возложения цветов приняли участие прокурор Ленинградской области С. А. Жуковский, Северо-Западный транспортный прокурор В. А. Владимиров, и.о. военного прокурора Западного военного округа И. М. Афиногенов, заместители прокурора г. Санкт-Петербурга, ветераны и пенсионеры органов прокуратуры, работники надзорного ведомства, в том числе молодые специалисты.

Память прокуроров, погибших в годы войны, почтили минутой молчания. В завершение мероприятия прозвучал гимн России.

В этот же день А. П. Спиридонов в Президентской библиотеке им. Б. Н. Ельцина участвовал в церемонии торжественного принятия Присяги прокурора молодыми специалистами органов прокуратуры Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Северо-Западной транспортной прокуратуры.

Особую торжественность событию придало историческое прошлое здания Президентской библиотеки, которая располагается в бывшем здании Синода.

Также директор Института принял участие в торжественном открытии выставки в стенах Российской национальной библиотеки, посвященной работе прокуратуры Ленинграда в период блокады.

В рамках форума в Санкт-Петербурге на лицевом фасаде дома 13 по улице Белинского, напротив дома 44 по Литейному проспекту, где сейчас находится Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, была открыта мемориальная доска для увековечения памяти о работе прокуратуры Ленинграда в период блокады. Участники и гости мероприятия отдали дань памяти людям и событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Церемонию открытия возглавили полномочный представитель Президента в Конституционном Суде А. В. Коновалов, вице-губернатор Санкт-Петербурга Б. М. Пиотровский, заместитель Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Н. Л. Бондаренко, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу Н. Е. Солнышкина, прокурор Ленинградской области С. А. Жуковский, Северо-Западный транспортный прокурор В. А. Владимиров, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации А. П. Спиридонов, заместители прокурора г. Санкт-Петербурга, ветераны и пенсионеры органов прокуратуры, работники органов прокуратуры.

В продолжение мероприятий в Таврическом дворце состоялся круглый стол, посвященный знаменательной дате. Участники мероприятия выступили с докладами и напутственными словами перед молодыми специалистами надзорного ведомства, а также студентами Института. Был проведен литературно-просветительский конкурс, посвященный прокурорам – участникам обороны Ленинграда.

СОБЫТИЯ

Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом) Университета прокуратуры Российской Федерации 8 февраля 2024 года в рамках цикла научно-просветительских мероприятий к Дню российской науки и 300-летию Российской академии наук – «Научный марафон» прошел Брифинг выдающихся ученых.

В Брифинге приняли участие ведущие ученые Института: заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин доктор юридических наук, профессор Васильчикова Нина Александровна; заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел доктор юридических наук, профессор Коршунова Ольга Николаевна; профессор кафе-

дры теории государства и права доктор юридических наук, профессор Ломакина Ирина Борисовна; профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин доктор философских наук, профессор Луговой Александр Александрович; профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права доктор юридических наук, профессор Шарпов Роман Дмитриевич.

Участники Брифинга задали ученым насущные вопросы, связанные с особенностями руководства научно-исследовательской деятельностью обучающихся; препятствиями, возникающими при публикации научных статей; мотивацией студентов к осуществлению научной деятельности; соотношением науки и практики; основными направлениями развития юридической науки.

Студенты получили развернутые ответы, позволяющие повысить продуктивность научной деятельности и задающие дальнейшие ориентиры в ней.

КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 1 (46)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А. П. Спиридонов, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н. Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т. А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е. Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И. А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Болотина, доктор юридических наук; Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И. В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л. В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н. А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А. А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И. Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г. П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В. Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А. С. Карцов, доктор юридических наук; Н. П. Кириллова, доктор юридических наук; О. Н. Коришунова, доктор юридических наук, профессор; Э. К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В. В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю. В. Мишальченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н. С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А. Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С. М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е. Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е. Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С. А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю. А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н. И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О. В. Чельшева, доктор юридических наук, профессор; Ю. Б. Шубников, доктор юридических

наук, профессор; В. С. Шадрин, доктор юридических наук, профессор; В. Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А. А. Эксархонццо, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. П. Спиридонов (главный редактор), доктор юридических наук, профессор; Р. Д. Шаранов (заместитель главного редактора), доктор юридических наук, профессор; М. А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О. А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е. В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; Д. Ю. Краев, кандидат юридических наук, доцент; Е. Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; Т. Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; А. А. Сапожков, кандидат юридических наук, доцент; И. Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4

Подписано в печать 27.03.2024. Печ. л. 20,0. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 160). Заказ 5/24.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

<i>Айвазян А. Г.</i> Вина в склонении к самоубийству и содействии самоубийству (статья 110.1 УК РФ).....	3
<i>Баркалова Е. В.</i> Актуальные вопросы передачи лица для отбывания наказания в иностранное государство.....	9
<i>Глухих С. С.</i> Дискреционные полномочия прокурора в Японии и механизмы контроля их реализации	16
<i>Глушков М. Р.</i> Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 1. Техника Рида	23
<i>Дзьоник Е. В.</i> Влияние Конвенции Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения, на содержание уголовного законодательства зарубежных стран	30
<i>Доржиева И. Б.</i> О некоторых вопросах защиты публичных интересов в российском уголовном судопроизводстве.....	37
<i>Корниенко Н. А.</i> I Международный конгресс судебной (уголовной) полиции.....	43
<i>Костицын Н. Ю.</i> Некоторые вопросы участия специалиста-психолога в расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных в семье	49
<i>Куликов А. В., Шелег О. А.</i> К вопросу расширения субъектного состава и предмета коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ)	56
<i>Панфилов Г. П.</i> О влиянии оснований криминализации на разграничение преступления и гражданского правонарушения	63
<i>Попова Ю. П.</i> Ответственность за применение запрещенных методов или субстанций в отношении животных, используемых в спортивных состязаниях	69
<i>Скорыходов А. К.</i> Малозначительность фальсификации доказательств по уголовному делу	76
<i>Тарасова Ю. И., Шиплюк В. А.</i> Проблемы отложения предварительного слушания по уголовным делам.....	83
<i>Тихонов С. Е.</i> Вопросы допустимости доказательств, полученных в результате оперативно-разыскных мероприятий, направленных на подмену следственных действий	89

<i>Трифонов И. В.</i> Особенности проведения отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенных на объектах железнодорожного транспорта.....	95
<i>Тыдыкова Н. В.</i> О проблеме криминализации действий сексуального характера, совершаемых с лицами в возрасте от 14 до 16 лет с их согласия	101
<i>Хазизулин В. Б.</i> Субъект ненадлежащей медицинской помощи и его криминалистическое значение	109

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

<i>Задерейчук И. П.</i> Деятельность прокуратуры по установлению и расследованию преступлений, совершенных нацистами на территории Крыма в 1941-1944 гг.	115
<i>Омельянович В. В.</i> Воспитательно-патриотические аспекты кадрового обеспечения образовательной деятельности как условие совершенствования публично-правового механизма защиты права граждан на образование.....	122
<i>Сергеева А. Ю.</i> Значение моральных и правовых регуляторов в профилактике социальных конфликтов.....	129

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

<i>Бредихин А. Л.</i> К формированию теории эффективного государства.....	135
<i>Ломакина И. Б.</i> Ориенталистская традиция в политико-правовых дискурсивных практиках	141
<i>Честнов И. Л., Чикарева Д. О.</i> Социокультурная антропология права в практическом измерении	147

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

<i>Чепенко Я. К.</i> Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Обзор научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Конституции Российской Федерации....	153
--	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.2/.7

ВИНА В СКЛОНЕНИИ К САМОУБИЙСТВУ И СОДЕЙСТВИИ САМОУБИЙСТВУ (ст. 110.1 УК РФ)

Асмик Грандовна АЙВАЗЯН

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, agavazan@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемам вины в преступлениях, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства». Об актуальности темы свидетельствует неустоявшаяся судебная практика по данной категории дел, а также отсутствие единства мнений о форме вины в анализируемых деяниях. Целью исследования является разрешение теоретических и практических проблем, связанных с установлением вины в склонении к самоубийству и содействии его совершению, а также разработка научно обоснованных правил квалификации таких деяний. В статье автор рассматривает различные точки зрения ученых относительно содержания вины в преступлениях, связанных со склонением к самоубийству и содействием самоубийству (как в основном составе, так и в квалифицированных), предлагает свое видение проблемы, подкрепляя его примерами из судебной практики. Автор приходит к выводу, что склонение к самоубийству и содействие самоубийству могут быть совершены только с прямым умыслом.

Ключевые слова: склонение к самоубийству, содействие самоубийству, вина, умысел, неосторожность

Для цитирования: Айвазян А. Г. Вина в склонении к самоубийству и содействии самоубийству (ст. 110.1 УК РФ) // Криминалистъ. 2024. № 1 (46). С. 3–8.

Original article

GUILT IN INDUCING SUICIDE AND FACILITATING SUICIDE (ARTICLE 110.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Asmik G. AYVAZYAN

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, agavazan@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the problems of guilt in crimes under Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Inducement to commit suicide or assistance in committing suicide». The relevance

---

© Айвазян А. Г., 2024

of the topic is evidenced by the unsteady judicial practice in this category of cases, as well as the lack of consensus among the scientific community about the forms of guilt in the acts analyzed. The purpose of the study is to resolve theoretical and practical problems related to the establishment of guilt for inducing suicide and facilitating its commission, as well as the development of scientifically based rules for the qualification of such acts. In the course of this research, the author examines various viewpoints of scholars regarding the content of guilt in crimes related to inducing to or assisting in a suicide (for both essential elements and aggravating circumstances of the crime), offers his vision of the problem, supporting it with examples from judicial practice. The author comes to the conclusion that inducement to suicide and assistance in suicide can only be committed with direct intent.

Keywords: inducement to suicide, assistance in suicide, guilt, intent, negligence

For citation: Ayvazyan A. G. Guilt in inducing suicide and facilitating suicide (Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminalist*. 2024;1(46):3-8. (In Russ.).

Российскому уголовному законодательству составы преступлений склонение к самоубийству и содействие самоубийству известны еще с XIX века. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержалась норма об уголовной ответственности за склонение к самоубийству, доставление средств для совершения самоубийства, иное участие в совершении лицом самоубийства (ст. 1946)¹.

Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена ответственность за склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков предусмотренного ст. 110 УК РФ доведения до самоубийства (ч. 1 ст. 110.1 УК РФ), а также за содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ). Части 3–6 ст. 110.1 УК РФ предусматривают ответственность за квалифицированные и особо квалифицированные виды склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства.

Одним из важнейших вопросов при осуществлении уголовного преследования по данной категории дел как в XIX веке, так и сейчас является проблема установления содержания вины.

В отличие от действующего в Российской Федерации Уголовного кодекса, Уложение

о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года признавало самоубийство преступлением (ст. 1943, 1944) и предусматривало за совершение подобного деяния ответственность в виде лишения христианского погребения и признания ничтожными предсмертных распоряжений, а лицу, покусившемуся на собственную жизнь, но не исполнившему свое намерение по не зависящим от него обстоятельствам, назначалось наказание в виде церковного покаяния (если он христианин). Для лиц, осуществлявших склонение жертвы к самоубийству или содействовавших ей каким-либо образом в достижении своей цели, ответственность наступала по отдельной норме (ст. 1946 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года), в соответствии с которой злоумышленнику назначалась такая же мера наказания, как и при пособничестве в умышленном убийстве. По мнению Н. С. Таганцева, несмотря на то что Уложение 1845 года признавало самоубийство преступным деянием, преступления, предусмотренные ст. 1946, являлись самостоятельными преступлениями *delictum sui generis* (единственные в своем роде – лат.), а не формами соучастия в самоубийстве [1, с. 442]. Однако, рассуждая о вине субъекта преступления, Н. С. Таганцев все же рассматривал склонение к самоубийству и содействие самоубийству сквозь призму соучастия и утверждал, что лица, склоняющие к самоубийству и содействующие ему, осознавали, что «подстрекают или помогают самоубийству, и желали этого» [1, с. 442]. То есть указанные преступления могли быть совершены только с прямым умыслом.

Многие современные исследователи также полагают, что данные деяния соверша-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <http://hdl.handle.net/11701/8933> (дата обращения: 19.01.2023).

ются только с прямым умыслом [2, с. 29–32; 3, с. 78; 4; 5]. Такая позиция чаще всего объясняется тем, что основные составы преступлений, предусмотренные чч. 1, 2 ст. 110.1 УК РФ, и квалифицированный состав, предусмотренный ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, построены по типу формальных, т. е. не подразумевают наступления общественно опасных последствий, а в преступлениях с формальным составом недопустимы никакие другие формы вины, кроме прямого умысла [6, с. 291]. Вместе с тем в науке уголовного права существует мнение о том, что преступления с формальным составом могут совершаться и с косвенным умыслом виновного [7]. А некоторые исследователи и вовсе отрицают деление составов преступлений на материальные и формальные [8]. Однако такие версии в науке не нашли единогласной поддержки экспертного сообщества.

Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства, оказавшиеся для злоумышленника «успешными» и повлекшие последствия в виде самоубийства или покушения на него, необходимо квалифицировать уже по ч. 4 ст. 110.1 УК РФ. Если те же действия субъекта привели к самоубийству или покушению на самоубийство специальной жертвы (несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности), то данное преступление подлежит квалификации по ч. 5 ст. 110.1 УК РФ. Часть 6 ст. 110.1 УК РФ предусматривает преступные последствия в виде самоубийства двух и более лиц. Таким образом, составы преступлений, изложенные в чч. 4–6 ст. 110.1 УК РФ, по своей конструкции являются материальными, что приводит некоторых исследователей к мысли о возможном совершении этих преступлений не только с прямым умыслом, но и с косвенным.

По мнению Э. В. Рыжова и М. А. Малетиной, субъективная сторона склонения к самоубийству и содействия самоубийству характеризуется умышленной формой вины (прямой или косвенный умысел) [9, с. 117–118; 10, с. 143–144]. Н. М. Елисеева и С. В. Филиппова считают, что склонение к

самоубийству, повлекшее последствия в виде самоубийства или покушения на самоубийство, возможно только с прямым умыслом, а вот при содействии совершению самоубийства может быть как прямой, так и косвенный умысел [11, с. 116–117; 12, с. 35–89]. Обосновывая такую позицию, С. В. Филиппова отмечает, что «виновное лицо осознает, что своим поведением оказывает помощь суициденту, предвидит возможность или неизбежность совершения в результате совместных действий самоубийства или его попытки и желает этого либо не желает, но сознательно допускает эти последствия или относится к ним безразлично» [12, с. 79–80].

Разумеется, вышеназванные авторы, полагаящие, что результативное содействие самоубийству может совершаться с любым видом умысла, соотносят этот состав преступления с пособничеством, которое, как известно из теории уголовного права, может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом [13, с. 31]. С одной стороны, содействие самоубийству — это отдельный состав преступления, с другой — идентичность его такой форме соучастия, как пособничество (ч. 5 ст. 33 УК РФ), не вызывает сомнений. Однако, в отличие от пособничества, злоумышленник оказывает содействие в самоубийстве не преступнику, а жертве, используя при этом способы, указанные в ч. 2 ст. 110.1 УК РФ. Напомним, что в ч. 2 ст. 110.1 УК РФ говорится о содействии совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства, устранением препятствий к его совершению, обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства. Подобное содействие невозможно без осознания его общественной опасности (интеллектуальный элемент), а также желания совершить это деяние (волевой элемент). Кроме того, когда злоумышленник осуществляет склонение к самоубийству или оказывает содействие совершению самоубийства, он не знает, наступят ли желаемые им последствия или нет, дальнейшие события от него уже не зависят.

Рассмотрим следующий абстрактный пример. З. для совершения суицида просит Т. достать яд. Т. понимает, для чего нужен

яд, но соглашается, приобретает яд и передает его З. От Т. уже не зависит, употребит этот яд жертва или передумает. Следуя логике указанных исследователей, можно предположить, что если жертва З. не употребит яд, вина Т. будет выражена только в форме прямого умысла (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ), а если употребит — то может быть как прямой умысел, так и косвенный (ч. 4 ст. 110.1 УК РФ). На наш взгляд, подобное толкование является ошибочным, поскольку форма вины в деянии, которое уже совершено субъектом преступления, не может измениться. Может поменяться его отношение к наступившим последствиям, он может раскаиваться, попробовать предотвратить самоубийство, но вина по отношению к первоначально совершенному деянию остается неизменной.

Судебная практика по уголовным делам анализируемой категории достаточно скупа и в то же время противоречива. Е. посредством социальной сети «ВКонтакте» познакомился с девушкой М., которая искала лицо для совместного совершения суицида. В ходе переписки они договорились о совершении совместного суицида путем отравления угарным газом. М. подыскала квартиру для совершения планируемого суицида, а Е. с помощью привезенного им скотча загерметизировал вентиляционное отверстие в ванной комнате, а также щели между дверью и дверной коробкой, т. е. устранил препятствия совершению самоубийства, после чего включил ранее привезенную им портативную газовую плиту, на которую поставил сковороду и уголь, который стал нагревать на плите с целью наполнения помещения ванной комнаты угарным газом. Е., находившийся с М. в ванной комнате, почувствовав ухудшение состояния, разгерметизировал дверь в ванную комнату, открыл ее, выключил портативную плиту, предложил М. покинуть данное помещение и прекратить действия по совершению суицида, на что М. ответила отказом, оставшись в помещении ванной комнаты, а Е. ее покинул. В результате М. погибла от отравления ударным газом. Е. какую-либо помощь ей не оказал, лег спать, а через некоторое время покинул квартиру. Приговором Вологодского городского суда Е. признан виновным в

совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 110.1 УК РФ, ему назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы условно. Давая оценку действиям виновного, суд в приговоре указал, что «содействие совершению самоубийства, предусмотренное ч. 4 ст. 110.1 УК РФ, может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, т. е. субъект может как желать наступления таких последствий, так и не желать, но сознательно допускать их либо относиться к ним безразлично», однако с каким видом умысла совершил деяние Е., не обозначил. Суд также постановил, что поскольку содействие совершению самоубийства признается оконченным с момента самого содействия, то оснований для признания добровольного отказа подсудимого Е. от совершения преступления не имеется¹. Однако судом не рассматривалась версия об отсутствии в действиях Е. состава преступления. Как следует из приговора, Е., как и М., хотел покончить с жизнью путем самоубийства. Договорившись о суициде, они распределили между собой роли, и каждый выполнил то, что планировал. В процессе приготовления к суициду М. снимала видео с Е., опубликовала его в своей социальной сети, Е. не возражал против этого и не скрывался. Все действия Е. были направлены на совместное совершение самоубийства с М., но в последний момент он отказался от задуманного и попытался, хотя и безуспешно, отговорить от этого М.

Криминализация содействия самоубийству порождает сложности в квалификации преступлений против жизни. Эти сложности связаны с разграничением убийства и результативного содействия самоубийству. К., пообещав оказать содействие М. в совершении самоубийства, а также скрыть орудие самоубийства, проследовал с ним на безлюдный участок местности на окраине Северодвинска, где М. приставил к своему затылку имеющийся у него пистолет и, получив от К. информацию о том, что пистолет направлен правильно, прямо в голову, выстрелил

¹ Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 19 мая 2022 г. по делу № 1-291/2022. // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/65530084?ysclid=lfpj1mah6a983694207> (дата обращения: 26.03.2023).

себе в затылок. Сразу после совершения М. суицидальной попытки К., желая до конца исполнить волю М. уйти из жизни, взял пистолет и произвел четыре выстрела в голову лежащего на земле М., затем покинул место преступления, пистолет и оставшиеся патроны выбросил в канаву, заполненную водой¹. Обстановка совершения преступления, а также его способ вызывают сомнения в правильности квалификации содеянного. Вердиктом присяжных заседателей К. признан виновным в содействии совершению самоубийства, а по обвинению в убийстве оправдан, поскольку, как установило судебное следствие, К. был уверен, что стрелял в мертвое тело М. Однако, если К. был уверен, что М. уже мертв, и его умыслом охватывалось лишь содействие самоубийству, зачем он произвел четыре выстрела, ведь воля потерпевшего уже исполнена. Если же после попытки самоубийства М. остался жив и К., желая ему помочь, совершил четыре выстрела в голову М., то квалифицировать данное деяние необходимо по ст. 105 УК РФ.

Представляет большой интерес исследование Н. М. Егоровой, которая утверждает, что при буквальном толковании ч. 5 ст. 110.1 УК РФ можно сделать заключение, что «самоубийство или покушение на самоубийство несовершеннолетнего, либо лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, либо женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, могут быть результатом склонения к самоубийству или содействия самоубийству, совершенных в отношении неких иных лиц» [14]. То есть злоумышленник склонял к самоубийству одно лицо, а в результате его действий совершила суицид или попытку суицида одна из жертв, перечисленных в ч. 5 ст. 110.1 УК РФ. Это дает основание

автору «полагать, что по отношению к самоубийству потерпевших, указанных в ч. 5 ст. 110.1 УК РФ, у виновного могут быть как умысел, так и неосторожность» [14]. Такого же мнения исследователь придерживается относительно деяния, предусмотренного ч. 6 ст. 110.1 УК РФ: в отношении одного потерпевшего — прямой умысел, в отношении второго и остальных — любая форма вины.

На наш взгляд, такая позиция исследователя вступает в противоречие с принципом вины (ст. 5 УК РФ). Если в результате склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства жертва совершает суицид и в связи с этим событием другие лица (не находящиеся под влиянием преступника, а исходя из своих личных переживаний и умозаключений) также совершают самоубийство, то такие последствия никак не могут вменяться виновному, они выходят за рамки его вины. Разумеется, это не касается тех случаев, когда злоумышленник сознательно совершает поступки и преступления, в том числе и убийство родных и близких жертвы, чтобы привести потерпевшего в состояние депрессии и готовности покончить жизнь самоубийством. В данном случае убийство одной жертвы является способом доведения до самоубийства другой жертвы. Вместе с тем поскольку склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению не включают в себя насильственные способы воздействия, то и совершение преступления в отношении одной жертвы, в результате которого другое лицо совершает суицид, не может квалифицироваться по ст. 110.1 УК РФ. В данном контексте с определенной долей вероятности мы можем рассматривать лишь ст. 110 УК РФ. Что же касается квалификации преступления по ч. 6 ст. 110.1 УК РФ, на наш взгляд, склонение к совершению самоубийства или содействие ему, совершенное в отношении двух и более лиц, должно охватываться единым прямым умыслом. Если лицо целенаправленно действовало с целью склонить к самоубийству или содействовать самоубийству двух и более лиц, то, аналогично разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приведенному в постановлении от 27 января 1999 года № 1

¹ Северодвинский городской суд Архангельской области : сайт. URL: http://seversud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=412 (дата обращения: 28.03.2023) ; Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу : сайт. URL: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1398132> (дата обращения: 26.03.2023).

«О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)», не имеет значения, совершены ли самоубийства одновременно или нет, при наличии единого умысла совокупности преступлений данные деяния не образуют¹.

Проанализировав действующее законодательство, судебную практику, а также многочисленные мнения исследователей, полагаем, что склонение к самоубийству и содействие самоубийству могут быть совершены только с прямым умыслом.

Список источников

1. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 1. Санкт-Петербург : Тип. Н. А. Неклюдова, 1870. 466 с.
2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Е. Ю. Антонова, А. Г. Безверхов, А. Г. Кибальник [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2023. 407 с. (Высшее образование: Бакалавриат).
3. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / В. Ф. Щепельков, В. Н. Бурлаков, В. Н. Оленников [и др.] ; под ред. В. Н. Бурлакова, В. В. Векленко, В. Ф. Щепелькова. 4-е изд., доп. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2022. 896 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий / К. А. Барышев, Ю. В. Грачева, Р. О. Долотов [и др.] ; под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2021. 816 с.
5. Попов А. Н. Краткий анализ составов преступлений против жизни, сопряженных с самоубийством потерпевшего // Криминалист. 2018. № 1 (22). С. 8–12.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. Москва : Бек, 1996. 560 с.
7. Кондрашова Т. В. К вопросу о возможности косвенного умысла и легкомыслия в формальных составах преступлений // Пенитенциарная наука. 2008. № 2. С. 36–38.
8. Крылова Н. Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2017. № 6. С. 15–28.
9. Рыжов Э. В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Рыжов Эдуард Валерьевич ; Нац. исслед. Томский гос. ун-т. Москва, 2019. 216 с.
10. Малетина М. А. Уголовно-правовая характеристика преступной причастности к самоубийству, не связанной с доведением до него : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Малетина Мария Александровна ; Омская акад. М-ва внутренних дел Российской Федерации. Барнаул, 2021. 226 с.
11. Елисеева Н. М. Квасисоучастие в самоубийстве: актуальные проблемы криминализации и дифференциации ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Елисеева Надежда Михайловна ; Кубан. гос. аграр. ун-т имени И. Т. Трубилина. Краснодар, 2020. 198 с.
12. Филишова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Филишова Светлана Валерьевна ; Ун-т прокуратуры Российской Федерации. Москва, 2020. 209 с.
13. Пинчук В. И. Соучастие в преступлении : учеб. пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2002. 44 с.
14. Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11–17.

Информация об авторе

А. Г. Айвазян – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A. G. Ayvazyan – Postgraduate Student at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

¹ О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 3 марта 2015 г. // КонсультантПлюс. Надежная правовая поддержка : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 26.03.2023).

Научная статья
УДК 343.13

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕДАЧИ ЛИЦА ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ИНОСТРАННОЕ ГОСУДАРСТВО

Елена Владимировна БАРКАЛОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, elena_vallask@mail.ru

Аннотация. С учетом международных договоров и судебно-следственной практики проанализированы условия и основания отказа в передаче лица для отбывания наказания в иностранное государство.

Ключевые слова: уголовный процесс, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, передача лица для отбывания наказания в иностранное государство

Для цитирования: Баркалова Е. В. Актуальные вопросы передачи лица для отбывания наказания в иностранное государство // Криминалистика. 2024. № 1 (46). С. 9–15.

Original article

CURRENT ISSUES OF TRANSFERRING PERSONS TO SERVE THEIR
SENTENCE IN A FOREIGN STATE

Elena V. BARKALOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, elena_vallask@mail.ru

Abstract. Taking into account international treaties and judicial investigative practice, analysis is made of the conditions and grounds for refusal to transfer a person to serve a sentence in a foreign state.

Keywords: criminal procedure, international cooperation in the field of criminal proceedings, transfer of a person to serve a sentence in a foreign state

For citation: Barkalova E. V. Current issues of transferring persons to serve their sentence in a foreign state. Criminalist. 2024;1(46):9-15. (In Russ.).

Комплексный характер и межотраслевая правовая природа института передачи лица для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является, отмечаются в научной литературе [1, с. 46] и обосновываются тем, что «его нормативно-правовое регулирование осуществляется на основе норм международного, конституционного и уголовно-процессуального законодательства, что предопределяет особенности его содержания и механизма реализации на практике» [2, с. 1114], а также предпола-

гает анализ правоприменителем в процессе подготовки и исполнения соответствующих запросов норм уголовного (в части сравнения и адаптации уголовно-правовых норм национального и зарубежного законодательства относительно инкриминируемого деяния и вида назначенного лицу наказания), уголовно-исполнительного (в части условий и порядка отбывания наказания осужденным), уголовно-процессуального (в части процедуры направления и исполнения запроса о передаче осужденного, признания

© Баркалова Е. В., 2024

и исполнения приговора суда иностранного государства), гражданского (по вопросам гражданско-правовых обязательств о возмещении ущерба и реализации способов обеспечения исполнения обязательств) и гражданско-процессуального права (в части процедуры предъявления иска в уголовном процессе).

Правовую основу данного направления международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства составляют прежде всего международные договоры, как многосторонние, так и двусторонние, анализ которых проведен в научной литературе [1, с. 46; 2, с. 1115; 3]. Передача может также осуществляться на основе принципа взаимности (ст. 469 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Условиями передачи лица для отбывания наказания в иностранном государстве являются: 1) вступление приговора в отношении этого лица в законную силу и если исчерпаны возможности для обжалования; 2) уголовная наказуемость деяния, за которое осуждено передаваемое лицо, по законодательству обоих государств; 3) назначение в качестве наказания лишения свободы на срок не менее указанного в соответствующем международном договоре; 4) наличие заявления или обращения осужденного, его родственников или представителя либо компетентного органа в области исполнения наказания; 5) соблюдение процедуры направления и рассмотрения запроса о передаче лица для отбывания наказания в государстве, гражданином которого лицо является.

Третье из указанных требований предусматривает именно назначение лицу наказания в виде лишения свободы, а не иного вида наказания. И Московская конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 года (ст. 5), и Берлинская конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются от 19 мая 1978 года ссылаются на это условие как обязательное. Ряд ученых обращают на это внимание [3, с. 5–6; 4, с. 98]. Однако в связи с выполнением определенных процедур по введению в действие Ки-

шиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года¹ на практике может возникнуть вопрос о применении ст. 111 данной Конвенции, не указывающей на назначение осужденному наказания в виде лишения свободы как предпосылку передачи лица для отбывания наказания в государстве его гражданства [5, с. 15].

В научной и учебно-методической литературе также анализировались требования, предъявляемые к оформлению запроса о передаче лица для отбывания наказания, изложенные как в национальном законодательстве, так и в двусторонних договорах [5, с. 37–43; 6, с. 915; 7, с. 579–580]. Особое внимание правоприменителю рекомендуется обращать на основания отказа в передаче лица для отбывания наказания. Они предусмотрены ст. 471 УПК РФ и во многом схожи с изложенными в международных договорах, регламентирующих рассматриваемое направление международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

1. Первое основание отказа в передаче лица для отбывания наказания предполагает, что ни одно из деяний, за которое лицо осуждено, не признается преступлением по законодательству государства, гражданином которого является осужденный.

Данное основание является императивным для всех направлений международно-правового сотрудничества и рассматривается с позиций уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Сравнение конструкций составов преступлений предполагает анализ сущности инкриминируемого лицу деяния, анализ общих и специальных норм уголов-

¹ 23 июня 2003 года была сдана ратификационная грамота Российской Федерацией, в связи с чем Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года, заключительные положения которой предусматривают замену Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года, вступила для Российской Федерации в законную силу и применяется в международно-правовом сотрудничестве с государствами, ратифицировавшими ее.

ного законодательства, носящих зачастую бланкетный характер.

Гражданин Эстонии М. был осужден за пиратство, предусмотренное ч. 3 ст. 227 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в санкции которой указано наказание от десяти до пятнадцати лет лишения свободы. Преступление, за которое М. осужден, подпадает под действие ч. 1 ст. 110 Пенитенциарного кодекса Эстонии. Однако ч. 1 ст. 110 Пенитенциарного кодекса Эстонии не предусматривает изложенных в ст. 227 УК РФ квалифицирующих признаков: совершение пиратства организованной группой, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, за что осужден М.

Таким образом, законодательство Эстонии ввиду его чрезмерной мягкости несопоставимо с Уголовным кодексом Российской Федерации, в связи с чем при передаче М. для отбывания наказания в Эстонской Республике принцип справедливости не будет соблюден. Постановлением Архангельского областного суда от 7 мая 2014 года было отказано в передаче М. для отбывания наказания в Эстонии¹.

2. Второе основание отказа в передаче лица для отбывания наказания, «невозможность исполнения назначенного осужденному наказания в иностранном государстве», подразделяется на следующие виды в зависимости от причины неисполнения наказания:

а) истечение срока давности или иное основание, предусмотренное законодательством этого государства;

б) непризнание судом или иным компетентным органом иностранного государства приговора суда Российской Федерации либо признание судом или иным компетентным органом иностранного государства приговора суда Российской Федерации без установления порядка и условий отбывания осужденным наказания на территории иностранного государства.

Постановлением Алтайского краевого суда от 27 января 2014 года отказано в удов-

летворении представления заместителя директора ФСИН России о передаче осужденного в Республику Казахстан, гражданином которой он является и где проживают его родственники, для дальнейшего отбывания им наказания, назначенного по приговору Алтайского краевого суда от 11 мая 1999 года.

Верховный Суд Российской Федерации постановлением Алтайского краевого суда оставил без изменения, апелляционную жалобу — без удовлетворения, указал, что приговор Алтайского краевого суда от 11 мая 1999 года не признан в части осуждения Б. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 166 УК РФ — неправомерное завладение автомобилем при отягчающих обстоятельствах и ст. 317 УК РФ — посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов, в связи с чем в случае передачи Б. в Республику Казахстан приговор в этой части не будет исполнен и Б. не понесет ответственности за данные преступления.

Доводы стороны защиты о том, что Алтайским краевым судом при вынесении постановления не учтено постановление Восточно-Казахстанского областного суда о принятии к исполнению на территории Республики Казахстан приговоров Алтайского краевого суда и восьми непогашенных исполнительных листов в отношении Б., были признаны несостоятельными, поскольку фактически принимающая сторона не дала никаких гарантий исполнения приговора в части осуждения Б. за инкриминированные ему преступления²;

в) несопоставимость условий и порядка отбывания осужденным наказания, определенного судом, с предусмотренными законодательством иностранного государства.

Данное основание отказа в передаче лица для отбывания наказания в государстве его гражданства является одним из наиболее распространенных на практике и предполагает сопоставление норм уголовного и уголовно-исполнительного права, регламентирующих условия и порядок отбыва-

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 июля 2014 г. № 1-АПУ14-14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2014 г. № 51-АПУ14-9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния наказания в иностранном государстве, с национальным законодательством.

Так, постановлением Тагилстроевского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области от 19 августа 2021 года было отказано в передаче Г. для отбывания наказания в государстве ее гражданства ввиду несопоставимости срока отбывания наказания за совершенное ею преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, максимальная санкция за которое по Уголовному кодексу Российской Федерации составляет двадцать лет лишения свободы и по уголовному закону другого государства — пятнадцать лет лишения свободы. Также существенным образом отличается порядок зачета в срок отбывания наказания срока предварительного заключения¹.

Схожее решение было принято по делу о рассмотрении запроса о передаче С. для отбывания наказания в Республике Кыргызстан, поскольку законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Кыргызстан предусматривались существенным образом отличающиеся сроки наказания в виде лишения свободы за совершенное С. преступление².

Вместе с тем в судебной практике не признается существенным отличие в сроке отбывания наказания в виде лишения свободы менее двух лет³.

¹ Постановление Тагилстроевского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области от 19 августа 2021 г. № 4/18-7/2021 // Архив Тагилстроевского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области. 2021 г.

² Постановление Тагилстроевского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области об отказе в удовлетворении представления Федеральной службы исполнения наказаний о передаче осужденного С. для отбывания наказания на территории Кыргызской Республики от 16 февраля 2023 г. № 4/937-7/2021 // Архив Тагилстроевского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области. 2023 г.

³ Постановление Тагилстроевского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области об удовлетворении представления Федеральной службы исполнения наказаний о передаче осужденной А. для отбывания наказания на территорию Кыргызской Республики от 11 мая 2023 г. б/н // Архив Тагилстроевского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области. 2023 г.

Отсутствие в законодательстве иностранного государства дополнительного наказания, назначенного осужденному по приговору суда Российской Федерации, влечет за собой невозможность полностью исполнить назначенное наказание, а значит, подразумевает несопоставимость условий отбывания наказания.

Постановление Верховного суда Республики Башкортостан от 27 января 2011 года о передаче Р. для отбывания наказания в Республике Казахстан было отменено ввиду отсутствия конфискации имущества, назначенной Р., в законодательстве Казахстана⁴.

3. От осужденного или от иностранного государства не получены гарантии исполнения приговора в части гражданского иска.

Непредоставление осужденным или компетентным органом иностранного государства гарантий исполнения приговора также нередко является основанием отказа в передаче лица для отбывания наказания в иностранном государстве. Так, апелляционным определением Верховного Суда Российской Федерации отменено решение Белгородского областного суда от 20 мая 2014 года о передаче П., осужденного приговором Волгоградского областного суда от 7 июля 2010 года, для отбывания наказания в виде лишения свободы в государстве, гражданином которого он является, поскольку П. не выплачены денежные средства, которые согласно приговору постановлено взыскать с него в пользу потерпевшей и в федеральный бюджет, и не предоставлены гарантии, что указанные суммы будут выплачены в случае передачи осужденного для отбывания лишения свободы в иностранном государстве. Устное обязательство П. погасить задолженность не может рассматриваться в качестве гарантии удовлетворения иска. К тому же судом не было принято во внимание то, что в материалах уголовного дела имелись три исполнительных листа, в том числе один от 14 октября 2010 года — на оплату услуг адвоката, выплата по которому не была произведена ввиду нетрудоустрой-

⁴ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2011 г. № 49-О11-18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ства осужденного и отсутствия у него иных видов дохода¹.

Аналогичная ситуация стала предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации по делу Б. Факт принятия к исполнению на территории Республики Казахстан восьми непогашенных исполнительных листов по постановлению Восточно-Казахстанского областного суда от 11 сентября 2012 года не является достаточной гарантией исполнения Б. обязательств, который за весь период отбывания наказания не предпринял никаких реальных действий по исполнению своих обязательств перед потерпевшими, в связи с чем суд обоснованно сделал вывод о том, что Б. и в дальнейшем не собирается исполнять свои обязательства по приговорам в части гражданских исков. Суд счел, что при таких обстоятельствах будут нарушены права потерпевших, а также государства, постановившего приговоры, — Российской Федерации.

Утверждения в жалобах о том, что Б. признает иски и обязуется их погасить путем трудоустройства в исправительном учреждении Республики Казахстан, а также его ссылки на помощь в погашении исков родственниками, проживающими в Республике Казахстан, обоснованно подвергнуты судом критической оценке, так как эти доводы не могут быть приняты в качестве гарантии исполнения приговоров в части гражданских исков, поскольку они основаны на предположениях и являются голословными².

Заявление осужденного и его родственников о намерении исполнить исковые обязательства, а также отсутствие письменного обязательства компетентного органа государства, гражданином которого является осужденный (как правило, министерства юстиции или генеральной прокуратуры)³,

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2014 г. № 57-АПУ14-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2014 г. № 51-АПУ14-9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. по делу № 38-АПУ15-5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не могут рассматриваться в качестве гарантий исполнения обязательств по гражданским искам⁴.

Анализируя статьи 8, 307 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что надлежащими гарантиями исполнения приговора в части гражданского иска могут быть залог, поручительство, банковская гарантия. Не обеспеченные денежными средствами гарантии не могут подтверждать реальность исполнения приговора в части гражданского иска⁵.

Международное законодательство исходит из иной трактовки данного основания отказа в передаче лица для отбывания наказания в государстве, гражданином которого лицо является. Так, статьей 6 Московской конвенции о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 года предусмотрена возможность отказа в удовлетворении запроса о передаче осужденного в случае, если им не возмещен ущерб, нанесенный преступлением.

4. Не достигнуто согласие о передаче осужденного на условиях, предусмотренных международным договором Российской Федерации.

Ш. был осужден за совершение преступлений различными судами Астраханской области. Будучи гражданином Республики Узбекистан, отбывая наказание в ФКУ ИК <...> УФСИН России по <...> области, Ш. обратился в суд с ходатайством о передаче его для дальнейшего отбывания наказания по месту проживания — на территории Республики Узбекистан. Постановлением судьи от 7 февраля 2013 года осужденному Ш. в этом было отказано. Верховный Суд Российской Федерации оставил его без изменения.

При рассмотрении ходатайства осужденного Ш. было установлено, что по Конвенции о передаче осужденных к лишению сво-

⁴ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2011 г. № 51-О11-88 ; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 86-О13-1. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2015 г. № 57-АПУ15-15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

боды для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 года узбекской стороной не направлено депозитарию уведомление о выполнении внутригосударственных процедур, необходимых для ее вступления в силу.

В ходе экспертных консультаций на обращение российской стороны о возможности применения сторонами принципа взаимности в сфере передачи осужденных до заключения соответствующего двустороннего договора узбекская сторона заявила, что ввиду отсутствия в национальном законодательстве норм, регламентирующих порядок передачи лиц, осужденных к лишению свободы, в государство их гражданства, передача осужденных в отсутствие международного договора не представляется возможной¹.

Схожая ситуация по применению п. 4 ст. 471 УПК РФ имела место при неоднократном рассмотрении заявлений Т., гражданина Республики Узбекистан. Ввиду отсутствия договора между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан о передаче осужденных, оснований для удовлетворения заявления Т. не усматривалось.

В результате проверки, проведенной Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, установлено, что на момент принятия обжалуемого решения между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан отсутствовали международные договорные отношения по вопросу передачи осужденных; письменное соглашение компетентных органов Российской Федерации и Республики Узбекистан о передаче Т. заключено не было.

Постановление Красноярского краевого суда от 29 ноября 2012 года в отношении Т. было оставлено без изменения².

5. Осужденный имеет постоянное место жительства в Российской Федерации.

Наличие места жительства в государстве, куда предполагается передача осужденного, носит обязательный характер, поскольку таким образом будут определяться

и подсудность рассмотрения судом вопроса о признании приговора суда иностранного государства, и порядок разрешения вопросов возмещения вреда и последующей социальной реабилитации осужденного. Однако если у осужденного иностранного гражданина имеется постоянное место жительства в Российской Федерации, то его передача для отбывания наказания в иностранном государстве нецелесообразна ввиду возможности решения вышеуказанных вопросов по месту его постоянного жительства.

Некоторые международные договоры содержат следующее основание для отказа в передаче лица: приговор не окончательный и не вступил в законную силу; против осужденного возбуждено другое уголовное дело, по которому еще не вынесен приговор; на момент получения запроса о передаче срок лишения свободы, который осужденному еще предстоит отбыть, составляет шесть месяцев (ст. 4 Договора Российской Федерации и Королевства Испания о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы, заключенного в городе Москве 16 января 1998 года³).

Договор между Российской Федерацией и Литвой предусматривает в качестве основания для отказа в передаче лица для отбывания наказания в иностранном государстве невозмещение причиненного им ущерба от преступления или неисполнение иного денежного обязательства (ч. 2 ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Литовской Республикой о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы, заключенного в городе Вильнюсе 25 июля 2001 года⁴).

Примечательно, что договоры более позднего времени (ч. 2 ст. 3 Конвенции между Российской Федерацией и Французской Республикой о передаче лиц, осужденных к лишению свободы 2003 года) содержат гораздо меньше оснований для отказа в передаче осужденных: если государство вынесения приговора считает, что

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2013 г. № 25-АПУ13-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 мая 2013 г. № 53-О13-15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Ратифицирован Федеральным законом от 8 октября 2000 г. № 125-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Ратифицирован Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 108-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

передача нанесет ущерб его суверенитету, безопасности или публичному порядку; если осужденный не выполнил какие-либо финансовые обязательства, вытекающие из судебного решения, или если не получены достаточные, по мнению государства вынесения приговора, гарантии выполнения таких обязательств.

Вышеуказанные двусторонние договоры правом осуществления амнистии и помилования наделяют как государство вынесения приговора, так и государство его исполнения.

Исполнением и направлением запросов о передаче лиц для отбывания наказания занимается соответствующее учреждение в области исполнения наказаний Российской Федерации. Функции надзора за реализацией данного направления международно-правового сотрудничества возложены на органы прокуратуры Российской Федерации. Генеральная прокуратура Российской Федера-

ции (чч. 2, 3 ст. 453 УПК РФ) осуществляет взаимодействие с компетентными органами иностранных государств, международными органами и организациями в целях обеспечения выполнения международных обязательств Российской Федерации, в том числе по вопросам передачи лица для отбывания наказания в иностранном государстве, проводит проверки иностранных запросов о правовой помощи на соответствие международным договорам и законодательству Российской Федерации, организует их своевременное рассмотрение и исполнение¹. Анализ соблюдения условий передачи лица для отбывания наказания и наличия или отсутствия оснований для передачи станет залогом надлежащего разрешения запроса иностранного государства или осужденного о передаче в иностранное государство для отбывания наказания.

Список источников

1. Гришина Е. П. Международно-правовое и национальное регулирование вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора в части передачи осужденного для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является // Администратор суда. 2019. № 3. С. 45–48.
2. Крымов А. А. Передача осужденных лиц для дальнейшего отбывания наказания как межотраслевой комплексный институт права // Lex russica. 2014. № 9. С. 1114–1119.
3. Быкова Е. В. Значение передачи осужденных в международном сотрудничестве // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 3. С. 12–15.
4. Мельникова Э. Б. Международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции. Москва : Проспект, 2003. 112 с.
5. Баркалова Е. В., Маначкин А. А. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности граждан государств – участников Содружества Независимых Государств за преступления, совершенные на территории Российской Федерации или против ее интересов // Криминалистика. 2023. № 3 (43). С. 11–16.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : (постатейный) / О. Н. Ведерникова, С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев ; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. 1056 с.
7. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : (постатейный) : материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 1 января 2012 года / под общ. ред. А. В. Смирнова. 6-е изд. : подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Е. В. Баркалова – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

E. V. Barkalova – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

¹ О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июня 2020 г. № 297. П. 2.1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 34

ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В ЯПОНИИ И МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Сергей Сергеевич ГЛУХИХ

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, a-spirant@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены положения уголовно-процессуального законодательства Японии, регулирующие дискреционные полномочия прокурора, виды дискреционных полномочий прокурора в Японии, приведена соответствующая статистика. Рассмотрены механизмы контроля за реализацией дискреционных полномочий прокурором, в частности контроля, осуществляемого комиссиями по пересмотру решений прокурора, изучены статистические данные о деятельности комиссий. Сделан вывод о возрастании значения комиссий по пересмотру решений прокурора в общей системе уголовного судопроизводства Японии и необходимости дальнейшего изучения их деятельности и результатов рассмотрения в суде уголовных дел, по которым комиссиями приняты решения об обязательном предъявлении обвинения.

Ключевые слова: уголовный процесс, УПК Японии, прокурор, обвинение, дискреционные полномочия прокурора, комиссии по пересмотру решений прокурора

Для цитирования: Глухих С. С. Дискреционные полномочия прокурора в Японии и механизмы контроля их реализации // Криминалист. 2024. № 1 (46). С. 16–22.

Original article

DISCRETIONARY POWERS OF THE PROSECUTOR IN JAPAN AND CONTROL MECHANISMS FOR THEIR IMPLEMENTATION

Sergey. S. GLUKHIKH

University of the prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia, a-spirant@bk.ru

Abstract. The article examines the provisions of the criminal procedure legislation in Japan regulating the discretionary powers of the prosecutor, types of discretionary powers of the prosecutor in Japan, the relevant statistics being provided. The control mechanisms are considered to oversee the exercise of discretionary powers by the prosecutor, in particular by the commissions for review of the prosecutor's decisions, with statistical data on the activities of the commissions. The conclusion is made of the increasing importance of the Prosecution Review Commissions in the general system of criminal proceedings in Japan and of the need for further study of their activities and the results of court hearing of criminal cases where the commissions take decision of mandatory indictment.

Keywords: criminal procedure, the Criminal Procedure Code of Japan, prosecutor, prosecution, discretionary powers of the prosecutor, the Prosecution Review Commission (PRC)

For citation: Glukhikh S. S. Discretionary powers of the prosecutor in Japan and control mechanisms for their implementation. Criminalist. 2024;1(46):16-22. (In Russ.).

Обращение к опыту уголовного процесса иностранных государств, сравнение подходов к уголовному преследованию позволяет

глубже разобраться в собственных правовых реалиях и определить возможные направления дальнейшего развития отечественно-

© Глухих С. С., 2024

го права. Заслуживает внимания вопрос о дискреционных полномочиях прокурора в уголовном процессе, который до настоящего времени остается актуальным и дискуссионным в отечественной правовой науке.

В связи с ограничением функций прокуратор большинства иностранных государств в основном уголовным преследованием (публичным обвинением) дискреционные полномочия прокурора в этих странах относятся к полномочиям, связанным с возбуждением уголовного преследования и поддержанием обвинения, и позволяют прокурору проявлять осмотрительность при принятии решения о том, выдвигать ли обвинение против конкретного лица, какое обвинение выдвигать и как вести дело после его передачи в суд. Одной из ключевых особенностей дискреционных полномочий прокурора является то, что прокурору предоставляется возможность в каждом конкретном случае принимать решение о необходимости предъявления обвинения по своему усмотрению, принимая во внимание обстоятельства дела, что позволяет при принятии решения учитывать интересы правосудия, права обвиняемого и потребности общества.

В этой связи несомненный интерес вызывает опыт Японии, законодательством которой не только установлены широкие дискреционные полномочия прокурора в уголовном процессе, но и предусмотрен уникальный механизм контроля их реализации.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Японии (УПК Японии) начало уголовного преследования, реализуемое путем предъявления обвинения, или же отказ в его предъявлении находятся в исключительном ведении прокурора (ст. 247 УПК Японии). Необходимо отметить, что содержание термина «уголовное преследование» в японском и российском уголовном процессе различается. Если в отечественном уголовно-процессуальном праве уголовное преследование понимается как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), и включает предварительное расследование, то в Японии уголовным преследованием считается

процедура предъявления обвинения в суде (ст. 256 УПК Японии), подобная процедуре «первого появления» обвиняемого перед судом в странах семьи общего права [1, с. 94].

В то же время за этой монополией на обвинение скрывается широкий круг полномочий, которые прокурор может осуществлять по своему усмотрению. Так, по результатам расследования и анализа имеющихся материалов прокурор на данном этапе может:

1) начать уголовное преследование лица, которое осуществляется путем предъявления в соответствующий суд обвинительного акта (Кисо-дзё) — документа, содержащего сведения об обвиняемом, его задержании, существо обвинения с описанием времени, места и способа совершения преступления и квалификации содеянного в соответствии с действующим уголовным законом (ст. 256 УПК Японии).

Вместе с тем данный вид решений применяется к незначительному количеству дел из общего массива поступивших в прокуратуру, что определяется консервативной политикой предъявления обвинения, предписывающей прокурору возбудить уголовное преследование только в том случае, если по делу практически наверняка будет вынесен обвинительный приговор, что, в свою очередь, влечет почти стопроцентное вынесение обвинительных приговоров в Японии [2, р. 77 — 78];

2) ходатайствовать перед судом о проведении процесса в упрощенном порядке (*summary prosecution*, суммарное производство). Так, при согласии лица, привлекаемого к ответственности, вместо обвинительного акта прокурор направляет в суд запрос о вынесении решения в упрощенном порядке, содержащий кроме описания события преступления и его квалификации предложение о конкретном наказании — штрафе, не превышающем 1 000 000 йен, или же мелком штрафе (Уголовный кодекс Японии предусматривает самостоятельные виды штрафа: обычный — от 10 000 йен и мелкий — от 1 000 до 10 000 йен).

На практике судебное преследование в упрощенном порядке используется в случаях, когда содеянное не носит серьезного характера и подозреваемый признает предъявленное ему обвинение, и является важной

частью японского уголовного процесса. Подавляющее большинство дел, по которым прокурор решил предъявить обвинение, рассматривается в упрощенном порядке;

3) отказаться от предъявления обвинения. Существует несколько оснований, по которым государственный обвинитель принимает решение не возбуждать уголовное преследование. Наиболее распространенными основаниями для принятия решения об отказе в предъявлении обвинения являются так называемое приостановление преследования (*suspension of prosecution*), осуществляемое по усмотрению прокурора, и, в значительной мере, недостаточность доказательств, отсутствие в действиях лица признаков преступления и истечение срока давности привлечения к ответственности.

Наиболее полно широта дискреционных полномочий прокурора проявляется в приостановлении преследования — отказе от предъявления обвинения даже при наличии достаточных доказательств виновности подозреваемого. Так, УПК Японии предусматривает, что «в тех случаях, когда судебное преследование считается ненужным из-за характера, возраста и окружения правонарушителя, тяжести правонарушения и обстоятельств или ситуации после совершения правонарушения, уголовное преследование не требуется» (ст. 248 УПК Японии).

В литературе, посвященной вопросам дискреционных полномочий прокурора в Японии, более подробно раскрываются перечисленные ниже группы факторов, влияющих на решение прокурора об отказе от обвинения:

1) связанные с личностными особенностями, возрастом и окружением правонарушителя. Учитываются как врожденные, так и приобретенные качества личности правонарушителя, наличие у подозреваемого легкого психического расстройства, не исключающего уголовной ответственности, либо то обстоятельство, что преступление является «случайным» (так называемый случайный преступник) и личность правонарушителя не указывает на какие-либо признаки опасности рецидива в будущем.

Что касается возраста правонарушителя, то в соответствии с законодательством Японии несовершеннолетнее лицо в возрасте до

двадцати лет подпадает под юрисдикцию суда по семейным делам, в связи с чем государственный обвинитель передает несовершеннолетнего подозреваемого в суд по семейным делам. Помимо несовершеннолетия при принятии решения об отказе в предъявлении обвинения учитывается и пожилой возраст подозреваемого. Так, установлена корреляция между возрастными группами и отказом в предъявлении обвинения: чем выше возраст правонарушителя, тем больше вероятность приостановления судебного преследования. Этот факт может быть объяснен с точки зрения уголовной политики меньшей вероятностью рецидива со стороны пожилых людей в будущем [3, p. 522–523].

Под окружением правонарушителя понимаются условия его жизни. Такие условия должны приниматься во внимание с учетом того, как они способствовали формированию его личности, связанной с его преступным поведением. Кроме того, в качестве окружения правонарушителя рассматривается среда, в которую он попадет, если в отношении его будет принято решение о приостановлении преследования [3, p. 522–523];

2) связанные с тяжестью правонарушения, принимаемые в расчет на основании строгости наказания, предусмотренного за инкриминируемое лицо правонарушение. Помимо этого учитываются и конкретные отягчающие либо смягчающие наказание обстоятельства, при которых правонарушитель совершил правонарушение. Вместе с тем отмечается, что каким бы серьезным ни было совершенное преступление, виновный не должен быть лишен по этой причине возможности приостановления судебного преследования [3, p. 524–525];

3) связанные с обстоятельствами или ситуацией после совершения правонарушения, включая раскаяние преступника или урегулирование отношений с потерпевшей стороной. Также обстоятельства, последовавшие за правонарушением, предполагают изменение отношения общественности или жертвы к правонарушителю или изменение реакции на совершенное правонарушение и тому подобное.

В целом же выделяется ряд факторов, которые государственные обвинители в Японии принимают во внимание при приня-

тии решения о приостановлении судебного преследования: способ действия, частота совершения предыдущих правонарушений, количество соучастников, стоимость похищенных предметов, погашение предыдущих наказаний, возраст правонарушителя на момент правонарушения, было ли произведено возмещение ущерба потерпевшей стороне и др. [3, р. 525–526].

В литературе приводятся доводы о существенном различии между приостановлением преследования и иными основаниями отказа в предъявлении обвинения. Так, поскольку решение о приостановлении преследования предполагает вынесение прокурором решения о том, что подозреваемый действительно совершил преступление, с подозреваемым могут обращаться как с социальным изгоем, точно так же, как если бы он был осужден. Кроме того, приостановление судебного преследования может иметь сдерживающий эффект, так как подозреваемому дается понять, что снисхождение будет оказано только «в этот раз» [4, р. 689–690]. В то же время сравнение в японской правовой системе решения прокурора о приостановлении преследования с назначением условного наказания судом свидетельствует о преимуществе описываемых дискреционных полномочий прокурора. Так, приостановление преследования представляется более мягким вариантом, несущим меньшую стигматизацию и тем самым обещающим больше шансов на реабилитацию (или, точнее, меньшую вероятность рецидива), чем публичное судебное разбирательство с последующим условным приговором [5, р. 105].

В этом отношении приостановление преследования рассматривается с точки зрения способности правонарушителя продолжать свое социальное существование в качестве полноценного гражданина [6, р. 175–176].

В настоящее время решение о приостановлении преследования принимается прокурорами более чем в половине случаев из общего числа поступивших и рассмотренных дел. В таблице 1 приведена статистика принятых прокурорами решений по всем поступившим делам (из статистического сборника «Белая книга» за 2022 год, публикуемого Министерством юстиции Японии).

Из приведенных статистических данных усматривается, что на протяжении представленного периода наблюдения удельный вес решений о приостановлении преследования неуклонно возрастал и с 2007 года находится в диапазоне 50,3 % – 57,1 %.

О принятом решении о приостановлении преследования прокурором уведомляются подозреваемый и заявитель, что служит основой механизмов контроля за использованием прокурорами своих дискреционных полномочий. Среди таких механизмов выделяют квази-судебное преследование и деятельность комиссии по пересмотру решений прокурора.

1. Квази-судебное преследование – процедура, применяемая в целях обжалования решения прокурора об отказе в возбуждении уголовного преследования по преступлениям, связанным со злоупотреблением властью определенной категорией государственных служащих (преступления, предусмотренные ст. 193–196 Уголовного кодекса Японии или ст. 45 Закона о предотвращении подрывной деятельности). Если лицо, подавшее жалобу или заявление о совершении таких правонарушений, не удовлетворено решением прокурора об отказе в предъявлении обвинения, то заявитель может обратиться в окружной суд с просьбой передать дело для судебного разбирательства.

Обжалование решения производится путем подачи заявления (жалобы) в районный суд через прокурора, чье решение обжалуется, в семидневный срок со дня получения уведомления об отказе в возбуждении уголовного преследования. Если прокурор сочтет жалобу заявителя обоснованной, он возбуждает уголовное преследование, в противном случае передает обращение для дальнейшего рассмотрения в суд.

По результатам рассмотрения жалобы в суде может быть принято два варианта решения:

об отклонении жалобы, если заявление подано вопреки установленной форме, по истечении установленного срока обжалования или если она будет признана необоснованной;

о передаче жалобы на рассмотрение в компетентный окружной суд при признании жалобы обоснованной. В этом случае

**Статистические данные о принятых прокуратурой решениях
по поступившим делам за 2000 – 2021 годы¹**

Год	Общее количество поступивших дел	Решение о публичном судебном разбирательстве	%	Решение о применении суммарного производства	%	Решение о приостановлении преследования	%	Отказ в предъявлении обвинения по иным основаниям	%	Решение о передаче дела в суд по семейным делам	%
2000	2181473	122805	5,6	912377	41,8	842106	38,6	42594	2,0	261591	12,0
2001	2219801	130038	5,9	892613	40,2	885085	39,9	47744	2,2	264321	11,9
2002	2204575	139479	6,3	855270	38,8	896758	40,7	50344	2,3	262724	11,9
2003	2179363	146497	6,7	787157	36,1	939158	43,1	54393	2,5	252158	11,6
2004	2183811	148939	6,8	754128	34,5	977616	44,8	64054	2,9	239074	10,9
2005	2139557	146352	6,8	716116	33,5	988473	46,2	73028	3,4	215588	10,1
2006	2076777	138029	6,6	660101	31,8	991401	47,7	92637	4,5	194609	9,4
2007	1905951	125787	6,6	558696	29,3	957907	50,3	85955	4,5	177606	9,3
2008	1710864	119795	7,0	468162	27,4	890758	52,1	75791	4,4	156358	9,1
2009	1648700	118547	7,2	441047	26,8	859768	52,1	74455	4,5	154883	9,4
2010	1577369	109572	6,9	408681	25,9	839982	53,3	73374	4,7	145760	9,2
2011	1487266	101755	6,8	372370	25,0	810344	54,5	69943	4,7	132854	8,9
2012	1421514	96263	6,8	347702	24,5	789392	55,5	71745	5,0	116412	8,2
2013	1340896	90486	6,7	314929	23,5	758164	56,5	70929	5,3	106388	7,9
2014	1243019	90840	7,3	286699	23,1	701081	56,4	71140	5,7	93259	7,5
2015	1191556	92930	7,8	278529	23,4	670686	56,3	69251	5,8	80160	6,7
2016	1124506	87735	7,8	264934	23,6	635593	56,5	66126	5,9	70118	6,2
2017	1063320	83988	7,9	245529	23,1	606256	57,0	65438	6,2	62109	5,8
2018	996145	83768	8,4	224953	22,6	568392	57,1	63931	6,4	55101	5,5
2019	907273	81186	8,9	201658	22,2	513757	56,6	62920	6,9	47752	5,3
2020	807480	79483	9,8	173961	21,5	448072	55,5	62949	7,8	43015	5,3
2021	774522	76548	9,9	167877	21,7	429589	55,5	62507	8,1	38001	4,9

уголовное преследование считается возбужденным, а обязанности обвинителя возлагаются на назначенного судом адвоката (ст. 262 – 268 УПК Японии).

2. Деятельность комиссии по пересмотру решений прокурора. В соответствии с Законом о комиссиях по проверке деятельно-

сти государственных прокуроров 1948 года № 147 в Японии созданы комиссии по пересмотру решений прокурора, назначением которых является проверка обоснованности и целесообразности решений прокурора о приостановлении преследования и разработка предложений и рекомендаций

¹ Статистический сборник Министерства юстиции Японии «Белая книга». URL: https://hakusyo1.moj.go.jp/jp/69/nfm/p69_2_2_2_4_0.html#h2-2-4-1 (дата обращения: 12.09.2023).

по совершенствованию прокурорской деятельности. Комиссии созданы в каждом судебном округе и состоят из 11 граждан, не являющихся профессиональными юристами, выбранных путем жеребьевки, со сроком полномочий 6 месяцев.

Комиссия проверяет решения прокурора как выборочно, по собственной инициативе, так и по жалобам заявителей, получивших уведомление прокурора о приостановлении преследования.

В ходе проверки по запросу комиссии прокурор обязан представить необходимые материалы либо присутствовать на заседании и дать пояснения по существу обжалуемого решения. Помимо этого комиссия может запрашивать сведения из государственных и частных учреждений и организаций, вызывать и допрашивать свидетелей, запрашивать экспертную консультацию по юридическим и другим вопросам.

По результатам пересмотра решения прокурора комиссия может вынести одно из трех решений:

признать отказ прокурора в предъявлении обвинения обоснованным;

признать отказ прокурора необоснованным и немотивированным и рекомендовать прокурору повторно рассмотреть материалы дела;

рекомендовать прокурору в обязательном порядке предъявить обвинение.

Решения принимаются голосованием, и первые два требуют простого большинства голосов, рекомендация об обязательном предъявлении обвинения требует квалифицированного большинства голосов в восемь из одиннадцати членов. Решения комиссии оформляются в письменной форме с обязательным их мотивированием, копии решений направляются вышестоящему прокурору и размещаются для всеобщего ознакомления.

До 2009 года решения комиссии носили исключительно рекомендательный характер, однако с указанного времени предусмотрен механизм принудительного исполнения решения о необходимости предъявления обвинения. Такое решение комиссии с материалами дела повторно рассматривается прокурором, по результатам чего прокурор либо предъявляет обвинение, либо вправе повторно вынести решение об отказе в его предъявлении. Повторный отказ прокурора в приостановлении преследова-

ния подлежит пересмотру комиссией уже с привлечением профессионального юриста, и, в случае подтверждения своего решения о необходимости возбуждения уголовного преследования, комиссия направляет материалы дела в суд, который из числа адвокатов назначает лицо, ответственное за предъявление обвинения и поддержание дальнейшего уголовного преследования.

Несмотря на повышение роли комиссий в уголовном процессе Японии и оценку их деятельности как ограничителе прокурорской монополии на обвинение, в литературе тем не менее отмечаются и отдельные их недостатки. Так, Д. Т. Джонсон и М. Хираяма отмечают незначительное по сравнению с числом решений прокурора об отказе в предъявлении обвинения количество дел, подвергнутых пересмотру комиссией, несущественную общественную опасность преступлений по большинству рассматриваемых комиссиями дел, а также сочетание небольшого количества решений об обязательности возбуждения уголовного преследования со значительным количеством оправдательных приговоров по уголовным делам, по которым по требованию комиссии было предъявлено обвинение [2, р. 81 – 84]. М. Аврамтчева также указывает на то, что возложение функции по пересмотру решений прокурора на граждан с минимальным знанием права не укрепляет закон, поскольку существует высокая вероятность его ненадлежащего применения [7, р. 111].

Тем не менее, исходя из статистических данных о работе комиссий за 2017 – 2021 годы, размещенных на сайте Верховного суда Японии, при снижении в абсолютном значении в указанный период решений прокуроров о приостановлении преследования (табл. 1) налицо тенденция к увеличению числа названных решений, подвергнутых пересмотру, равно как и числа рекомендаций о необходимости уголовного преследования (табл. 2).

Таким образом, представляется, что значение комиссий по пересмотру решений прокурора в общей системе уголовного судопроизводства Японии будет возрастать, в связи с чем их деятельность и результаты рассмотрения в суде уголовных дел, по которым комиссиями принято решение об обязательном предъявлении обвинения, подлежат дальнейшему изучению.

**Статистические показатели работы комиссии по пересмотру
решений прокурора о приостановлении преследования за 2017 – 2022 годы¹**

Год	Общее количество поступивших на рассмотрение	Из них по жалобам заявителей	Из них по собственной инициативе	Всего рассмотрено	Обвинение признано необходимым	Приостановление преследования признано необоснованным	Приостановление преследования признано обоснованным	Иные решения (в т.ч. жалобы отозваны)	Остаток нерассмотренных на конец отчетного периода
2017	2 544	2 507	37	2 274	1	67	1 895	311	954
2018	2 242	2 215	27	2 329	3	81	1 958	287	867
2019	1 797	1 733	64	2 068	9	134	1 640	285	596
2020	2 141	2 116	25	1 742	11	104	1 400	227	995
2021	3 862	3 835	27	3 511	140	242	2 821	308	1 346

Список источников

1. Сумин А. А., Химичева О. В. Правовые основы уголовного преследования в Японии // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 93 – 96.
2. Johnson D. T., Hirayama M. Japan's Reformed Prosecution Review Commission: Changes, Challenges and Lessons. *Asian Journal of Criminology*. 2019;14(2):77-102. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11417-018-9280-2> (дата обращения: 12.09.2023).
3. Dando S. System of Discretionary Prosecution in Japan. *The American Journal of Comparative Law*. 1970;18(3):518-531. URL: <https://www.jstor.org/stable/839343> (дата обращения: 12.09.2023).
4. West M. D. Prosecution Review Commissions: Japan's Answer to the Problem of Prosecutorial Discretion. *Columbia Law Review*. 1992;92(3):684-724. URL: <http://www.jstor.org/stable/1122957> (дата обращения: 12.09.2023).
5. Foote D. H. Prosecutorial Discretion in Japan: A Response. *UCLA Pacific Basin Law Journal*. 1986;5(1-2):96-106. URL: <https://escholarship.org/uc/item/79m11909> (дата обращения: 12.09.2023).
6. Findlay M. Prosecutorial Discretion and the Conditional Waiver: Lessons from the Japanese Experience. *Current Issues in Criminal Justice*. 1993;4(2):175-178. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/2004/ (дата обращения: 12.09.2023).
7. Avramtcheva M. Who Will Watch the Watchmen? Evaluating the Prosecution Review Commission in Japan. *De Lege Ferenda*. 2021;IV(1):92-111. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Who-Will-Watch-the-Watchmen-Evaluating-the-Review-Avramtcheva/4eaa223c12b7193163c5f7b4fde2e1695637fc5a> (дата обращения: 12.09.2023).

Информация об авторе

С. С. Глухих – аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

S. S. Glukhikh – Postgraduate Student of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

¹ Статистические данные комиссий по пересмотру решений прокуроров. URL: <https://www.courts.go.jp/links/kensin/index.html> (дата обращения: 12.01.2023).

Научная статья

УДК 343.98

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА.
ЧАСТЬ 1. ТЕХНИКА РИДА**

Максим Рудольфович ГЛУШКОВ

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, glushkov.mr@skspba.ru

Аннотация. В статье дается краткая характеристика методики допроса, рекомендованной в середине прошлого века американским полиграфологом Дж. Ридом. Раскрывается содержание этапов допроса. На первом проводится интервьюирование, в ходе которого анализируется поведение допрашиваемого. На втором происходит склонение к признательным показаниям (если предшествующий анализ указал на вероятную виновность). При этом общение проходит девять стадий (шагов), начиная с конфронтации и обвинений. В дальнейшем давление на допрашиваемого усиливается. Отмечаются недостатки методики — выяснилось, что действующие по ней полицейские распознают ложь немногим лучше обычных граждан, с точностью, близкой к обычному угадыванию. Кроме того, склоняя к признанию, детективы применяют неизбирательные средства, такие как минимизация преступления или обман. Это подчас приводит к ложным признаниям и неправосудным приговорам, которые сотнями стали выявляться с 1990-х годов, когда появившийся у правоохранителей ДНК-метод позволил доказывать невиновность граждан, осужденных в свое время за преступления против личности.

Ключевые слова: допрос, тактический прием, техника Рида, конфронтация, признание вины, допрос 3-й степени, интервью с анализом поведения, минимизация преступления, ложное признание, тема, альтернативный вопрос

Для цитирования: Глушков М. Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 1. Техника Рида // Криминалисту. 2024. № 1 (46). С. 23 – 29.

Original article

**FOREIGN EXPERIENCE IN THE USE OF TACTICAL TECHNIQUES OF INTERROGATION.
PART I. REID TECHNIQUE**

Maxim R. GLUSHKOV

*St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, glushkov.mr@skspba.ru*

Abstract. The article gives a brief description of the interrogation technique recommended in the middle of the last century by the American polygraph examiner John E. Reid. It reveals the content of the interrogation stages. At the first stage, an interview is conducted, during which the behavior of the interrogated person is analyzed. The second stage is an attempt to predispose the examinee in favour of confession (if the previous analysis indicated probable guilt). At the same time, communication goes through nine stages (steps), starting with confrontation and accusations. Further down the line, the pressure on the interrogated person increases. The shortcomings of the said methodology are noted — it turned out that the police acting on it recognize a lie just a little better than ordinary citizens, with an accuracy close to the usual guessing. In addition, inciting to confession, detectives use indiscriminate means, such as minimizing crime or deception. This sometimes leads to false confessions and unjust sentences, which have been revealed by hundreds since the 1990s, when

---

© Глушков М. Р., 2024

the DNA method that appeared among law enforcement officers made it possible to prove the innocence of citizens convicted at one time for crimes against the person.

Keywords: interrogation, tactical technique, Reid technique, confrontation, admission of guilt, 3rd degree interrogation, behavior analysis interview, crime minimization, false confession, topic, alternative question

For citation: Glushkov M. R. Foreign experience in the use of tactical techniques of interrogation. Part 1. Reid technique. *Criminalist*. 2024;1(46):23-29. (In Russ.).

Многие тактические приемы допроса, получившие известность за рубежом, их авторами обычно группируются в комплексы, называемые техниками (методиками), что не вполне привычно для российской практики (где обычно исследуются отдельные приемы), и имеющие место, вероятно, как способ продвижения идей и формат их оптимального усвоения.

Рассматриваемая методика получила название по фамилии своего создателя Джона Рида (*John E. Reid*), работавшего полиграфологом в полиции г. Чикаго (*Reid* приводится и в иной транскрипции, можно встретить работы, посвященные «технике Рейда»). В середине 1950-х годов он предложил прогрессивный по тем временам способ получения признательных показаний. В обществе тогда нарастало недовольство работой полиции, где в порядке вещей были грубое обращение и выбивание показаний¹. Рид, что называется, принял этот вызов и предложил пути *психологического* воздействия на допрашиваемых (это, в общем, характерно и для других методик допроса, каждая из которых появлялась в свое время как способ решения назревшей проблемы).

Допрос по методике Рида проходит в два этапа. Первый называется «интервью с анализом поведения» (*BAI – om Behavior Analysis Interview*), на нем полицейский должен понять, действительно ли перед ним находится лицо, совершившее преступление (дающее ложные показания). Если такая уверенность сложилась, на втором этапе начинается соб-

ственно допрос (*Interrogation*), фактически являющийся склонением подозреваемого к признанию. Если же данных о виновности в ходе интервью не получено, то на этом общении и завершается.

Разумеется, готовясь к допросу, сотрудник полиции должен ознакомиться с обстоятельствами преступления, собранными доказательствами, анкетными данными допрашиваемого. Это так называемый фактологический анализ (*Factual Analysis*), который иногда считают первым этапом допроса, доводя их число, таким образом, до трех [1, р. 5].

BAI, в свою очередь, тоже делится на два этапа. На первом задаются «следственные» вопросы — вопросы, касающиеся личности допрашиваемого, известных ему обстоятельств происшествия. Это бесконфликтное, необвинительное общение, в ходе которого детектив наблюдает за поведением и речью своего оппонента, выясняя, каковы они в обычной обстановке, при даче правдивых показаний (из-за нейтрального характера вопросов ложь на этом этапе практически исключена).

На втором этапе задаются «провокационные» вопросы, которые построены так (в том числе за счет обвинительной коннотации), что невиновный и правдивый человек будет отвечать на них (и вести себя) в одном ключе, а виновный и лгущий — в другом. Для распознавания лжи учитываются как невербальные признаки (осанка, мимика, жестикация, зрительный контакт и др. — авторы методики предлагают свое толкование таких проявлений) [2, с. 173; 1, р. 5], так и вербальные. Вторые обусловлены тем, что виновные люди обычно более уклончивы и дают двусмысленные, ни к чему не обязывающие ответы. Например, на вопрос о том, как допрашиваемый понимает цель допроса, могут быть получены ответы: а) «Я думаю, речь пойдет о том, что *произошло* на складе»

¹ В ходе так называемых «допросов третьей степени» граждане подвергались пыткам водой, длительной изоляции, угрозам, лишались пищи и сна. Достоянием общественности эта практика стала благодаря расследованию, которое в 1931 году провела специальная президентская комиссия (известная также как комиссия Викаршема) и итоги которого были представлены ею в «Отчете о беззаконии в правоохранительных органах» (*Report on Lawlessness in Law Enforcement*).

или б) «Я полагаю, Вы захотите узнать, что мне известно о поджоге». По мнению Инбау (это многолетний соратник и соавтор Рида), невиновный человек даст ответ, похожий на второй пример, поскольку он «более прямой и содержит более реалистичные формулировки» [3, р. 11].

Роль *BAI* состоит также в том, что это преддверие допроса, установление контакта. Если подозреваемый начинает говорить со следователем о безобидных вещах, то ему труднее прекратить говорить (или начать лгать) позже, когда речь пойдет о преступлении.

В структуре собственно допроса (*Interrogation*) выделяют девять этапов.

На первом происходит *прямая конфронтация* — допрашиваемому сообщают, что нет никаких сомнений в его виновности и оптимальный вариант в такой ситуации — это чистосердечное признание. Нужно учитывать при этом, что общение протекает, как правило, без адвоката — в США полиция умеет убеждать задержанных в том, что им не нужно хранить молчание или приглашать юриста. В итоге около 80 % граждан в этой, во многом решающей, ситуации первого контакта с властями отказываются от своих конституционных прав [4, р. 42].

Допрос проходит в специальной комнате — в ней нет ничего, кроме стола и трех стульев, один из которых теоретически предназначен для адвоката, но чаще пустует (см. выше) или занят другим детективом. Замкнутое небольшое полутемное пространство с голыми стенами (исключая ту, в которой помещается окно с односторонней видимостью), где не за что зацепиться взглядом, создает у допрашиваемого ощущение изоляции, незащитности и необычности происходящего («это все не со мной»). Стресс, нагнетаемый в дальнейшем в ходе допроса, сильно снижает способность допрашиваемого мыслить критически и делает его восприимчивым к внушению.

В подтверждение своей уверенности полицейский может привести доказательства, в том числе вымышленные (в США полиция имеет право вводить допрашиваемых в заблуждение¹), например сообщить о призна-

нии, которое будто бы сделал соучастник, и внимательно листать папку с «отчетом», содержащую на самом деле пустые листы [3, р. 14].

Этап 2 — *разработка темы*. У Рида под темой понимается один из сценариев случившегося, в котором вина и роль допрашиваемого в преступлении сильно занижены. Детектив предлагает для него различные моральные оправдания, например: «На твоём месте любой поступил бы так же», «Потерпевший сам виноват», «Это было всего лишь стечение обстоятельств», «Ты погорячился, с кем не бывает» и т. д.

Тема излагается сочувственным тоном и сопровождается *минимизацией* преступления — убеждением, что ничего серьезного не произошло. Когда последствия содеянного известны допрашиваемому, то полицейский пыгается их «сгладить», иначе — может просто исказить, например, подозреваемому в убийстве заявить, что потерпевший жив. Если предложенная тема не принимается допрашиваемым, то детектив подбирает другую [5].

Этап 3 — *обработка отказов*, под которой понимается отказ принимать (и даже выслушивать) отрицание вины. При этом не прекращается наблюдение за допрашиваемым. Авторы методики утверждают, что невиновный человек станет отрицать вину безо всякого разрешения, быстро и недвусмысленно [6]. Детективов учат, что если позволить отрицание вины изначально, в дальнейшем вероятность признания существенно снизится [3, р.15]. Поэтому они стремятся любым способом пресечь возражения: перебивают, пропускают мимо ушей, предлагают поговорить об этом через пару минут и т. д.

Этап 4 — *использование оправданий*, т. е. доводов о невиновности, например таких: «Я бы слишком нервничал, чтобы совершить подобное», «У меня и оружия-то нет», «Меня не так воспитывали». Детектив не спорит с допрашиваемым, как на третьем этапе, а принимает оправдания, с тем чтобы в последующем использовать против оппонента, в своих целях. Так, в первом из приведенных примеров он в какой-то момент допроса мо-

Perillo J.T., Kassin S.M.. Inside interrogation: The lie, the bluff, and false confessions. *Law and Human Behavior*. 2011;35(4):327-337.

¹ О допустимости некоторых видов обмана Верховный суд США высказался, в частности, в деле «Фрейзер против Кушпа (1969)». См.:

жет спросить: «Вы же сами утверждали, что нервничаете в стрессовой ситуации. Как тогда Вам удалось точно запомнить номер автомобиля?». Или на оправдание «Я вообще не терплю насилия» отреагировать так: «То есть Вы не собирались убивать, не так ли?» [2, с. 173].

Этап 5 – *удержание внимания допрашиваемого*. После того как отрицание проигнорировано, а оправдания использованы против него, допрашиваемый может замкнуться и психологически дистанцироваться от ситуации. Поэтому на данном этапе допрашивающий должен удержать (или вернуть) его внимание. Для этой цели рекомендуются сокращение дистанции (детектив буквально подвигает свой стул ближе) и прямой зрительный контакт.

На этапе 6 полицейский *возвращается к теме* и продолжает предлагать различные сценарии происшествия, проявляя при этом сочувствие и понимание.

Разработка темы завершается на этапе 7 *постановкой альтернативного вопроса*. Допрашивающий предлагает два варианта произошедшего, один из которых социально более приемлем, но оба означают признание. Например: «Вы планировали это заранее или совершили под влиянием момента?» или «Это было преступление на почве страсти?» наряду с «Вы убили ее из-за денег?». Подозреваемый выбирает ответ, объясняющий его поведение как менее предосудительное, а полицейский делает «подкрепляющее» заявление: «Хорошо, так я и думал».

Далее *выясняются подробности* происшествия (этап 8). Детектив пытается установить по возможности больше деталей, которые затем можно проверить и подтвердить преступную осведомленность подозреваемого. Оппоненты Рида отмечают, что на этом этапе полиция может прибегнуть к «заражению» признания (*contamination*), сообщая подозреваемому непубличную информацию, которую тот включает в свои показания [6]. В ходе одного исследования были изучены 33 уголовных дела, в которых имелись признательные показания лиц, признанных в итоге невиновными. Все они, кроме одного, содержали конкретные и точные подробности рассматриваемых преступлений, кото-

рые, по словам детективов, «мог знать только преступник» [4, р. 49].

Допрос завершается *протоколированием* (этап 9) и аудио- или видеозаписью признания. Признание желательно произнести повторно в присутствии еще одного человека, как правило, это другой детектив, подтверждающий также и добровольность подписания протокола.

Свои взгляды Рид изложил в книге «Допрос по уголовным делам и признания» (1962), которую написал совместно с психологом Фредом Инбау и впоследствии перерабатывал с участием еще двух соавторов. В настоящее время продается уже пятое издание этой книги (Inbau Fred E., Reid John E., Buckley Joseph P., Jayne Brian C. Criminal Interrogation and confessions. Jones & Bartlett Learning, 2013. 468 p.).

Эти идеи до сих пор пользуются спросом¹, в том числе коммерческим. Корпорация *John Reid Associates* в 2014 году зарегистрировала товарную марку «техника Рида» и поставила продажу своего продукта на поток². Ее инструкторы во многих странах мира (прежде всего в США) проводят тренинги и мастер-классы, предлагают программы обучения для разных видов происшествий и под разных пользователей, реализуют через Интернет учебники и руководства на бумажных и аудио-, видеосносителях, ведут собственный Youtube-канал³.

Популярность идей Рида объясняется, во-первых, убежденностью полиции в том факте, что ни один нормальный человек не признается в преступлении, которого не совершал. Это заблуждение разделяют не только обыватели, в том числе и те, из кого комплектуются коллегии присяжных, но также многие профессиональные юристы, хотя его ошибочность и доказана психологами, которые приводят немало факторов, способствующих самоговору. Во-вторых, практики отмечают (и с этим сложно спорить), что альтернативные методы слишком затратны по времени. Действительно, на то, чтобы обмануть и запугать допрашиваемого, тре-

¹ Сам Джон Эдвард Рид умер в 1982 году.

² В числе клиентов *John Reid Associates* такие крупные компании, как AT&T, *Burger King Corp.*, *Federal express*, *Ford motor company*, IBM и др.

³ Адрес сайта компании: <https://reid.com>.

буется гораздо меньше времени, чем на то, чтобы расположить к себе и «разговорить».

Что касается критики идей Рида, Инбау и их единомышленников, то ключевой довод, который при этом звучит, таков: полицейские, хотя и являются профессиональными изобличителями лжи, на самом деле способны распознавать ее немногим лучше обывателя, с вероятностью чуть более 50 %¹. То есть определять виновность допрашиваемого детектив безо всяких *Behavior Analysis Interview* с тем же успехом может, подбрасывая монету.

Такая статистика объясняется тем, что многие поведенческие сигналы, которые полиция обучена расценивать как признаки лжи (бегающий взгляд, ерзанье, напряженная поза и т. д.), на самом деле обычно ничего не значат². И получается, что допрос (целью которого в данном случае, напомним, является не получение показаний, а склонение к признанию) проводится нередко в отношении невиновных лиц, причем проводится агрессивно и предвзято.

Отсюда высокий процент ложных признаний. Так, в рамках проекта «Невиновность» (*Innocence Project*) были изучены обви-

¹ Исследования, с помощью которых это было установлено, упоминаются, в частности, в работах: Barron W. Todd. The PEACE model of investigative interviewing: a comparison of trained and untrained suspect interviewers. Masters thesis. Memorial University of Newfoundland. October, 2017. — Memorial University Libraries : Memorial University Research Repository. URL: <http://research.library.mun.ca/id/eprint/12911> (дата обращения: 12.04.2023); Neal C. An Evaluation of Police Interviewing Methods: A Psychological Perspective. Honors Theses. — Digital Commons@University of Nebraska Lincoln. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/honorstheses/94/> (дата обращения: 11.04.2023). Во втором источнике приводятся такие цифры: полиция определяет ложь с точностью в среднем 55,8 %, обыватели — в среднем 52,8 %.

² *BAI* не столь примитивно, чтобы допускать вывод о виновности на основании одних лишь «бегающих» глаз. Его создатели приводят немало маркеров обмана (человек меняет позу, занимается самоманипуляциями (поглаживает затылок, касается носа, поправляет прическу, теребит нитки на одежде), прикрывает рукой рот или глаза во время речи, прячет руки, садясь на них, или ноги — убирая под стул), однако в целом предлагаемый ими подход большинством психологов не разделяется.

нительные приговоры, отмененные в наши дни по результатам ДНК-исследований, бесспорно подтвердивших непричастность осужденных. При этом оказалось, что каждый пятый приговор (20 %) опирался на ложное признание. Специалисты считают, что эти цифры лишь «верхушка айсберга», поскольку, во-первых, в данный процент не вошли признания, отвергнутые властями по тем или иным причинам до суда, во-вторых, не по всем делам изымались объекты для ДНК-исследований, в-третьих, в этой статистике не представлены менее тяжкие преступления, поскольку дела о них правоохранителями не изучались [4, р. 43].

В другом случае были изучены 250 уголовных дел, в которых имелись признания подозреваемых. В дальнейшем оказалось, что 40 подозреваемых (16 %) невиновны [2, с. 175].

Эти цифры, на первый взгляд, парадоксальны, но в реальности способствовать самоговору могут многие факторы. Так, люди с плохой памятью, низкой самооценкой, высоким уровнем тревожности, не уверенные в себе склонны к внушаемости. Многие стремятся любой ценой избежать конфликтов и конфронтации. Особенно вероятен самоговор со стороны подростков и людей с пониженным интеллектом, которые не могут полностью осознать свои права или то, как их применять. Они также не всегда могут знать, какие последствия повлекут их заявления и действия на допросе.

Перечисленные факторы, называемые личностными, суммируясь с ситуационными [1, р. 9], такими как психологическое давление полиции, изоляция от внешней среды, неизвестность, дискомфорт, усталость, голод и т. п., подчас приводят к тому, что отчаявшийся человек решает избежать мучительной для него ситуации любой ценой.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов такие аномальные, но вероятные причины самоговора, как жажда дурной славы, стремление покарать себя за некие прегрешения, желание отвести подозрения от настоящего преступника.

Доводы полиции о том, что невиновный человек никогда не оговорит себя (см. выше) не вполне обоснованны, поскольку применяемые детективами приемы имеют низкую

избирательность и воздействуют как на преступников, так и на не причастных лиц.

Так, если полицейский «минимизирует» преступление, то любой допрашиваемый склонен видеть в этом «скрытое обещание» снисхождения и рассчитывать на него. По одному уголовному делу шестнадцатилетняя мать призналась в убийстве своего годовалого сына, который на самом деле умер от заболевания. Убеждая ее признаться, детектив говорил, что в этом случае они «сразу выйдут отсюда в отдел по преступлениям несовершеннолетних поговорить с социальным работником», что из признания удастся «извлечь какую-то пользу» [2, с. 175].

Видя настойчивость детектива и узнав об «уликах», подозреваемый может решить, что их окажется достаточно для суда и обвинительный приговор так или иначе состоится, только будет более суровым, поскольку подсудимый не раскаялся. Выбирая меньшее из зол, он может признать вину в расчете на снисхождение (которое, скорее всего, и впрямь будет получено, только вряд ли может называться таковым, учитывая, что наказание, пусть и менее суровое, понесет невиновный).

Подложные доказательства, которые не причастное лицо, казалось бы, должно игнорировать, воздействуют тем не менее и на него. Широко известен психологический опыт с запретной клавишей (*forbidden key*) [4, р. 45]. Студентам, разбитым на две группы, было поручено печатать на клавиатуре некоторый текст, при этом категорически запрещено нажимать клавишу «Alt». Затем одной группе предложили подписать признание в нарушении запрета, что и сделали 48 % участников, не без давления, разумеется, со стороны организаторов. Те, например, обещали испытуемым неприятности в случае обмана, который легко будет выявлен с помощью особого запоминающего устройства. В другой группе тоже требовали признаний, но предъявили вдобавок лжесвидетеля — студентку, которая утверждала, что собственными глазами видела, как запретная клавиша была нажата. На исход опыта это повлияло решительным образом — число признаний выросло почти вдвое, до 94 %.

В 2015 году психолог Джулия Шо провела опыт, в ходе которого, приводя правдо-

подобные и знакомые испытуемым детали в качестве аргументов, убедила 21 человека из 30 в том, что в двенадцатилетнем возрасте каждый из них напал на другого ребенка с оружием, за что был арестован. Итоги эксперимента оказались настолько убедительными, что его решили прекратить, не доводя до конца [7].

Надо отметить, что полиция и *John Reid Associates* результаты таких «академических» опытов обычно ставят под сомнение на том основании, что те слишком далеки от реальности — проводятся в спокойной и безопасной обстановке, а их участникам (обычно это студенты) ничего не грозит. В то время как для подозреваемого в допросной комнате часто решается вопрос жизни и смерти (в США это буквально так — наказание за умышленное убийство там редко бывает иным, нежели пожизненное заключение или смертная казнь).

На это можно возразить, что психологи всегда принимают специальные меры для повышения мотивации участников, это одно из главных условий подобных экспериментов. Кроме того, бесспорным достоинством лабораторного опыта является его чистота, в том смысле, что организаторы всегда знают «правду» о событии, поскольку сами его создали. В то время как в «полевых условиях», т. е. в ситуации реального допроса, правды о преступлении не знает никто (исключая настоящего преступника, который вряд ли станет ее раскрывать, и, кроме того, не факт, что это он находится в руках полиции). Наконец, психологи основывают свои суждения не только на материале лабораторных исследований, ими также изучаются уголовные дела, видеозаписи допросов, опрашиваются реальные осужденные и т. п.

Еще на одну опасность, связанную с конфронтационными техниками допроса, обращают внимание ученые. Признание, полученное у истинного преступника такими методами, может быть аннулировано судом на том только основании, что допрашиваемым манипулировали и его волеизъявление не было свободным. В отсутствие иных доказательств это может повлечь оправдание виновного [1, р. 17].

Так или иначе, но настороженное отношение к технике Рида сложилось не только

в научных кругах. Есть данные, что ее применение в отношении несовершеннолетних запрещено в ряде европейских стран, а суд провинции Онтарио (Канада) в 2012 году вынес решение, в котором указал, что «так-

тика Рейда является конфронтационной, психологически манипулятивной и особенно опасна, когда полицейские детективы применяют ее неправильно или необоснованно»¹ [2, с. 173].

Список источников

1. Chen A. The Ineffectiveness of the Reid Technique in Law Enforcement Interrogations and How a Non-Accusatory Model of Interview Can Be Applied in Law Enforcement Interviews in the United States. Honors College Theses, 2021, Spring. — Pace University. Pace Digital Repository. URL: https://digitalcommons.pace.edu/honorscollege_theses/321 (дата обращения: 12.04.2023).
2. Андроник Н. А., Пачина Т. С. Допрос по «тактике Рейда» в американском уголовном судопроизводстве: законность, целесообразность, эффективность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 171–176.
3. Barron W. Todd. The PEACE model of investigative interviewing: a comparison of trained and untrained suspect interviewers. Masters thesis. Memorial University of Newfoundland. October, 2017. — Memorial University Libraries : Memorial University Research Repository. URL: <http://research.library.mun.ca/id/eprint/12911> (дата обращения: 12.04.2023).
4. Kassin Saul M., Appleby Sara C., Torkildson Perillo Jennifer. Interviewing suspects: Practice, science and future directions. *Legal and Criminological Psychology*. 2010;15:39-55.
5. Layton J. How Police Interrogation Works. — HowStuffWorks. URL: <https://people.howstuffworks.com/police-interrogation.htm> (дата обращения: 11.04.2023).
6. Orlando J. Interrogation techniques. — Studocu. URL: <https://www.studocu.com/ph/document/city-of-malabon-university/bssed/interrogation-techniques/27824534> (дата обращения: 11.04.2023).
7. Kolker R. A Severed Head, Two Cops and the Radical Future of Interrogation. — WIRED. May 24, 2016. URL: <https://www.wired.com/2016/05/how-to-interrogate-suspects/> (дата обращения: 16.05.2023).

Информация об авторе

М. Р. Глушков — заведующий лабораторией по исследованию проблем процессуальной деятельности следственных органов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

M. R. Glushkov — Head of the Laboratory for the study of problems in the procedural activities of the investigative bodies of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

---

¹ Не вполне ясно, как можно было запретить методику, учитывая, что она есть лишь набор рекомендаций и полицейский, применяющий их, не обязан позиционировать свои действия как «технику Рейда». Вероятно, речь идет в первую очередь о признании недопустимыми отдельных и наиболее одиозных приемов.

Научная статья
УДК 343.2/7

**ВЛИЯНИЕ КОНВЕНЦИИ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО КОНТРАФАКТНОЙ
МЕДИЦИНСКОЙ ПРОДУКЦИИ И АНАЛОГИЧНОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ УГРОЗУ ДЛЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ,
НА СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Елена Витальевна ДЗЬОНИК

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, elleno4ka@mail.ru

Аннотация. В статье посредством обращения к законодательным актам различных государств исследуются особенности современного уголовно-правового противодействия обороту фальсифицированной медицинской продукции. Установлено, что отдельными государствами в основу построения национального законодательства положены принципы имплементации международных норм и стандартов, другие руководствуются собственным усмотрением при решении существующей проблемы.

Ключевые слова: лекарственные средства, медицинские изделия, медицинская продукция, оборот, обращение

Для цитирования: Дзьоник Е. В. Влияние Конвенции Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения, на содержание уголовного законодательства зарубежных стран // Криминалист. 2024. № 1 (46). С. 30–36.

Original article

**THE IMPACT OF THE COUNCIL OF EUROPE CONVENTION ON COUNTERFEIT
MEDICAL PRODUCTS AND SIMILAR CRIMINAL ACTIVITIES THAT POSE
A THREAT TO PUBLIC HEALTH ON THE CONTENT OF CRIMINAL LEGISLATION
IN FOREIGN COUNTRIES**

Elena V. DZONIK

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, elleno4ka@mail.ru

Abstract. The author, referring to the legislative acts of different states, explores the features of the present-day criminal law counteraction to illicit trafficking of falsified medicines. It is established that some states based their national legislation on the principles of implementation of international norms and standards, some others are guided by their own discretion on the existing problem.

Keywords: medicines, medical equipment, medical products, turnover, trafficking

For citation: Dzonik E. V. The impact of the Council of Europe convention on counterfeit medical products and similar criminal activities that pose a threat to public health on the content of criminal legislation in foreign countries. Criminalist. 2024;1(46):30-36. (In Russ.).

© Дзьоник Е. В., 2024

Впервые вопросы распространения не соответствующей стандартам качества медицинской продукции стали предметом обсуждения на международном уровне в рамках проведения Конференции экспертов по рациональному использованию лекарственных средств в Найроби в 1985 году. В ходе работы Конференции особое внимание было обращено на рост угроз от такой деятельности, ее крайне негативные последствия [1, с. 51]. Данное событие стало отправной точкой активизации работы национальных законодателей и развития международного сотрудничества с целью формирования правовой базы, касающейся противодействия незаконному обороту лекарственных средств и медицинских изделий.

Следует отметить, что при построении собственной правовой системы, в том числе в части регулирования противодействия незаконному обороту медицинской продукции, каждое государство использует индивидуальный подход, основанный в том числе на традиционных ценностях, социальных и моральных нормах, религии, степени развития права и юридической техники. Вместе с тем нельзя отрицать, что существенное позитивное влияние на развитие национального законодательства государств в исследуемой сфере оказало подписание в 2011 году Конвенции Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (*MEDICRIME Convention*) (далее — Конвенция), положения которой составили основу формирования системы уголовно-правового противодействия незаконному обороту медицинской продукции.

В настоящее время Конвенция подписана и ратифицирована десятками государств, при этом география стран не ограничена лишь европейскими рамками, что само по себе свидетельствует о возможности превращения Конвенции в глобальный международный договор [2, с. 7]. Например, Конвенция ратифицирована Марокко, Бенином, Буркина Фасо, Турцией; подписана, но не

ратифицирована Эквадором, Израилем, Мали, Конго и рядом других государств¹.

Конвенция как международный инструмент имеет основной целью указание на необходимость национальной криминализации деяний в сфере фальсификации медицинской продукции, поскольку такая деятельность представляет собой один из наиболее прибыльных транснациональных бизнесов, ставящих под угрозу жизнь и здоровье людей.

Согласно нормам Конвенции, государства-участники должны признать в качестве преступлений по своему национальному законодательству следующие деяния:

производство фальсифицированных продуктов, а именно: медицинских изделий, фармацевтических субстанций и вспомогательных веществ, их частей, аксессуаров (ст. 5 Конвенции);

сбыт, предложение к сбыту и транспортировка фальсифицированных продуктов (ст. 6 Конвенции);

подделка документов (ст. 7 Конвенции);

сходные преступления, которые также угрожают здоровью населения (ст. 8 Конвенции);

пособничество или подстрекательство, а также покушение на совершение вышеназванных деяний (ст. 9 Конвенции).

Как справедливо отмечает И. В. Фирсов, названные противоправные деяния являются частью трансграничной преступности, в связи с чем достижение положительного результата в борьбе с ними возможно лишь посредством координации усилий многих государств [3, с. 574]. Безусловно, нормы Конвенции отображаются в национальном законодательстве с различной степенью имплементации. Так, профессор А. И. Парог, занимавшийся исследованием законодательства стран, подписавших Конвенцию, выделил несколько моделей построения их национального законодательства:

¹ MEDICRIME Convention // Council of Europe : сайт. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatynum=211> (дата обращения: 08.06.2023).

1) частичная имплементация (к государствам с такой моделью автор относит, например, Турцию и Армению);

2) частичная имплементация с параллельным внесением изменений в регулятивное законодательство (в качестве примера государства с подобной моделью можно привести Албанию);

3) непосредственная имплементация в регулятивное законодательство с одновременной фиксацией особенностей привлечения к ответственности за совершение нарушений в данной сфере (например, законодательство Франции);

4) полная имплементация в уголовное законодательство (например, законодательство Венгрии) [4, с. 15–16].

Указанная классификация принята нами за основу при проведении исследования законодательства отдельных государств. При этом мы не ограничились теми странами, которые ратифицировали, подписали вышеназванную Конвенцию или были приглашены к ее подписанию.

Первым из анализируемых нами законодательств является уголовное законодательство Армении, подвергнувшееся в исследуемой части недавнему реформированию. Следует отметить, что Конвенция была ратифицирована Арменией еще в 2016 году, однако наиболее значимые изменения в национальном законодательстве произошли в 2022 году, что обусловлено принятием нового Уголовного кодекса Республики Армения. Так, в уголовный закон были введены следующие составы преступлений:

незаконный оборот лекарственных средств и субстанций, растительного сырья, вспомогательных веществ, изделий медицинского назначения или исследуемых лекарственных средств, т. е. реализация предмета преступления без соответствующего разрешения (лицензии) и выполнение иных действий, связанных с такой реализацией (транспортировка, хранение, погрузка, размещение на рынке и совершение иных альтернативных действий) (ст. 408 УК Армении);

производство, изготовление, хранение, перевозка, пересылка, ввоз, вывоз, поставка

в том числе контрафактной алкогольной продукции, детского питания, биологически активных добавок, лекарственных средств и субстанций, растительного сырья, вспомогательных веществ, медицинских изделий, их частей или исследуемых лекарственных средств для целей продажи, предложения, поставки или обеспечения их доступности для потребителя (ст. 409 УК Армении);

изготовление или использование поддельных документов, удостоверяющих поддельные алкогольные напитки, детское питание, биологически активные добавки, лекарственные средства и субстанции, растительное сырье, вспомогательные вещества, медицинские изделия или исследуемые лекарственные средства (ст. 410 УК Армении);

незаконное использование действительного документа, удостоверяющего лекарственные средства и субстанции, растительное сырье, вспомогательные вещества, медицинские изделия, их части (ст. 411 УК Армении)¹.

Проведя сравнение норм Уголовного кодекса Республики Армения с положениями, содержащимися в Конвенции, можно констатировать, что подобные законодательные изменения свидетельствуют о возможности восприятия Арменией как государства, которое частично имплементировало положения Конвенции.

К этой же группе исследователи относят законодательство Турции. Следует сказать, что хотя официально данное государство признано светским, подавляющее большинство населения является мусульманским (по некоторым данным около 98 % граждан исповедуют ислам [5, с. 156]), что, безусловно, может оказывать влияние на правовое регулирование отдельных сфер деятельности.

По уголовному законодательству Турецкой Республики запрещены следующие деяния:

торговля, поставка или владение испорченными или иным образом измененными лекарственными средствами, которые ставят

¹ URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=153080> (дата обращения: 10.06.2023).

под угрозу жизнь и здоровье людей (ст. 186 УК Турции);

производство и продажа лекарственных средств, потребление которых угрожает жизни и здоровью людей (ч. 1 ст. 187 УК Турции); дополнительно в качестве специального субъекта преступления указан врач или фармацевт, действующий в рамках исполнения своих должностных обязанностей (ч. 2 ст. 187 УК Турции)¹.

Помимо указанных уголовно-правовых запретов Турецким агентством по лекарственным средствам и медицинским изделиям разработано Руководство по лекарствам, которые являются контрафактными, контрабандными или находятся вне законной цепочки поставок, направленное на противодействие незаконному обороту медицинской продукции, негативно влияющему на общественное здоровье и безопасность².

Законодательство Албании, которая считается единственной страной в Европе, где преобладает мусульманское население, отличается частичная имплементация положений Конвенции с параллельным внесением изменений в регулятивное законодательство. По статье 284-d Уголовного кодекса Албании (норма введена сразу после подписания Конвенции, что свидетельствует о быстрой реакции законодателя в части учета международных стандартов в национальной правовой системе) возможно наступление уголовной ответственности за торговлю (включая предложение по реализации товаров) контрафактными или опасными для жизни и здоровья лекарственными средствами, медицинскими изделиями, вспомогательными веществами, оборудованием и материалами. В качестве квалифицированных составов законодатель выделил совершение преступления во время профессиональной деятельности, в соучастии, а также через сеть «Интернет».

¹ URL: <https://www.lexpera.com.tr/mevzuat/kanunlar/turk-ceza-kanunu-5237> (дата обращения: 07.05.2023).

² URL: <https://www.lexpera.com.tr/mevzuat/kilavuzlar/sahte-kacak-veya-yasal-tedarik-zinciri-disina-cikmis-ilaclar-hakkinda-kilavuz-e-24931227-000-6946> (дата обращения: 07.05.2023).

Албанским законодателем криминализованы также производство и продажа пищевых и других опасных для здоровья веществ, при этом отмечается, что в состав таких веществ могут входить в том числе лекарственные средства (ст. 288 УК Албании)³.

Одновременно с внесением изменений в Уголовный кодекс Албании законодателем были усовершенствованы нормы Закона о лекарственных средствах и фармацевтических услугах⁴.

Франция служит примером государства, для которого характерно внедрение положений Конвенции непосредственно в регулятивное законодательство. Анализ законодательства данной страны наиболее интересен, поскольку соответствующее внедрение уголовно-правовых норм осуществляется в иные правовые акты, не являющиеся уголовным законом, что не свойственно российской правовой действительности. Применительно к анализируемой сфере деятельности наиболее значимым актом является Кодекс общественного здравоохранения (*Code de la santé publique*). Так, согласно данному правовому акту с 1 января 2011 года субъекты, занимающиеся реализацией лекарственных средств, обязаны хранить информацию, на основании которой контрольно-надзорные органы могут осуществлять всесторонний мониторинг торговой фармацевтической деятельности. Организации, задействованные в обороте медицинской продукции, должны хранить информацию, позволяющую осуществлять мониторинг лекарственных средств по всей фармацевтической цепочке. Именно в Кодексе общественного здравоохранения установлены уголовно-правовые запреты, связанные с ограничением оборота медицинской продукции. Так, к числу наказуемых деяний относятся:

сбыт, посредничество в сбыте или иное распространение бесплатно или за плату,

³ URL: <http://komentarielektronik.magjistratura.edu.al/sq/eli/fz/1995/7895> (дата обращения: 09.06.2023).

⁴ URL: <https://dokumen.tips/documents/ligj-nr-1052014-pr-barnat-dhe-shrbimin-ligj-nr-1052014-pr-barnat-dhe.html?page=1> (дата обращения: 07.06.2023).

оптовым или розничным способом запатентованного лекарственного средства, любого другого лекарственного средства, изготовленного промышленным способом или в соответствии с методом, включающим промышленный процесс, без соответствующего разрешения на продажу, разрешения на временное использование или без разрешения на импорт или чье разрешение отклонено, приостановлено, отозвано или утратило силу (ст. 5421-2 Кодекса); в качестве квалифицирующих признаков законодатель обозначил: существенный риск для здоровья человека; совершение деяния в составе организованной банды; посредством информационно-телекоммуникационной сети в отношении неопределенного круга лиц; фармацевтами и иными должностными лицами, деятельность которых напрямую связана с обращением лекарственных средств;

проведение рекламной кампании, посредничество или распространение бесплатно или за плату, оптом или в розницу гомеопатических лекарственных средств (т. е. средств с недоказанной эффективностью) или традиционных растительных лекарственных средств, которые не были зарегистрированы уполномоченным государственным органом или чья регистрация в этом органе отклонена, приостановлена, отозвана, истекла или аннулирована (ст. 5421-3 Кодекса); квалифицирующие признаки аналогичны тем, что указаны при описании предыдущего состава;

непредставление лицом, использующим лекарственное средство или продукт, какой-либо новой информации, которая может повлиять на оценку преимуществ и рисков в применении соответствующего лекарственного средства или продукта (ст. 5421-4 Кодекса);

несообщение об ограничениях, имеющих в отношении конкретного лекарственного средства или медицинского изделия (ст. 5421-5 Кодекса);

несообщение о прекращении сбыта лекарственного средства в другом государстве

и неинформирование о причинах такого прекращения (ст. 5421-6 Кодекса)¹.

В качестве модели имплементации Конвенции нами проанализировано также национальное испанское уголовное законодательство, где основным правовым источником является Уголовный кодекс Испании.

Статьей 361 УК Испании закреплён запрет на реализацию различными способами, хранение лекарственных средств, в том числе для медицинского и ветеринарного использования, при отсутствии необходимых разрешений или документов соответствия. В статье 361а (введена в действие в июне 2021 года) раскрыты особенности наступления уголовной ответственности за распространение, в том числе через сеть «Интернет», информации, направленной на поощрение и содействие по отношению к несовершеннолетним и инвалидам в части потребления пищевых продуктов и веществ, которые влекут за собой риски для здоровья человека.

Статьей 362 УК Испании криминализованы разработка и производство лекарственных средств, специальных санитарно-гигиенических продуктов, осуществляемые в целях введения в заблуждение потребителя относительно происхождения, качества и свойств таких товаров, а равно совершение такого деяния при отсутствии специального разрешения или лицензии и при условии, что такие разработка и производство реализуются для общественного потребления или такими действиями создается риск для жизни и здоровья третьих лиц.

Дополнительно по ст. 362а может быть квалифицировано деяние, выражающееся в реализации (вне зависимости от способа) лекарственных средств, вспомогательных веществ, медицинских изделий, аксессуаров лицом, которое знает об их фальсификации или ином изменении; по ст. 362b квалифицируется подделка документов на лекарственные средства, вспомогательные вещества и медицинские изделия, аксессуары и иных связанных с ними материалов, включая подделку упаковки или марки-

¹ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000026903086/ (дата обращения: 09.06.2023).

ровки в целях совершения преступления, предусмотренного ст. 362 УК Испании; по ст. 362d к ответственности должны быть привлечены лица, которые при отсутствии медицинских показаний предоставляют или облегчают доступ спортсменам (посредством назначения, предоставления, отпуска и иным способом) к получению и употреблению фармакологических веществ и препаратов, которые с учетом их химического состава могут повлиять на результаты соревнований или нанести вред здоровью или жизни спортсмена¹.

Из анализа приведенных примеров следует однозначный вывод, что ратификацию или подписание государством Конвенции не следует рассматривать в качестве гарантии полной имплементации ее положений в уголовное законодательство, в этой связи интересным и нужным видится анализ законодательства отдельных государств, которые не являются членами Конвенции.

Например, уголовно-правовые запреты относительно незаконного оборота медицинской продукции установлены Уголовным кодексом Аргентины. По статье 204 Кодекса к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, которое при наличии полученного в установленном порядке разрешения на продажу лекарственных веществ осуществляет их реализацию в виде, качестве или количестве, не соответствующих медицинскому рецепту, без наличия такого рецепта, когда он обязателен. По ст. 204.2 наступает ответственность за неосторожное совершение деяния, указанного в ст. 204 УК Аргентины. Статьей 204.3 регламентирован запрет на осуществление деятельности по производству и изготовлению лекарственных средств в не предназначенных для этого местах; по ст. 204.4 привлекаются лица, в должностные обязанности которых входит осуществление руководства, управления, контроля или надзора за деятельностью организаций, реализующих, хранящих, распределяющих, производящих или изготавливающих лекарственные сред-

ства, при условии, что деятельность таких лиц привела или могла привести к совершению любого из деяний, закрепленных в ст. 204 – 204.5 УК Аргентины. По ст. 204.5 УК Аргентины наступает ответственность в случаях, когда лицо при отсутствии необходимого разрешения, т. е. медицинского рецепта, на коммерческой основе занимается продажей лекарственных субстанций².

Значительным количеством нормативных правовых актов урегулирован оборот фармацевтической продукции в Египте. Так, в стране приняты и действуют следующие законы, регулирующие фармацевтическую деятельность:

Закон № 48/1941 «О предотвращении мошенничества и обмана»;

Закон № 127/1955 «О регулировании деятельности аптек» (Закон об аптеках);

Закон № 212/1960, регулирующий торговлю лекарственными средствами, химическими веществами и медицинскими принадлежностями;

Закон № 113/1962, регулирующий импорт, производство лекарственных средств, медицинских принадлежностей и химических веществ и торговлю ими;

Закон № 13/1964, устанавливающий порядок приготовления лекарств и фармацевтических препаратов в аптеках под торговыми наименованиями или в торговых целях;

Закон № 206/2017, регулирующий рекламу медицинских товаров и услуг.

Данный перечень правовых актов не является исчерпывающим, но он наглядно свидетельствует о повышенном внимании законодателя к разрешению вопросов, связанных с незаконным оборотом медицинской продукции на территории Египта. В стране, помимо Министерства здравоохранения, функционируют два основных специализированных органа: Египетское управление по унифицированным закупкам лекарств (*Egyptian Authority for Unified Drug Procurement (EAUDP)*) и Египетское управление лекарственными средствами (*the Egyptian Drug Authority (EDA)*), надзирающие за со-

¹ URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Penal/Io10-1995.I2t17.html#a361 (дата обращения: 09.06.2023).

² URL: <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/15000-19999/16546/textact.htm> (дата обращения: 12.06.2023).

блюдением действующих правовых предписаний в анализируемой сфере¹.

В стране принят Уголовный кодекс еще в 1937 году, однако он не является единственным источником уголовного права. Уголовно наказуемые деяния в сфере незаконного оборота медицинской продукции описаны в специализированных правовых актах, часть из которых приведена нами выше. Так, в соответствии с Законом о защите прав потребителей (*Consumer Protection Law*) производитель несет ответственность за любой ущерб, понесенный потребителем в результате производственного дефекта медицинского изделия, при этом виновное лицо может быть привлечено как к гражданско-правовой, так и к уголовной ответственности.

Подводя итог, можно констатировать, что исследование уголовного законодательства, предусматривающего запрет на оборот

фальсифицированной медицинской продукции, показало следующее.

1. Позиции законодателя разных стран в части определения круга деяний, подлежащих криминализации, существенно отличаются, даже стран, ратифицировавших Конвенцию. Национальный законодатель в каждом случае идет по собственному пути, но при этом государства стараются предпринимать необходимые меры противодействия растущим угрозам, связанным с фальсификацией медицинской продукции.

2. Нередко государства, которые не ратифицировали Конвенцию, принимают более строгие меры уголовно-правового реагирования, существенно ограничивая незаконный оборот медицинской продукции в сравнении с теми странами, которые ратифицировали и (или) подписали указанную Конвенцию.

Список источников

1. Иликбаева Е. С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: вопросы криминализации, дифференциации ответственности и пенализации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Иликбаева Евгения Сергеевна. Краснодар, 2019. 234 с.

2. Терехов А. Ю. Международно-правовые средства предотвращения оборота фальсифицированных лекарственных препаратов : специальность 12.00.10 «Международное право. Европейское право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Терехов Алексей Юрьевич. Москва, 2011. 24 с.

3. Фирсов И. В. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту и производству фальсифицированных лекарственных средств и медицинской продукции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 28–29 января 2016 г. / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва : Проспект, 2016. С. 573–576.

4. Фармацевтическое уголовное право России : монография / А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин, Т. Г. Понятовская [и др.] ; отв. ред. А. И. Рарог. Москва : Проспект, 2019. 216 с.

5. Дринова Е. М. Политизация ислама и суфийские традиции в истории Турции // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 154–164.

Информация об авторе

Е. В. Дзьоник – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

Information about the author

E. V. Dzonik – Adjunct of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

¹ URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-008-4310?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-008-4310?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 12.06.2023).

Научная статья

УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЗАЩИТЫ
ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ирина Бимбажаповна ДОРЖИЕВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ira05121993@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена публичным интересам в уголовном судопроизводстве, их соотношению с частными. По итогам исследования сделан вывод о необходимости соблюдения баланса интересов, учета положительного международного опыта правового регулирования возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления.

Ключевые слова: возмещение вреда (ущерба), причиненного преступлением, публичные и частные интересы в уголовном судопроизводстве, прокурор

Для цитирования: Доржиева И. Б. О некоторых вопросах защиты публичных интересов в российском уголовном судопроизводстве // Криминалисту. 2024. № 1 (46). С. 37 – 42.

Original article

ON SOME ISSUES OF PROTECTION OF PUBLIC INTERESTS
IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Irina B. DORZHIEVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, ira05121993@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of public interests in criminal proceedings, their relationship with private ones. Based on the results of the study, a conclusion was made about the need to maintain a balance of interests, to take into account the positive international experience of legal regulation of compensation for damage caused as a result of the commission of a crime.

Keywords: compensation for harm (damage) caused by a crime, public and private interests in criminal proceedings, prosecutor

For citation: Dorzhieva I. B. On some issues of protection of public interests in Russian criminal proceedings. Criminalist. 2024;1(46):37-42. (In Russ.).

© Доржиева И. Б., 2024

Распад СССР и реформы 1990-х годов повлекли кардинальное переустройство отечественной правовой системы. Если советский период характеризовался приоритетом общественных интересов над личными, то принятая в либеральных тенденциях Конституция Российской Федерации признала человека, его права и свободы высшей ценностью.

Как отмечает В. Н. Додонов, «Российская Федерация, признав приоритет „общечеловеческих ценностей“, теперь просто обречена постоянно сопоставлять свое уголовное и иное законодательство с зарубежным правом» [1, с. 138].

В современном постиндустриальном обществе прослеживается усиление процессов глобализации общественных отношений, что не могло обойти стороной и сферу правового регулирования. В этих условиях в последние годы в России, как и в большинстве зарубежных стран, «взят курс» на либерализацию уголовно-процессуальных норм.

В доктрине уголовного процесса уделяется большое внимание вопросам всемерной защиты прав потерпевшего от преступления. Потерпевший рассматривается как лицо, для защиты которого, собственно, и существует Уголовный кодекс Российской Федерации [2, с. 80].

Следует согласиться с Л. В. Головкин в том, что имеются тенденции к уходу в другую крайность — «сервисного государства» и «сервисного правосудия», где государственные органы действуют в уголовном процессе исключительно для того, чтобы восстановить права частного лица — потерпевшего и обеспечить его частные притязания. При таком подходе сущность уголовно-процессуального механизма сводится к предоставлению «услуг» потерпевшим лицам [3, с. 352].

На идеях вытеснения публичных интересов из уголовного судопроизводства сформирована довольно популярная теория восстановительного правосудия, которая главным назначением уголовной юстиции видит восстановление прав потерпевшего лица. В основе такого подхода находится перевод уголовно-правового конфликта

в частноправовое русло и вытеснение отсюда государства.

В этой связи требуют осмысления публичная природа российского уголовного судопроизводства, содержание публичных интересов, их соотношение с частными.

В свое время государственность стала результатом прогрессивного развития общества, однако в настоящее время нет единства мнений относительно того, является ли государство необходимым и обязательным институтом.

Ю. А. Тихомиров выделяет две основные оценки государства, одна из которых признает организующую роль государства, без которого невозможно устойчивое экономическое и социальное развитие. Государство выполняет такие задачи, как утверждение основ законности, поддержание сбалансированной политической обстановки, инвестиции в основы социального обеспечения и инфраструктуру, поддержка незащищенных групп населения, защита окружающей среды¹.

Другая позиция выражена в концепциях ограничения роли государства в условиях рыночной экономики и интенсивного развития институтов гражданского общества. Аутсорсинг ведет к передаче некоторых публичных функций бизнес-структурам, учреждениям и организациям, организующие функции государства исчезают [4, с. 7].

Ретроспективный анализ показывает, что объем и содержание функций государства не статичны, их трансформация происходит в связи с изменениями в политической, экономической и иных сферах. Однако полагаем, что при любых изменениях потребность общества в организующих и консолидирующих функциях государства сохранится.

Это же подтверждают результаты социологических исследований, касающихся взаимодействия государства и граждан, которые свидетельствуют о существенной роли государства в жизни российского общества (табл. 1, 2)².

¹ Отчет о мировом развитии. 1997. Государство в меняющемся мире. М., 1997. С. 4.

² Общественное мнение — 2021. М., 2022. С. 46–47.

Т а б л и ц а 1

Как Вы думаете, как должны складываться отношения между государством и его гражданами?

	2001	2006	2007	2009	2011	2013	2016	2018	2020	2021
Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан	6	6	7	6	5	6	11	6	7	6
Государство должно устанавливать единые для всех «правила игры» и следить за тем, чтобы они не нарушались	19	24	24	28	34	35	36	30	32	24
Государство должно заботиться о всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни	71	66	66	63	58	53	52	62	60	68
Затруднились ответить	4	4	3	3	3	7	2	2	2	2
Число опрошенных	1600	1600	1600	1600	800	1600	1600	1600	1600	1600

Т а б л и ц а 2

Какой принцип отношений между государством и его гражданами Вы бы лично поддержали?

	1990	1997	2007	2008	2009	2010	2011	2013	2014	2015	2021
Люди должны пойти на некоторые жертвы ради блага государства	7	6	4	5	7	7	5	4	11	8	6
Государство должно больше заботиться о людях	57	68	80	82	79	77	80	83	72	73	82
Люди должны проявить инициативу и сами позаботиться о себе	25	18	13	12	12	12	13	9	13	15	9
Затруднились ответить	11	8	3	1	2	4	3	5	4	4	3
Число опрошенных	1600	1600	1600	1600	1600	1600	1600	800	800	1600	1600

Потребность общества в государстве в нынешних реалиях не только не снижается, но и возрастает. Для российского общества характерно наличие требований к государству о выполнении им социально значимых функций, подкрепленных действенным механизмом их реализации.

Безусловно, государство — один из самых обоснованно критикуемых институтов, однако какого-либо иного, лучшего механизма обеспечения удовлетворения потребностей общества не придумано.

Государство как правовая организация общества формулирует и защищает общие ценности и интересы. Оно криминализирует общественно опасные деяния, признавая

их преступлениями, обеспечивает привлечение виновных к уголовной ответственности, в результате чего поддерживается правопорядок, в чем и заинтересовано общество.

Таким образом, публичный интерес можно определить как признанные государством и урегулированные нормами права интересы общества, удовлетворение которых обеспечивает его целостность, устойчивость и поступательное развитие.

Государство обязано принять меры по восстановлению прав потерпевших, чья безопасность не была им обеспечена, возмещению причиненного преступлением вреда, однако же это не может и не должно быть самоцелью уголовного судопроизводства,

поскольку преступление является в первую очередь общественно опасным деянием, а не частным деликтом.

Несмотря на то что преступлением может причиняться вред конкретному физическому или юридическому лицу, оно по своему характеру и значимости выходит за рамки частных интересов, ставя под угрозу существующую систему ценностей, социальный строй, общество в целом.

Государственные органы призваны обеспечивать в первую очередь объективный правопорядок и не могут являться лишь орудием возмещения вреда в пользу потерпевшего.

В уголовный процесс вовлечено множество участников. Одни из них (потерпевшие, обвиняемые и др.) преследуют собственный (частный) интерес, другие (органы уголовного преследования и суд) наделены государственно-властными полномочиями и обязаны в силу служебного долга, т. е. официально, возбуждать, расследовать и разрешать уголовные дела в предусмотренном законом порядке, независимо от волеизъявления участвующих лиц [5, с. 127].

Таким образом, уголовный процесс обеспечивает прежде всего защиту публичного интереса, что не означает отказа от защиты частных.

Представляется неверным противопоставление частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве.

Л. В. Головки справедливо отмечает, что публичный интерес неотчуждаем от личных интересов всех лиц, связанных с соответствующим публично-правовым образованием, и включает их в свой состав в некоем обобщенном виде [3, с. 354].

Ф. Н. Багаутдинов обоснованно полагает, что личные и публичные интересы в уголовном судопроизводстве находятся в диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности, при которых публичный интерес направлен также на защиту законных интересов личности, а обеспечение прав личности является необходимой предпосылкой обеспечения законности и достижения назначения уголовного судопроизводства [6, с. 12].

Например, нецелевое расходование бюджетных средств, выделенных на реализацию национального проекта «Экология», нарушает права неопределенного круга частных лиц на качественную окружающую среду.

Государство в любом случае обязано защищать интересы потерпевшего, принимать меры к возмещению причиненного вреда, между тем это не является самоцелью уголовного процесса.

Следовательно, нарушение публичного интереса влечет нарушение частного, а правомерный частный интерес совпадает с публичным.

Для уголовно-процессуального права как отрасли публичного права особенно важно соблюдение баланса частных и публичных интересов.

Процесс глобализации не всегда положительно влияет на общественный порядок и ценностную сферу, сложившиеся в конкретной стране, традиционную модель правового регулирования. В желании усовершенствовать определенные элементы теряется понимание логики отечественного уголовного судопроизводства.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, либо юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Таким образом, публично-правовые образования в перечень потерпевших не включены.

УПК РФ назначением уголовного судопроизводства признает защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). То есть законодатель закрепляет защиту лишь *частных интересов*.

Однако при таком подходе остаются без внимания преступления, связанные с причинением вреда публичным интересам и публично-правовым образованиям. В связи с этим полагаем, что ст. 6, 42 УПК РФ необходимо дополнить указанием на публичные интересы.

Вместе с тем представляется важным учитывать положительный международный

опыт правового регулирования возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления.

Наиболее близкими к российской правовой системе, безусловно, являются правовые системы государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Кроме схожей с российской структуры законодательства эти страны имеют и общие правовые традиции, как в доктринальном, так и в законодательном смысле.

Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ приняла ряд модельных законов. Наибольший интерес для настоящего исследования представляют Модельный закон о прокуратуре (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 16 ноября 2006 года), Модельный уголовно-процессуальный кодекс (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 года № 7-6) (далее – МУПК).

Названные акты носят рекомендательный и ориентирующий характер, имеют разное влияние на национальное законодательство государств-участников.

В странах СНГ прослеживаются одинаковые подходы к регламентации полномочий и функций прокуратуры как ключевого органа защиты публичных интересов в уголовном судопроизводстве.

В статье 2 Модельного закона о прокуратуре сформулирована цель органов прокуратуры – обеспечение верховенства законов, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, к ее задачам отнесено принятие мер к возмещению материального и иного ущерба, причиненного правонарушением.

Прокурор в соответствии со ст. 83 МУПК вправе предъявить к обвиняемому или лицу, которое несет имущественную ответственность за его действия, иск, в том числе в защиту интересов государства.

В МУПК подробно урегулировано возмещение вреда, причиненного преступлением. Наличие в МУПК раздела, посвященного имущественным вопросам в уголовном судопроизводстве, позволило однозначно ре-

шить ряд проблем, до настоящего времени не нашедших отражения в УПК РФ.

Так, ст. 191 МУПК предусматривает возможность применения норм гражданского процессуального законодательства при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе. Этой же статьей предусмотрено, что решение по гражданскому иску принимается в соответствии с нормами гражданского и иных отраслей законодательства, на гражданский иск не распространяются сроки исковой давности, установленные в гражданском и иных отраслях права.

Требуется внимания также категориальный аппарат МУПК. В данном Кодексе под ущербом понимается моральный, физический или имущественный вред, подлежащий денежному измерению. К числу лиц стороны обвинения рассматриваемый Кодекс относит, кроме прочих, пострадавшего и потерпевшего.

И пострадавший, и потерпевший являются лицами, которым запрещенным уголовным законом деянием причинен моральный, физический или имущественный вред либо мог быть причинен, если бы совершение запрещенного деяния было окончено.

Различие этих участников состоит в том, что пострадавшим может быть физическое и юридическое лицо, а потерпевшим – только физическое. Пострадавший – лицо, которое подало органу дознания, суду, прокурору, следователю, дознавателю жалобу на причинение ему запрещенным уголовным законом деянием вреда, под потерпевшим понимается лицо, в отношении которого имеются основания полагать, что ему запрещенным уголовным законом деянием непосредственно причинен вред. Пострадавший в лице государственного предприятия, учреждения, организации не вправе отзывать поданную им жалобу.

Также потерпевший, в отличие от пострадавшего, вправе получить за счет государства установленную законом компенсацию ущерба, причиненного деянием, запрещенным уголовным законом (пп. 18, 19 ч. 1 ст. 91 МУПК). Таким образом, в соответствии с МУПК в случае причинения вреда публично-правовым образованиям в результате совершения преступления последние будут относиться к категории пострадавших.

МУПК устанавливает письменную форму гражданского иска, а также возможность взыскания имущественного вреда, как непосредственно причиненного запрещенным уголовным законом деянием, так и в связи с совершением такого деяния, определяет случаи отнесения вреда к тому или другому виду (ст. 193 МУПК).

Также МУПК предусматривает возможность рассмотрения в рамках уголовного судопроизводства регрессных исков о взыскании расходов на лечение потерпевшего и уход за ним, погребение, выплату страхового возмещения, пособия, пенсии, понесенных в связи с исполнением договора охраны имущества.

Российская судебная практика относительно регрессных исков изменилась в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу». Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 12 Постановления, регрессные иски, в том числе о возмещении расходов страховым организациям, подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Позицию Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в Постановлении, нельзя признать бесспорной, поскольку право на предъявление гражданского иска в рамках уголовного дела является безусловной льготой, позволяющей максимально оперативно и эффективно решить вопрос о взыскании причиненного преступлением вреда. В связи с чем, полагаем, перевод регрессных исков в плоскость гражданского судопроизводства не соответствует интересам потерпевших лиц.

Таким образом, представляется, что в качестве *de lege ferenda* в российское уголовно-процессуальное законодательство могут быть интегрированы нормы, закрепляющие форму подачи гражданского иска в уголовном судопроизводстве, возможность применения норм гражданского процессуального законодательства при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе, принятие решений по гражданскому иску в соответствии с нормами гражданского и иных отраслей законодательства, нераспространение на гражданский иск сроков исковой давности.

Список источников

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право : общая часть. Москва : Юрлитинформ, 2009. 448 с. (Библиотека международного права).
2. Скобликов П. А. Позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросам назначения наказания и исполнения приговора: анализ ряда положений // Государство и право. 2020. № 12. С. 76–84.
3. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. Москва : Городец, 2022. 458, [1] с. (Библиотека М. К. Треушникова).
4. Тихомиров Ю. А. Государство: преемственность и новизна : научное издание. Москва : Юриспруденция. 2011. 77, [2] с.
5. Давлетов А. А., Барабаш А. С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2011. № 4 (79). С. 125–136.
6. Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Багаутдинов Федор Нуриетдинович. Москва, 2004. 56 с.

Информация об авторе

И. Б. Доржиева – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

I. B. Dorzhieva – Postgraduate Student at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 34

I МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СУДЕБНОЙ (УГОЛОВНОЙ) ПОЛИЦИИ
К 110-летию проведения конгресса

Николай Александрович КОРНИЕНКО

Аннотация. Статья посвящена подготовке и проведению I Международного конгресса судебной (уголовной) полиции, прообраза Интерпола. Изложены основные причины и факты, обусловившие данное мероприятие, освещены отдельные обсуждаемые вопросы.

Ключевые слова: I Международный конгресс полиции, международная преступность, преподавание криминалистики, В. И. Лебедев, Н. Ф. Лучинский, Р. А. Рейсс, уголовная преступность начала XX века, регистрация международных преступников, экстрадиция международных преступников

Для цитирования: Корниенко Н. А. I Международный конгресс судебной (уголовной) полиции. К 110-летию проведения Конгресса // Криминалист. 2024. № 1 (46). С. 43 – 48.

Original article

I INTERNATIONAL CONGRESS OF JUDICIAL (CRIMINAL) POLICE.
DEDICATED TO THE 110TH ANNIVERSARY

Nikolai A. KORNIENKO

Abstract. The historical essay is devoted to the preparation and holding of the I International Congress of Judicial (Criminal) Police, the prototype of Interpol. The main reasons and facts that led to this event are outlined; the main issues discussed in the course of its work are highlighted.

Keywords: International Congress of Police, international crime, teaching criminology, V. I. Lebedev, N. F. Luchinsky, R. A. Reiss, crime rate of the beginning of the XX century, registration of international criminals, extradition of international criminals

For citation: Kornienko N. A. I International Congress of judicial (criminal) police. Dedicated to the 110th anniversary. Criminalist. 2024;1(46):43-48. (In Russ.).

Одной из причин проведения в 1914 году в Монако Международного конгресса судебной (уголовной) полиции явился рост в конце XIX – начале XX века профессиональной, организованной и рецидивной преступности. В это время отмечался и новый вид криминальных посягательств – посягательства, носящие международный характер. Президент Конгресса декан юридического факультета Парижского университета проф.

Ленард (*Lainarde*) охарактеризовал их следующим образом: «Громили банков и магазинов, особо совершенствуются, по большей части организовываются в виде шаяк, с разветвлениями во всех странах, карманные воры и обдиралы; воры под предлогом размена денег; мошенники, эксплуатирующие свои жертвы при помощи фиктивных займов и залогов; на почве брака; исхода тайствования титулов, орденов и других

© Корниенко Н. А., 2024

знаков отличия; соблазна выиграть в лотерею и т. п.; шулера, фальшивомонетки, торговцы белым товаром, которые, будучи организованы в большие международные банды, представляют собой особо гнусную разновидность в этой области, — вот целая армия международных преступников в собственном смысле слова» [1].

Подобное наблюдалось во всех крупных государствах Европы независимо от политического или социально-экономического устройства. Такие страны, как Великобритания (парламентская монархия), Франция (президентская республика), Россия и Австро-Венгрия (монархии), ничем не отличались. Статистика это подтверждала. К примеру, в Великобритании основную массу преступлений составляли посягательства имущественного характера — до 90 % всех преступлений, ежегодно около 25 тыс. На 100 тыс. жителей страны приходилось 412 преступлений, из них имущественных — 388 [2; 3]. В 1900 — 1910 годах в России ежегодно число совершаемых преступлений увеличилось на 7 % и в 1913 году равнялось 3,5 млн преступлений [4, с. 45]. В США преобладали мошенничества, далее шли кражи со взломом, убийства и «беспутное поведение».

Ленард также отмечал ряд проблем, которые актуальны и в наше время, — глобализация мировой экономики и проявления национализма. Он говорил, что современность «переживает кризис усиленной интернационализации, касающейся, впрочем, материальной интернационализации» [1].

Р. А. Рейсс дает описание международного преступника: «Не имея определенного места жительства, он постоянно перемещается с места на место и при этом с поразительной быстротой. По внешнему виду это — совершенный джентльмен; он имеет представительную внешность, хорошо владеет несколькими языками и одет по последней моде, но без утрирования и держится так, чтобы не обращать на себя внимания. Работает он как в одиночку, так и шайкой. В состав таких шаяк входят и женщины» [5].

По мнению Р. А. Рейсса, международные преступники специализируются на взломах несгораемых шкафов и касс. Принадлежат такие «специалисты» к международным шайкам. Преступная деятельность подобных

лиц облегчается наличием железнодорожного сообщения и ослабленным пограничным и таможенным контролем [5].

Быстрота перемещения, упрощенный порядок пересечения границ позволяли выросшему европейскому «среднему классу» путешествовать и знакомиться с культурой Италии, Франции, Австро-Венгрии и Германии. Посещение развлекательных и игорных заведений, отдых на Лазурном Берегу, лечение в Баден-Бадене, лотереи на скачках, доступность сексуальных контактов — все действовало расслабляюще, что и обеспечивало совершение преступлений.

Чины полиции понимали и трезво оценивали свое место в системе органов правопорядка и роль в борьбе с преступностью. Без них, первыми начинающих работу на месте происшествия¹, успехов в раскрытии и расследовании преступлений достичь невозможно. Применительно же к борьбе с преступностью международного характера усилия следствия без помощи полиции бесперспективны. Вспомним, что писал по этому поводу В. И. Лебедев: «Искусная деятельность по сыску, по раскрытию преступлений повсюду служит основой еще более ответственной работы судебных деятелей, которые почти весь свой следственный материал добывают не иначе, как руками полиции» [6, с. 5]. Однако чины полиции имеют в своем арсенале ограниченный набор «старых средств: 1) хитрость; 2) случай; 3) деньги» [6, с. 13].

Следует упомянуть и основные обстоятельства, которые способствовали борьбе с международной преступностью. Термин и понятие «борьба» в указанное время уже широко использовались. В 1889 году инициативная группа, в которую входили такие представители уголовно-правовых дисциплин, как Ф. Лист (Германия), А. Принс (Бельгия) и Г. Гамель (Голландия), инициировала создание Международного союза криминалистов, позднее состоявшего из более чем 600 членов. Ф. Лист был близко знаком с заслуженным профессором Санкт-Петербургского университета И. Я. Фойницким (1847 — 1913), бывшим несколько лет деканом

¹ В соответствии со ст. 258 Устава уголовного судопроизводства в этих случаях чины полиции выполняют все обязанности следователя.

юридического факультета Санкт-Петербургского университета, и предложил ему войти в состав Союза. Предложение было принято, и несколько лет спустя по инициативе И. Я. Фойницкого была организована русская группа Международного союза криминалистов. Произошло это в 1902 году после очередного съезда Союза в Санкт-Петербурге, проходившего в здании Министерства юстиции на Малой Садовой, д. 2. К 1905 году группа насчитывала более 520 членов, существовала она при Юридическом обществе столичного университета. Таким образом, были установлены международные контакты с зарубежными коллегами.

Необходимо особо отметить, что на первом же съезде Международного союза криминалистов его участники приняли обращение к сотрудникам полиции всех государств объединяться в борьбе с преступностью, создать для этой цели координирующий орган. К сожалению, какой-либо заметной реакции на это от компетентных органов и государств не последовало.

На очередном съезде Союза в 1895 году в Линце (Австро-Венгрия) И. Я. Фойницкий выступил с докладом «О подготовке юристов-практиков». Он высказал несогласие с предложением Г. Гросса готовить будущих криминалистов в плане сугубо их практической деятельности. Отстаивая научные основы новой дисциплины, криминалистики, И. Я. Фойницкий утверждал, что криминалистике присущи научно-технические, естественные и гуманитарные основы и они имеют теоретическую базу.

Досадно, что Г. Гроссу, «отцу криминалистики», при всех его заслугах, недоставало научной эрудиции, и к тому же малый педагогический опыт не позволял ему подняться до уровня ученого. На основе богатой следственной практики он дал профессиональные рекомендации, впервые объединив в системе криминалистики технику, тактику и методику [7].

Налаживанию межгосударственных связей в борьбе с преступностью способствовал и секретный протокол, подписанный в марте 1904 года в Санкт-Петербурге. Представители Австро-Венгрии, Болгарии, Дании, Норвегии, России, Румынии, Сербии, Турции и Швейцарии заключили соглашение

о международном сотрудничестве в борьбе с совершаемыми анархистами преступлениями, носящими характер терроризма. По предложению представителя нашей страны к преступникам-анархистам были отнесены и революционеры других течений. Известные в России террористические акты именовали как экспроприация «эксакты». Их цель — завладеть деньгами и ценностями для закупки за рубежом оружия и для издания пропагандистской литературы. В 1914 и 1915 годах «суммарно уголовные дела этой категории составляли 89 дел при раскрываемости 79. К числу подобных преступлений относились разбойные нападения на казначейства, банки, почту, перевозившую деньги, церкви, монастыри, хутора, казенные винные лавки» [8, с. 940–942].

Еще одной попыткой объединения международных сил полиции являлось проведение в 1905 году в Буэнос-Айресе совещания, на котором представители ряда латиноамериканских государств договорились о взаимном сотрудничестве и помощи в розыске скрывшихся преступников. В 1909 году в Шанхае борьба с наркотиками как международным злом обсуждалась чинами полиции ряда государств. Сложность возникающих проблем, принятия каких-либо конкретных решений не позволила выработать единый подход. В 1911, 1913, 1914 годах аналогичные мероприятия проводились в Гааге. Незадолго до начала Первой мировой войны полиция Великобритании практиковала рассылку в другие государства фотоснимков международных преступников и сведений о совершенных преступлениях. К 1912 году на международном уровне сложилась практика направления запросов об установлении личности, в том числе трупа. Регистрационные службы ряда государств создали специальные отделы, позволяющие поддерживать эти контакты. В их числе полиция Парижа, Вены, Берлина, Лондона. Известен факт, когда в 1907 году полиция России оказала помощь в установлении личности неопознанного трупа своим коллегам в Риме.

На международной фотографической выставке в Дрездене в 1909 году действовал специальный отдел, посвященный судебной фотографии. Демонстрировались экспонаты, выполненные полицейскими чинами из

Австро-Венгрии, Германии, Франции, России, США. Были представлены оперативная фотография, фотоснимки следственных действий, исследовательская фотография, фотоснимки, иллюстрирующие заключения экспертов. Регистрационная карта московской полиции с опознавательными фотоснимками преступников, по мнению зарубежных криминалистов, могла служить образцом для международной карточки. Экспонаты отечественной судебной фотографии были удостоены гран-при.

Идея проведения международного съезда полицейских, как говорится, витала в воздухе, так как эпизодических контактов, имевших место по конкретным преступлениям, было уже недостаточно. Назрела необходимость постоянной связи, требовался координирующий центр, способный незамедлительно оказать необходимую помощь, так как противник профессионален, опытен, поддерживает контакты как в стране пребывания, так и за границей.

Энергичные подготовительные мероприятия провел проф. Р. А. Рейсс, предложивший созвать международную конференцию, в которой были бы представлены «исключительно практические сотрудники полиции», а не «теоретики», как на научных съездах. Делегаты должны быть официально командированы своим правительством и на основании личного опыта высказать предложения по разработке проекта опознавательной карты преступника. Она должна содержать сведения о личности человека, позволяющие быстро проводить идентификацию в любой стране, быть универсальным материалом для идентификации преступника и трупа. Р. А. Рейсс предлагал предусмотреть постоянную прочную связь между полицейскими службами государств, упростить процедуру экстрадиции преступников. Политические преступления, по мнению Р. А. Рейсса, не должны входить в компетенцию новой полицейской организации. Многие его предложения были впоследствии реализованы в Уставе Интерпола и Конвенции Европола.

Существует легенда, что толчком к проведению съезда в Монако послужил факт кражи фамильных драгоценностей у князя Монако Альберта I. Молодая особа своим поведением в казино привлекла внимание

князя, и во время совместной прогулки с ней у него были похищены ценности. Власти Монако отрицали подобное, но в то же время на следующий день в близлежащие государства поступили ориентировки о розыске и задержании женщины по имени Софи. Так или иначе, Альберт I предложил провести съезд в Монако, взяв на себя все расходы. На организационные мероприятия потребовалось около двух лет.

I Международный конгресс судебной (уголовной) полиции проходил в Монако с 14 по 20 апреля 1914 года. В зале заседаний присутствовало до 300 человек. 25 государств делегировали своих представителей. Австро-Венгрия, Германия и скандинавские страны прислали наблюдателей. Официально Россию представлял В. И. Лебедев (1888 – 1930), руководивший VIII Делопроизводством (уголовным розыском) Департамента полиции Министерства внутренних дел. Персональное официальное приглашение на Конгресс получил и Н. Ф. Лучинский (1860 – после 1917), бессменный заведующий Центральным дактилоскопическим бюро Главного тюремного управления Министерства юстиции (ЦДБ) с 1906 по 1917 год. Он также был редактором журнала «Тюремный вестник», на страницах которого часто публиковались работы по тюремоведению, криминологии и криминалистике. Его избрали вице-президентом Конгресса, на котором он выступил с докладом о работе своей службы. На заседаниях Конгресса присутствовали полицейские чины, следователи, прокуроры, адвокаты, эксперты, представители Английского и Французского обществ международного уголовного права, преподаватели юридических вузов, журналисты.

Выступая на пленарном заседании, президент Конгресса Ленард констатировал, что с международной преступностью успешно можно бороться только при «помощи интернациональных мер преследования». Раскрываемость общеуголовных преступлений во всех крупных европейских государствах не превышала 50 – 60 %. По его мнению, требовалось установить «непосредственные сношения между судебной и полицейской властью разных стран». Далее он подчеркнул, что эти деловые контакты позволяют

ускорить процесс уголовного преследования и задержания преступников, скрывавшихся за границей, и избежать дипломатических формальностей.

Работа Конгресса проходила в четырех секциях. На заседаниях первой секции обсуждались «чисто полицейские дела». В частности, способы задержания преступников без соблюдения дипломатических процедур, связанных с гражданством другого государства. Рассматривались предложения по реквизитам регистрационной карточки, которая должна была использоваться для учета международных преступников. Предлагались варианты шифрованной связи между полицейскими службами. Далее предлагалось форсировать введение преподавания новой дисциплины «криминалистика» на юридических факультетах всех университетов. И обязательно ознакомить службы уголовного розыска с возможностями использования новых криминалистических средств и приемов. Указанные предложения были единогласно поддержаны на пленарном заседании Конгресса.

Делегаты Конгресса полагали целесообразным предложить правительствам заинтересованных государств принять решения, чтобы по делам, связанным с международными преступлениями, полицейские чины имели возможность бесплатно пользоваться почтовой, телеграфной и телефонной связью. Общаться с коллегами из других государств рекомендовалось на французском языке. На секции был также заслушан доклад доктора права А. Иврэн о, возможно, первом случае использования «кинематографа» в полицейской практике.

Работа второй секции была посвящена совершенствованию существующих способов регистрации преступников, позволяющих эффективно и быстро производить их идентификацию. Основным докладчиком являлся Ф. Давид, возглавивший после смерти А. Бертильона Службу судебной идентификации парижской полиции. Он считал необходимым разработать универсальный перечень индивидуальных «примет», которые будут обязательны для использования при регистрации преступников всех кате-

горий. Карта должна содержать фотоснимки следов пальцев рук, как полных, так и их фрагментов, обнаруженных на местах осмотра преступлений против личности и имущественного характера. Указанные карты подлежат централизованному хранению в парижском бюро, а их классификация построена по дактилоскопическому принципу. Одновременно там должен быть составлен и централизованный фотоальбом. Затем, после разработки проекта и его всестороннего обсуждения, должно быть образовано центральное международное бюро судебной идентификации. Доклад вызвал оживленную дискуссию, и на пленарном заседании было решено организовать квалифицированную комиссию, составленную из специалистов разных государств, которая предложит проект регистрационной карты, классификацию, категории общеуголовных преступников, которых необходимо поставить на учет.

Заседания третьей секции посвящались организационным вопросам создания центрального международного бюро судебной идентификации. На учет должны быть поставлены лица, совершившие преступления за границей своего государства, иностранные лица, высланные из страны пребывания. Учету не подлежат лица, совершившие преступления политические и воинские, а также административные правонарушения и преступления, расследуемые «исключительной юрисдикцией». В бюро вся информация должна анализироваться и оформляться в специальное досье, содержащее копии приговоров в отношении иностранцев, иностранцев, высланных из страны, различного рода доклады, справки судебных и полицейских органов, статьи из газет и т. д. Сведения из бюро могли быть выданы только при наличии возбужденного уголовного дела. Предполагалось, что запрос в бюро должен содержать анкетные данные лица, его социальный статус, материальное положение, сущность инкриминируемого деяния. Планировалось передать все материалы об организации международного бюро судебной идентификации на рассмотрение правительств заинтересованных государств.

Работа четвертой секции посвящалась разработке вопросов, связанных с экстрадицией, и для этих целей считалось необходимым организовать компанию из специалистов международного и уголовного права для разработки ими проекта конвенции об экстрадиции преступников, которая содержала бы положение о том, что правительства государств вправе отказать в экстрадиции, даже если суд решил удовлетворить соответствующее требование.

I Международный конгресс судебной (уголовной) полиции не смог разрешить сложные вопросы взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с международной преступностью, так как его делегаты

не имели полномочий от своего правительства и ограничивались «предложениями» и «пожеланиями». Немаловажным обстоятельством являлось и то, что Конгресс стал первым мероприятием подобного рода, в связи с чем отсутствовал опыт его проведения. Вместе с тем профессионализм делегатов позволил им проанализировать поступившие предложения, которые впоследствии были дополнены и усовершенствованы и внедрены в работу Интерпола и Европола. Современная правовая основа, организационные мероприятия и научно-технические возможности способствуют их успешной реализации на международном и межгосударственном уровнях.

Список источников

1. Лучинский Н. Я. Первый международный конгресс судебной полиции // Вестник полиции. 1915. № 11. С. 334–336.
2. Преступления и преступность в цифрах // Вестник полиции. 1917. № 1. С. 6–10.
3. Преступления и преступность в цифрах // Вестник полиции. 1917. № 2. С. 31–34.
4. Лобанов А. В., Широков Г. Г. История полиции в России : учеб. пособие / Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Северо-Западный ин-т повышения квалификации. Пос. Мурино, Ленинград. обл. : СЗИПК ФСКН России, 2015. 197, [1] с.
5. Рейсс Р. А. Гостиничные воры // Вестник полиции. 1912. № 24. С. 546–548.
6. Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений : Дактилоскопия. (Пальцепечатание). 2-е изд., испр. и доп. [Санкт-Петербург] : тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1912. [4], X, 161 с.
7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики : пер. с нем. Санкт-Петербург : Н. К. Мартынов, 1908. 1040 с.
8. Городская преступность за 1915 // Вестник полиции. 1916. № 33. С. 940–942.

Информация об авторе

Н. А. Корниенко – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. A. Kornienko – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья

УДК 343.95

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА-ПСИХОЛОГА
В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШЕННЫХ В СЕМЬЕ

Николай Юрьевич КОСТИЦЫН

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия,
nikolay_kosticyn@icloud.com*

Аннотация. Важность и необходимость применения психологических знаний при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных в семье, в последнее время отмечают как ученые-криминалисты, так и следователи-криминалисты. Уголовно-процессуальное законодательство четко не определяет понятие и процессуальный статус сведущего в психологии лица, в связи с чем вопрос о специфике участия специалиста-психолога в следственных действиях с потерпевшим несовершеннолетним еще более актуализируется.

Автор обосновывает особую роль психолога в установлении психологического контакта между следователем (дознавателем) и несовершеннолетним; оказании содействия следователю (дознавателю) в формировании перечня вопросов при подготовке к следственным действиям вербального характера; осуществлении контроля психического состояния несовершеннолетнего потерпевшего с целью предупреждения повторной психологической травматизации, чему способствует эффективное использование заключения психолога по исследованию личности ребенка-жертвы, его семьи и семейных взаимоотношений.

Автор приходит к выводу о необходимости предварительной беседы специалиста-психолога с потерпевшим несовершеннолетним, заключения специалиста о состоянии потерпевшего и предметного участия специалиста-психолога на всех этапах производства расследования по рассматриваемой категории дел.

Ключевые слова: психолог, заключение психолога, несовершеннолетний потерпевший, половая неприкосновенность, семейные взаимоотношения преступника и ребенка-жертвы, следственные действия

Для цитирования: Костицын Н. Ю. Некоторые вопросы участия специалиста-психолога в расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных в семье // Криминалисту. 2024. № 1 (46). С. 49–55.

Original article

SOME ISSUES OF PARTICIPATION OF AN EXPERT PSYCHOLOGIST
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST MINORS SEXUAL
INTEGRITY COMMITTED IN THE FAMILY

Nikolaj Yu. KOSTICYN

*Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia,
nikolay_kosticyn@icloud.com*

Abstract. The importance and necessity of applying psychological knowledge in the investigation of crimes against the sexual integrity of minors committed in the family have recently been noted by both forensic sci-

---

© Костицын Н. Ю., 2024

entists and forensic investigators. The criminal procedure legislation does not clearly define the concept and procedural status of a person knowledgeable in psychology, and therefore the question of the specifics of the participation of a specialist psychologist in investigative actions with a victim minor is even more relevant.

The author gives reasons for the special role of a psychologist in establishing psychological contact between an investigator (inquirer) and a minor; in assisting an investigator (inquirer) to make up a list of questions in preparation for investigative actions of a verbal nature; in monitoring the mental state of a minor victim in order to prevent repeated psychological traumatization, which is facilitated by the effective use of a psychologist's opinion on the study of the personality characteristics of a child victim, his family and family relationships.

The author comes to the conclusion that it is necessary to conduct a preliminary conversation of a specialist psychologist with a victim minor, to form the specialist's opinion on the condition of the victim and initiate the substantive participation of a specialist psychologist at all stages of the investigation of cases for the category under consideration.

Keywords: psychologist, psychologist's opinion, minor victim, sexual integrity, family relationship of the offender and the child victim, investigative actions

For citation: Kosticyn N. Yu. Some issues of participation of an expert psychologist in the investigation of crimes against minors sexual integrity committed in the family. *Criminalist*. 2024;1(46):49-55. (In Russ.).

По данным ГИАЦ МВД России, в 2022 году совершено 3 393 преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, что на 20 % меньше, чем в 2021 году (4 071)¹. Хотя и наблюдается снижение количества таких преступлений, процент насильственной преступности против несовершеннолетних все еще высок. При этом 15 % преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних совершается в семье, близкими родственниками, что, учитывая их высокую латентность и пролонгированность, социальную опасность, требует особого подхода к подбору состава участников следственных действий, детерминированного нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), выбору и применению специфических тактических приемов.

Рассматривая состав участников расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых в семье, необходимо обратить внимание на особую роль специалиста-психолога как обязательного участника следственных действий.

¹ Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений № 4-ЕГС за 2022 г. Форма 494 // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: https://мвд.рф/mwd/structure1/Centri/Glavnij-unformacionno_analiticheskij_cen/ (дата обращения: 10.09.2023).

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации закреплено, что при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно (ч. 4 ст. 191 УПК РФ).

Мнения ученых относительно обязательности участия и функционала специалиста-психолога в расследовании преступлений рассматриваемой категории, в производстве следственных действий, разделились.

М. С. Демкина, например, считает, что основной задачей психолога при производстве следственных действий должно быть оказание психологической помощи несовершеннолетнему [1, с. 58]. В то же время автор негативно относится к выделению среди функций психолога содействия следователю в установлении психологического контакта [1, с. 59].

Соглашаясь с мнением ученого, отметим, что помощь следователю в установлении психологического контакта с малолетним потерпевшим является важной составной частью деятельности психолога в рамках уголовного процесса. Не стоит забывать, что в

задачи следователя входит установление объективной картины произошедшего события, в том числе обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния. Таким образом, психолог, реализуя свою функцию в уголовном судопроизводстве, способствует обеспечению баланса публичных интересов и интересов несовершеннолетнего.

Как верно отмечают Е. В. Елагина, Г. С. Григорян, в ряде случаев несовершеннолетний затрудняется в понимании не только значения юридических понятий, но и вполне обыденной речи [2, с. 67]. Учитывая, что в ходе расследования преступления обозначенной категории, при производстве допроса, проверки показаний на месте происшествия и других следственных действий, несовершеннолетнему задаются уточняющие вопросы, психолог способен выполнять коммуникативную функцию, разъясняя значение поставленных вопросов, а иногда и помогая в интерпретации данных на них ответов (с учетом речевых, интеллектуальных и психологических особенностей несовершеннолетнего).

М. С. Петровская в качестве цели привлечения педагога и психолога к расследованию называет «предотвращение применения приемов проведения следственных действий, противоречащих требованиям педагогики и психологии» [3, с. 255]. С данной позицией сложно не согласиться. В то же время, на наш взгляд, педагог и психолог оказывают помощь не только ребенку-жертве, но и следователю. Например, в выборе допустимых и эффективных в каждой конкретной ситуации тактических приемов производства следственного действия. Связано это не столько с достижением позитивного результата следственного действия в виде получения доказательств, сколько с недопустимостью негативного воздействия на психику несовершеннолетнего. Кроме того, психолог в ходе производства следственного действия может оказывать содействие следователю в выявлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, тем самым — в реализации превентивной функции.

Исходя из собственного опыта производства следственных действий, исследования

эмпирической базы (65 уголовных дел), считаем необходимым при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных в семье, инициировать привлечение специалиста-психолога уже на первоначальном (подготовительном) этапе с целью углубленного изучения возрастных и личностных особенностей несовершеннолетнего потерпевшего, его психологического состояния на момент беседы, взаимоотношений в семье, с близкими, в том числе с преступником в его семейной роли.

Результаты психологического исследования целесообразно оформлять в виде заключения специалиста-психолога. Следует обратить внимание на то, что после исследования психологом психологического состояния потерпевшего несовершеннолетнего и формирования заключения следователь имеет право допросить психолога в качестве специалиста с целью уточнения противоречивых данных, сведений, вызывающих сомнения. В процессе допроса специалист-психолог может дать рекомендации следователю по порядку проведения следственного действия, подготовить вопросы, которые целесообразно задать допрашиваемому, помочь выбрать способы предотвращения конфликтных ситуаций в процессе допроса несовершеннолетнего потерпевшего. Все нюансы допроса фиксируются в протоколе.

На важность законодательного закрепления порядка получения и оформления заключения специалиста-психолога как участника расследования указывают в своих работах многие ученые-криминалисты [4; 5].

О. Ю. Антонов, чье мнение для нас приоритетно, например, высказался о необходимости расширения процессуальной компетенции специалиста-психолога в уголовном судопроизводстве, о повышении значимости его заключения как доказательства в уголовном деле и предложил в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации «внести отдельную главу — 27.1, регламентирующую порядок получения и оформления заключения специалиста, а также его допроса» [6, с. 154].

Наличие и тщательный анализ заключения специалиста-психолога на начальном

этапе расследования преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, совершенного в семье, как показывает практика судопроизводства, позволяет следователю оптимально разрешить ряд тактических вопросов, а именно:

сформировать следственную версию;

сформулировать правильные вопросы для первоначального допроса;

выбрать тактические приемы для нейтрализации негативных факторов допроса (возрастной фактор, семейный фактор, фактор повторной психологической травмы и др.);

определиться с необходимостью или отсутствием необходимости замены законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего;

предотвратить или стабилизировать конфликтную ситуацию, возникшую в ходе следственных действий, и др.

В процессе расследования преступлений рассматриваемой категории могут возникать проблемные случаи, такие как:

обострение посттравматического состояния несовершеннолетнего потерпевшего, выражающееся в приступах истерики, эпилептических припадках и т. п.;

пассивное противодействие несовершеннолетнего потерпевшего, выражающееся в отсутствии вербальной реакции на вопросы следователя: молчание, отсутствие объяснения своего поведения и индифферентное отношение к следственному действию и его участникам.

Нивелирование такого поведения несовершеннолетнего потерпевшего возможно с помощью применения следователем данных заключения специалиста-психолога о его индивидуально-личностных и возрастных особенностях.

Так, по уголовному делу, возбужденному в отношении К., обвиняемого в неоднократном совершении в течение длительного времени половых актов со своей дочерью М., следователем после тщательного изучения заключения специалиста-психолога было установлено, что в ситуации, описанной потерпевшей, под влиянием агрессивных действий насильника (угрозы, многочисленные сексуальные эксцессы), в результате чувства страха и оценки создавшейся ситуации как

безвыходной и несущей в себе реальную угрозу ее жизни, отсутствия помощи значимых близких она находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения (стресса) и что в сочетании с личностной незрелостью, ограниченностью социального опыта она не может давать показания о событиях преступления. В связи с наличием у потерпевшей в настоящее время невротических проявлений с целью исключения неблагоприятного влияния на ее психическое здоровье дополнительных психотравмирующих факторов участие несовершеннолетней потерпевшей М. в судебно-следственных действиях специалистом-психологом не рекомендовалось¹.

Таким образом, своевременное исследование заключения специалиста-психолога следователем позволило ему предотвратить обострение посттравматического состояния несовершеннолетней потерпевшей, отстранив ребенка-жертву от участия в следственных действиях.

Игнорирование же следователем информации о психологическом состоянии потерпевшего несовершеннолетнего и проведение следственного действия без учета заключения специалиста-психолога может повлечь нанесение повторной психотравмы.

Так, в производстве одного из следственных подразделений города Москвы находилось уголовное дело о понуждении к совершению иных действий сексуального характера путем шантажа несовершеннолетней потерпевшей. Совершеннолетний М., угрожая своей шестнадцатилетней сестре, что расскажет родителям о плохих оценках в школе, понудил ее к совершению иных действий сексуального характера. Подозреваемый М. не признавал себя виновным, в связи с чем следователем было принято решение о проведении очной ставки между несовершеннолетней сестрой и совершеннолетним братом. Предварительное консультирование

¹ Уголовное дело № 12102630019000217 по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ // Архив следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Саратовской области. 2022 г.

со специалистом-психологом следователем проведено не было. Во время очной ставки подозреваемый давал показания в грубой форме, своим видом угрожал несовершеннолетней в присутствии следователя, на что следователь никак не отреагировал. В результате возникновения психотравмирующей ситуации в процессе проведения следственного действия у потерпевшей несовершеннолетней начался эпилептический приступ. Следственное действие было прервано, потерпевшей оказана медицинская помощь¹.

Вышесказанное позволяет заключить, что проведение следственного действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего при расследовании преступления против половой неприкосновенности без учета заключения специалиста-психолога может привести к повторной психотравме, причинить вред здоровью несовершеннолетнего потерпевшего.

Неиспользование специальных психологических знаний и навыков специалистов, неприменение заключения специалиста-психолога следователем может приводить к возникновению конфликтных ситуаций и их переходу в стадию конфликта в процессе производства следственных действий при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных в семье.

Так, по уголовному делу о совершении в отношении шестилетней Т. насильственных действий сексуального характера следователь долго не мог установить контакт с потерпевшей малолетней. Во исполнение требований ст. 191 УПК РФ при допросе присутствовал педагог, которому также не удалось вступить с ребенком в диалог. Вследствие психологической травмы девочка была замкнута, отказывалась давать какие-либо показания, при виде следователя пряталась в угол комнаты и молчала. Для участия в допросе был приглашен специалист – детский психолог. В результате дли-

¹ Уголовное дело № 2-211/2018 по обвинению М. в совершении преступления по ч. 2 ст. 133 УК РФ // Архив Джидинского районного суда Республики Бурятия. 2018 г.

тельной совместной работы следователя и психолога удалось установить с малолетней потерпевшей необходимый психологический контакт. В силу возраста (шесть лет) девочка не могла адекватно передать события, произошедшие с ней, а также дать оценку совершенным в отношении ее деяниям. Тогда, опираясь на анализ сведений, полученных из заключения специалиста-психолога, следователь в игровой форме начал задавать ребенку вопросы, затем, используя куклу, попросил показать, в какой последовательности и какие действия совершал с ней преступник, что позволило малолетней потерпевшей К. преодолеть смущение, наглядно и полно показать и рассказать о случившемся с ней².

Предварительная беседа психолога с ребенком и тщательное изучение заключения специалиста помогли в данном случае следователю в процессе производства допроса определиться с тактическими приемами, преодолеть непреднамеренное пассивное противодействие (замкнутость и отказ от коммуникации) потерпевшей малолетней, сократить время допроса, избежать повторной психотравмы, получить полную, достоверную информацию.

По другому уголовному делу потерпевшая от изнасилования Л., не достигшая четырнадцатилетнего возраста, в первоначальной беседе со следователем покрывала отца и рассказывала, что насилие над ней совершал несуществующий друг. После установления следователем психологического контакта, заинтересованного слушания, постановки четких вопросов, понятных потерпевшей, применения приема оживления ассоциативных связей (напоминание о праздновании дня рождения, поездке с семьей на реку и т. д.) – комплекса тактических приемов, которые были выбраны следователем в результате изучения заключения специалиста-психолога и его рекомендаций,

² Приговор Псковского областного суда от 21 января 2018 г. по уголовному делу № 22-36/2018 по обвинению К. по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ // Псковский областной суд : сайт. URL: https://oblsud--psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 24.02.2023).

потерпевшая дала достоверные показания против реального преступника, своего отца¹.

Заключение психолога, сформированное по итогам беседы с потерпевшим на первоначальном этапе расследования, имеет значение и для назначения комфортного для ребенка специалиста-психолога, участвующего в следственных действиях.

Так, при расследовании уголовного дела, возбужденного по факту изнасилования шестнадцатилетней С., в качестве специалиста психологического сопровождения производства допроса был приглашен психолог из школы, в которой обучалась потерпевшая. Однако если до этого момента (на подготовительном этапе допроса) потерпевшая охотно сотрудничала со следствием, то в присутствии знакомого по образовательному учреждению педагога-психолога на допросе замкнулась в себе и замолчала, какие-либо показания давать отказалась. Следователь прекратил следственное действие и заменил специалиста-психолога другим (незнакомым подростку) — сотрудником реабилитационного центра. Тогда потерпевшая успокоилась и рассказала, что она боится своего школьного психолога, поскольку тот предвзято к ней относится, и вообще у них не сложились отношения, а также она боится огласки в школе произошедших с ней событий².

В данном случае проведение психологом предварительной беседы с потерпевшей и использование ее результатов, а именно данных об особенностях окружения девочки, анализа ее отношений в школе и дома могли бы предупредить возникновение конфликтной ситуации на начальном этапе расследования, нивелировать ее последствия в ходе производства следственных действий.

¹ Приговор Майкопского районного суда Республики Адыгея от 23 мая 2018 г. по уголовному делу по обвинению Е. по п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ // Майкопский районный суд Республики Адыгея : сайт. URL: http://maikopskyr.adg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=503 (дата обращения: 24.02.2023).

² Приговор Псковского областного суда от 17 октября 2017 г. по уголовному делу № 22К-972/2017 по обвинению М. по п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ // Псковский областной суд : сайт. URL: https://oblsud--psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 24.02.2023).

Проведенное исследование позволило сделать вывод о необходимости обязательного предварительного психологического изучения состояния, личностных и возрастных особенностей потерпевшего несовершеннолетнего, его взаимоотношений в семье и в социуме (школе, детском саду и т. д.). Заключение специалиста-психолога может быть использовано следователем не только на первоначальном этапе, но и на всех последующих этапах расследования преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Акцентируем внимание на том, что использование заключения специалиста-психолога в работе на всех этапах расследования преступления позволит следователю решить следующие задачи:

- снизить риск нанесения повторной психотравмы потерпевшему несовершеннолетнему;

- определить тактику ведения допроса и иных следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего;

- сформировать комплекс вопросов для назначения психолого-психиатрической экспертизы потерпевшего несовершеннолетнего;

- выбрать оптимальные тактические приемы нивелирования негативных факторов следственных действий;

- определить необходимость или отсутствие необходимости замены законного представителя;

- предупредить или стабилизировать конфликтные ситуации на разных этапах расследования преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Считаем, что в перспективе, в рамках расширения процессуальной компетенции специалиста-психолога, важным является вопрос уточнения его статуса на законодательном уровне. Соответственно, назрела необходимость внести в УПК РФ отдельную главу — 27.1 «Использование специальных знаний. Заключение специалиста-психолога», регламентирующую, в частности, порядок получения и оформления заключения специалиста-психолога, а также проведения его допроса.

В завершение подчеркнем существенную прикладную значимость инициирования участия специалиста-психолога на всех этапах расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных в семье.

Использование в расследовании преступления рассматриваемой категории заклю-

чения психолога и учет его рекомендаций позволяет повысить эффективность расследования, так как содействует применению наиболее оптимальных тактических приемов при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего, предотвращает нанесение ребенку-жертве повторной психотравмы.

Список источников

1. Демкина М. С. Педагог (психолог) как участник уголовного судопроизводства: досудебный этап : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность : дис. ... канд. юрид. наук / Демкина Мария Сергеевна. Самара, 2018. 158 с.
2. Григорян Г. С., Елагина Е. В. Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних // Криминалистика. 2010. № 2 (7). С. 66–70.
3. Петровская М. С. Роль педагога и психолога при производстве следственных действий по делам с участием несовершеннолетних и пути ее активизации // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 255–261.
4. Зинин А. М. Особенности регламентации использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 6. С. 751–756.
5. Кудрявцева А. В. Возможности использования в доказывании по уголовным делам заключения специалиста и заключения эксперта // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного юриста Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Юрия Кузьмича Орлова (г. Москва, 19–20 января 2017 г.) / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва : Проспект, 2017. 224 с.
- Антонов О. Ю. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 149–157.

Библиографический список

1. Балтыкова, З. А. Тактика допроса малолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии : монография / З. А. Балтыкова, С. В. Лаврухина. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 157 с.
2. Миронова, Г. А. Психолог как участник следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим / Г. А. Миронова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — Т. 18, № 2. — С. 223–232.
3. Михайлова, Ю. А. Психологическое сопровождение расследования преступлений с участием несовершеннолетних в Следственном комитете Российской Федерации / Ю. А. Михайлова // Психология и право : электрон. журнал. — 2016. — № 4 (6). — С. 96–98.
4. Николук, В. В. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего / В. В. Николук, В. А. Виноградова, В. А. Антонов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 3 (82). — С. 39–52.

Информация об авторе

Н. Ю. Костицын – аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

N. Yu. Kostitsyn – Postgraduate Student at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.3/.7

К ВОПРОСУ РАСШИРЕНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА
И ПРЕДМЕТА КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА (СТ. 204 УК РФ)

Александр Викторович КУЛИКОВ¹, Ольга Алексеевна ШЕЛЕГ²

¹ Институт управления и территориального развития Балтийского федерального университета имени И. Канта, Калининград, Россия, bmw0052@rambler.ru

² Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, lili405@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается разделение уголовно-правовых составов получение коммерческого подкупа и дача коммерческого подкупа. Исследование обращено к проблеме расширения предмета коммерческого подкупа в условиях цифровизации экономической деятельности. Обоснована необходимость включения в предмет коммерческого подкупа цифровых прав как иного имущества и денежного эквивалента в виде криптовалюты, а также расширения субъектного состава этого преступления категорией внешних конкурсных (арбитражных) управляющих, наделяемых временно управленческими функциями в коммерческой и иной организации.

Ключевые слова: состав преступления, коммерческий подкуп, управленческие функции, цифровые права, криптовалюта, внешние конкурсные (арбитражные) управляющие

Для цитирования: Куликов А. В., Шелег О. А. К вопросу расширения субъектного состава и предмета коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ) // Криминалисту. 2024. № 1 (46). С. 56 – 62.

Original article

THE ISSUE OF EXPANDING THE CATEGORY OF SUBJECTS
AND TARGETS IN THE CRIME OF COMMERCIAL BRIBERY
(ARTICLE 204 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Alexander V. KULIKOV¹, Olga A. SHELEG²

¹ Institute of Management and Territorial Development of the I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, bmw0052@rambler.ru

² Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia, lili405@mail.ru

Abstract. The article proposes a division of the corpus delicti elements in the criminal offence of commercial bribery into: commercial bribe-taking and giving commercial bribe. The research addresses the problem of expanding the target of commercial bribery in the conditions of digitalization of economic activity. The reasons are given for including the concept of digital rights as another property and monetary equivalent in the form of crypto currency into the notion of target in commercial bribery. The necessity is substantiated for expanding the subjects of this crime by including external (arbitration) managers, bankruptcy trustees who are temporarily vested with managerial functions in a commercial and another organization into this category.

© Куликов А. В., Шелег О. А., 2024

Keywords: corpus delicti, commercial bribery, management functions, digital rights, crypto currency, external (arbitration) managers

For citation: Kulikov A. V., Sheleg O. A. The issue of expanding the category of subjects and targets in the crime of commercial bribery (Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminalist*. 2024;1(46):56-62. (In Russ.).

Приоритетным направлением государственной политики на современном этапе остается противодействие коррупции, одной из основных форм которой выступает коммерческий подкуп (ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ). По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, по ст. 204 УК РФ было осуждено в 2017 году 187 чел., в 2018 году – 151 чел., в 2019 году – 185 чел., в 2020 году – 163 чел., в 2021 году – 231 чел.¹ Приведенные данные свидетельствуют о постепенном росте количества осужденных за коммерческий подкуп, но эти цифры по Российской Федерации являются ничтожными с учетом распространенности этого опасного вида коррупции.

Такая ситуация, безусловно, негативно сказывается на общественных процессах, снижается авторитет государственной власти, растет недоверие общества к лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческих организациях. При этом коммерческий подкуп характеризуется высокой степенью латентности, сложностью его уголовно-правовой оценки.

Статья 204 УК РФ о коммерческом подкупе содержит два состава преступления. Речь идет, во-первых, о получении предмета подкупа, во-вторых – о его передаче. Имеет место ситуация, аналогичная ответственности за взяточничество. Уголовная ответственность установлена не только за факт получения предмета подкупа, но и за осуществление подкупа. Включение в одну статью УК РФ двух составов, которые противоположны друг другу, представляется нелогичным. Видится оправданным закрепление ответственности за получение предмета подкупа в одной статье, а за передачу предмета

подкупа – в другой. Полагаем, что в ст. 204 УК РФ следует предусмотреть ответственность исключительно за получение предмета коммерческого подкупа. Соответственно, положения, касающиеся ответственности за передачу предмета коммерческого подкупа, составят содержание ст. 204.3 УК РФ.

Необходимость такого разграничения обусловлена несколькими причинами. Во-первых, уголовный закон должен быть выстроен логично и единообразно. Наиболее близким по составу и правовой сущности преступлением к коммерческому подкупу является взяточничество. Законодатель выделил отдельно ответственность для взяткополучателя и взяткодателя. Было бы вполне логичным пойти таким же путем при установлении ответственности за коммерческий подкуп. Во-вторых, закрепление ответственности в двух статьях, в зависимости от субъекта преступления, обусловлено, как представляется, принципиальным различием субъектов, которые обладают различными признаками.

Рассматривая перечисленные законодателем в диспозиции ст. 204 УК РФ предметы подкупа, можно отметить их довольно широкий перечень. Однако, как нам видится, действительность требует его уточнения. В статье 204 УК РФ не указано, какие именно деньги могут выступать предметом коммерческого подкупа. Имеются в виду только денежные знаки Российской Федерации или и иностранные денежные знаки? В диспозиции нормы не указывается на возможность отнесения электронных денег к предмету подкупа, хотя таковыми они являются.

Судебная практика свидетельствует, что фактической передачи предмета коммерческого подкупа в виде денежных средств может и не быть. Довольно часто предмет подкупа передается путем осуществления денежного перевода посредством приложе-

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

ния интернет-банкинг. Так, Г. был осужден за коммерческий подкуп, поскольку незаконно получил от ФИО за совершение действий в его интересах денежные средства в сумме 1 795 000 рублей. Денежные средства поступили на карту виновного с карты, принадлежащей ФИО¹. То есть для квалификации преступного деяния форма передачи предмета коммерческого подкупа не имеет значения.

Гражданское законодательство постепенно расширяет перечень объектов гражданских прав. Например, в качестве объекта гражданских прав закреплены цифровые права (п. 1 ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)). Такое дополнение (изменение) предполагает, что теоретически цифровые права могут также выступать предметом подкупа, в том числе путем передачи лицу, выполняющему управленческие функции. На цифровые права есть ссылка в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24), в котором говорится: «В тех случаях, когда предметом взятки являются имущественные права, у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав и др.»².

Также не раскрывается в диспозиции анализируемой статьи возможность неза-

конной передачи криптовалюты как предмета коммерческого подкупа, хотя в гражданско-правовых отношениях такой предмет уже существует.

Так, Девятый арбитражный апелляционный суд постановлением от 15 мая 2018 года отменил обжалуемое определение суда первой инстанции и вынес новый судебный акт об удовлетворении требований финансового управляющего. Суд обязал должника передать финансовому управляющему доступ к криптокошельку (передать пароль) для пополнения конкурсной массы. В постановлении суд апелляционной инстанции со ссылкой на ст. 18 («Содержание правоспособности граждан») и ст. 128 («Объекты гражданских прав») ГК РФ указал, что «в силу диспозитивности норм гражданского права в ГК РФ отсутствует закрытый перечень объектов гражданского права. Поскольку действующее гражданское законодательство не содержит понятия „иное имущество“, упомянутого в ст. 128 ГК РФ, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование»³. Фактически криптовалюта с точки зрения классификации объектов гражданских прав была отнесена к «иному имуществу».

В качестве предмета коммерческого подкупа могут выступать услуги имущественного характера. В данном случае точнее говорить об отсутствии оплаты таких услуг либо о их формальной оплате без учета затрат и реально существующих цен на рынке таких услуг. К слову, специалисты ведут дискуссию о возможности признания в качестве предмета взятки «секс-услуг» [1]. Применительно к коммерческому подкупу можно рассматривать в качестве предмета подкупа оказание такого рода услуг, хотя законодатель таковые не указал в диспозиции нормы. Судебная практика не содержит примеров

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2022 г. № 77-3245/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 : текст с изм. и доп. на 24 дек. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Криптовалюта — объект гражданских прав // АГ. Адвокатская газета : сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kriptovalyuta-obekt-grazhdanskikh-prav/#:~:text=128> (дата обращения: 07.05.2023).

подкупа посредством предоставления такого вида услуг.

При квалификации по ст. 204 УК РФ важно, что рассматриваемый состав по аналогии с получением взятки сконструирован как формальный, т. е. не имеет значения, могло ли лицо воспользоваться предметом подкупа. При этом не подлежит уголовно-правовой оценке, вся ли оговоренная сумма была передана лицу, исполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации. Передача части суммы подкупа уже свидетельствует о наличии оконченного преступления (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24).

Например, В. А. признан виновным в коммерческом подкупе. Между В. А. и ФИО имела договоренность о передаче в качестве подкупа 25 млн рублей, однако была получена только часть обозначенной суммы, 1,1 млн рублей. Действия виновного были квалифицированы как оконченное преступление. При вынесении приговора прокурор требовал назначить наказание исходя из доказанной суммы обещанного подкупа¹.

Проблему сегодня вызывает уголовно-правовая оценка действий виновного лица, предполагающих передачу предмета подкупа за заведомо незаконные действия (бездействие) (п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ). Безусловно, такие действия обладают повышенной общественной опасностью, поскольку представляют потенциальную угрозу для организации. Обязательным признаком при квалификации по п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ выступает «заведомость», т. е. виновный должен осознавать, что действия (бездействие) являются незаконными.

Например, Д. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ. В суде было установлено, что Д. обратился к начальнику группы безопасности ООО «АгроТорг» ФИО18 о допуске к работе не имеющих патента ФИО18 и ФИО19. В соответствии с законодательством осуществлять трудовую деятельность

¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 октября 2020 г. № 77-2118/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

иностранцы граждане могут только при наличии патента. Таким образом, виновный предлагал подкуп за осуществление ФИО8 заведомо незаконных действий. При попытке передать деньги Д. был задержан².

На практике специалисты отмечают сложность вменения обозначенного признака [2]. Это обусловлено тем, что в некоторых случаях суды ошибочно оценивают действия, которые должно совершить лицо, выполняющее управленческие функции, как незаконные³.

Еще одним проблемным вопросом является квалификация получения предмета подкупа в результате вымогательства (п. «б» ч. 7 ст. 204 УК РФ). Понятие признака вымогательства закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 (пп.18, 19). В данном случае законодатель выделил этот признак особо, поскольку виновный не только получает предмет подкупа, что является посягательством на интересы коммерческой организации, но и вымогает его, выполняя определенные действия по отношению к лицу, передающему предмет подкупа (тому, кто должен передать такой предмет подкупа). Фактически лицо посягает и на интересы этого лица, попадающего в сложную ситуацию: вынужден передать предмет подкупа для устранения негативных последствий в отношении его законных интересов [3].

Так, С. предъявил П. необходимое условие — передача 15 тыс. рублей за сохранение за ним права собственности на транспортное средство. Как было установлено, в собственности П. находился автомобиль, который был выставлен на торги. Учитывая, что автомобиль выставлялся по цене существенно ниже, чем рыночная стоимость, был высок риск утраты П. права собственности на транспортное средство. Такое требование свиде-

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2022 г. по делу № 77-708/2022 (77-6102/2021). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 октября 2020 г. № 77-2649/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельствует о недобровольном характере действий П. по передаче С. предмета подкупа¹.

При этом правоприменитель не должен устанавливать, насколько объективно виновный вымогатель мог выполнить угрозу, высказанную передающему. Сам факт озвучивания такой ситуации уже будет составлять преступное деяние. Безусловно, для квалификации по такому признаку необходимо доказать факт вымогательства. При отсутствии доказательств говорить о наличии в содеянном данного квалифицирующего признака уже не приходится. На практике имеют место так называемые «откаты», когда при участии в публичных торгах выигравшая тендер сторона переводит определенную сумму денег организатору торгов [4].

Согласно уголовному закону, совершение преступления, предусмотренного чч. 5–8 ст. 204 УК РФ, возможно только лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Законодатель привел в примечании 1 к ст. 201 УК РФ пояснения: «Лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации...».

Указанные функции предполагают совершение действий, которые однозначно влекут для организации или отдельных лиц правовые последствия. Не может выступать в качестве субъекта преступления лицо, которое осуществляет исполнение полномочий, переданных ему на основании договора комиссии, поручения или агентского договора. Это связано с тем, что в таких случаях лицо не может наделяться управленческими функциями в организации. Вопросы возникают о признании таковым лица, осуществ-

ляющего временно полномочия внешнего конкурсного (арбитражного) управляющего в деле о банкротстве коммерческой или иной организации.

Так, Гагаринский районный суд города Москвы вынес в отношении Г. обвинительный приговор по делу № 1-428/2019. Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «в», «г» ч. 7 ст. 204 УК РФ. Установлено, что Г. 24 января 2017 года вступил в преступный сговор с лицом, являющимся одновременно фактическим владельцем и общества «Восток», и компании «СКБМ», получал от общества «Восток» денежные средства за незаконное бездействие при осуществлении полномочий временного, а затем и конкурсного управляющего обществом «Восток», а именно за невключение в заключение управляющего вывода о наличии оснований для оспаривания сделок, в том числе договора о залоге от 3 апреля 2015 года, за отказ от оспаривания данной сделки. Вознаграждение за незаконное бездействие выплачивалось Г. за счет денежных средств, находящихся на счетах компании «СКБМ».

Вступившим в законную силу постановлением Десятого арбитражного апелляционного суда по настоящему делу от 30 августа 2021 года установлено, что общество «Восток» являлось фактически недееспособным юридическим лицом, обладало признаками фирмы-однодневки, не имело ни намерения, ни возможности приобрести спорное оборудование. Указанное юридическое лицо не являлось стороной сделки и было привлечено лишь для вида, с целью прикрыть реальные намерения сторон. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что соглашение о новации вексельного обязательства от 3 апреля 2015 года, соглашение об удовлетворении требований залогодержателя от 1 июля 2015 года, соглашение об отступном от 28 августа 2015 года являются притворными сделками, прикрываемыми собой одну сделку, по которой право собственности на имущество безвозмездно перешло напрямую от общества «Восток» к компании «СКБМ». Прикрываемая сделка признана недействительной на основании

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2021 г. по делу № 77-392/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». При этом в качестве последствий ее недействительности с компании «СКБМ» в пользу общества «Восток» взыскана стоимость имущества, так как компания «СКБМ» произвела дальнейшее его отчуждение, в связи с чем возврат в натуре стал невозможен.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС16-16302(5) по делу № А41-54740/2014 вынесено решение о взыскании убытков, поскольку установлено, что бездействие арбитражного управляющего не позволило вернуть в конкурсную массу должника имущество, переданное компании¹. Высшая судебная инстанция фактически подтвердила обоснованность вынесения в отношении Г. как конкурсного управляющего обвинительного приговора.

В судебной практике в качестве субъекта данного преступления признавались: инженер эксплуатационного отдела радиотехнического центра в/ч 84680², генеральный директор³, арбитражный управляющий⁴, специалист по логистике и руководитель отдела логистики⁵, заместитель директора⁶, менеджер по качеству персонала⁷ и др.

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2022 г. № 305-ЭС16-16302(5). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31 мая 2022 г. № 77-2417/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Приговор Басманного районного суда города Москвы от 6 июля 2017 г. по делу № 1-259/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Президиума Ростовского областного суда от 7 декабря 2017 г. № 44У-265/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Апелляционное постановление Кировского областного суда от 5 декабря 2019 г. по делу № 22-2338/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 26 сентября 2016 г. по делу № 10-13399/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Московского городского суда от 2 октября 2018 г. № 4у-4464/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Принципиально важно для квалификации, что совершение коммерческого подкупа должно быть исключительно в течение того времени, в которое лицо выполняло управленческие функции. Судебная практика свидетельствует, что таковым субъектом может признаваться любой управленец (специалист) коммерческой организации, который наделен приказом руководителя правом временно исполнять управленческие функции, а также им может признаваться привлеченное стороннее лицо, назначенное конкурсным (арбитражным) управляющим в деле о банкротстве организации.

Таким образом, мы обоснованно приходим к следующим выводам:

необходимо предусмотреть в ст. 204 УК РФ ответственность исключительно за получение предмета коммерческого подкупа, а ответственность за дачу предмета подкупа закрепить в новой ст. 204.3 УК РФ (аналогично получению взятки (ст. 290 УК РФ) и даче взятки (ст. 291 УК РФ)). Нормы, которые предусмотрены для ответственности за дачу коммерческого подкупа, составят содержание ст. 204.3 УК РФ;

в условиях цифровизации экономических отношений перечень предметов коммерческого подкупа необходимо расширить, в диспозиции ст. 204 УК РФ после слова «денег» указать «в том числе криптовалюты и электронных денег», после слов «имущественных прав» указать «в том числе цифровых прав»;

дополнить примечание 1 к ст. 201 УК РФ, где дано понятие лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, после слов «в этих организациях» словами «а также лиц, осуществляющих временно полномочия внешних конкурсных (арбитражных) управляющих в случаях процедуры банкротства таких организаций».

Список источников

1. Качалов В. В. Сексуальные услуги как предмет взятки // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 4-2. С. 118 – 124.
2. Шимшилова Э. С. Преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих организациях: квалифицированные виды // Современный юрист. 2018. № 4. С. 143 – 149.
3. Долотов Р. О. Вымогательство «отката» в коммерческой организации: проблемы квалификации // Уголовное право. 2017. № 5. С. 43 – 49.
4. Борков В. Н. Квалификация получения незаконного вознаграждения за приемку товаров, работ или услуг при исполнении контракта // Законность. 2020. № 9. С. 39 – 43.

Информация об авторах

А. В. Куликов – профессор Института управления и территориального развития Балтийского федерального университета имени И. Канта, доктор юридических наук, профессор;

О. А. Шелег – доцент кафедры криминологии Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Kulikov – Professor at the Institute of Management and Territorial Development of the I. Kant Baltic Federal University, Doctor of Science (Law), Professor;

O. A. Sheleg – Associate Professor at the Department of criminology of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 34

О ВЛИЯНИИ ОСНОВАНИЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НА РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Глеб Павлович ПАНФИЛОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
panfilovgleb@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние проблемы разграничения преступлений и гражданских правонарушений, а также исторические причины, которые привели к ее возникновению. Автором обосновывается, что данная проблема может быть решена не с помощью механического перенесения юридических конструкций из одной отрасли права в другую, а путем анализа целей, ради достижения которых законодатель допускает применение мер гражданско-правовой ответственности и признает отдельные деяния преступными. Приведены критерии разграничения преступлений и гражданских правонарушений применительно к отдельным основаниям криминализации.

Ключевые слова: преступление, гражданское правонарушение, разграничение правовых институтов, основания криминализации, восстановительная функция права, дифференциация юридической ответственности

Для цитирования: Панфилов Г. П. О влиянии оснований криминализации на разграничение преступления и гражданского правонарушения // Криминалистъ. 2024. № 1 (46). С. 63 – 68.

Original article

THE INFLUENCE OF THE GROUNDS FOR CRIMINALIZATION ON THE DISTINCTION BETWEEN CRIME AND CIVIL WRONGDOING

Gleb P. PANFILOV

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, panfilovgleb@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the current state of the problem of differentiation of crimes and civil wrongdoings as well as the historical reasons that led to its emergence. The author argues that this problem cannot be solved by mechanical transfer of legal constructions from one branch of law to another, but rather by analyzing the objectives the achievement of which in the minds of the legislators requires application of civil liability measures, certain acts being recognized as criminal. The criteria are presented for distinguishing between crimes and civil offences as applied to certain grounds for criminalization.

Keywords: criminal offence, civil wrongdoing, delimitation of legal institutions, grounds for criminalization, restorative function of law, differentiation of legal liability

For citation: Panfilov G. P. The influence of the grounds for criminalization on the distinction between crime and civil wrongdoing. Criminalist. 2024;1(46):63-68. (In Russ.).

Несмотря на то что границы между гражданским и уголовным правом достаточно четко проведены на основании различий в предмете и методе правового регулиро-

---

© Панфилов Г. П., 2024

вания [1, с. 163–164], а основные межотраслевые коллизии успешно разрешаются с помощью нескольких базовых принципов, не вызывающих серьезных споров в научной литературе¹, проблема разграничения отдельных цивилистических и криминалистических институтов не утратила своей остроты до настоящего времени. Наиболее яркое проявление она находит в вопросе квалификации конкретного деяния как гражданского правонарушения или преступления.

Сущностно вопрос о том, чем именно данные правовые явления различаются между собой, не может быть признан решенным ни в отечественной [2, с. 43–73], ни в иностранной доктрине [3, р. 69]. Представляется, что постигшие исследователей неудачи проистекают из трех причин.

Во-первых, цивилистическая и криминалистическая науки развивались неравномерно, и представители одной из них во многом и зачастую некритически опирались на достижения другой. Так, вплоть до начала XIX века развитие науки гражданского права существенно опережало доктринальную разработку основных институтов уголовного права², однако, в свою очередь, уже представления о составе гражданского правонарушения оказались сформированы под сильным влиянием криминалистической литературы [7]³.

¹ Например, признание приоритета гражданского законодательства при оценке конкретного юридического факта [4; 5, с. 235], отнесение к деликтам тех деяний, которые не содержат криминообразующих признаков [5, с. 219–220].

² Данный вывод может быть подкреплён утверждением британского юриста Николы Лейси. По ее мнению, «несмотря на заслуженное уважение, которое современные специалисты в области уголовного права проявляют к авторам великих исследований семнадцатого и восемнадцатого веков, неоспоримым фактом является то, что уголовное право в Англии было формализовано и превратилось в сферу профессиональной деятельности значительно позже и в куда меньшей степени, чем большая часть гражданского права» [6, р. 111].

³ На внешнее единство терминологии о вине, используемой в гражданском и уголовном праве, а равно на заимствование отдельных концепций первым из последнего также обращалось внимание и в англоязычной юридической литературе [10, р. 83; 11, р. 778].

Во-вторых, первоначально существенно проигрывая в разработке конкретных правовых институтов, уголовное право значительно превосходило цивилистическую науку в уровне философского осмысления своих проблем. Указанная тенденция сохраняется и в настоящее время, что, к примеру, позволяет современным западным исследователям определять уровень философского осмысления проблем внедоговорной гражданско-правовой ответственности как «младенческий» [8, р. 21].

В-третьих, недостаточная проработка соотношения институтов гражданского и уголовного права обусловлена пограничным, междисциплинарным характером данного вопроса. Так, по мнению А. Э. Жалинского, проблема соотношения гражданского и уголовного права «сейчас лишь кратко и в самом общем виде рассматривается в уголовно-правовой и игнорируется в гражданско-правовой литературе. Она чаще неструктурированно затрагивается в публицистических выступлениях, иногда — в методических пособиях и вынужденно обсуждается при принятии решений о квалификации деяний, подготовке очередных проектов изменения действующего УК РФ» [4]. Несмотря на, возможно, излишнюю категоричность данного высказывания, оно с достаточной точностью характеризует сложившуюся в науке ситуацию. При этом похожие суждения высказываются и цивилистами, которые обращают внимание на существующую, с их точки зрения, «запущенность» уголовно-правового регулирования в сфере преступлений против собственности [9, с. 118].

Недооценка указанных выше обстоятельств приводит к созданию ошибочных теоретических концепций. Так, по мнению В. В. Александровой, гражданские правонарушения и преступления связаны между собой через понятие объекта воздействия — конкретное частноправовое отношение, влияние на которое одновременно приводит к причинению вреда отношению публично-правовому [2, с. 92, 110, 112–115]. В основу данного рассуждения его автором положена идея о допустимости отождествления объекта преступления и объекта гражданско-правового отношения.

данского правонарушения в связи с тем, что цивилистическая доктрина в своем развитии «повторяет путь, проделанный ранее теорией уголовного права» [2, с. 107].

Представляется, что изложенная позиция скорее подразумевает наличие взаимосвязи между преступлением и гражданским правонарушением, но не объясняет ее. Кроме того, в условиях, когда некоторые ключевые для цивилистики идеи (например, деление договоров на реальные и консенсуальные) в принципе оказываются неприменимы в области уголовного права [12, с. 141–142], сомнения вызывает сама допустимость механического переноса отдельных юридических конструкций из одной из рассматриваемых наук в другую.

В совокупности изложенные причины предопределяют необходимость в более отвлеченном взгляде на проблему соотношения преступления и гражданского правонарушения, чем это принято в отраслевых юридических исследованиях.

Если восстановительный характер гражданско-правовой ответственности за совершение правонарушения не вызывает серьезных споров в доктрине [13, с. 103, 819–820], то причины, по которым конкретное деяние признается преступным, до сих пор являются предметом дискуссий в уголовно-правовой литературе.

Поиск ответа на указанный вопрос в науке воплотился в проблеме оснований криминализации конкретных актов человеческого поведения [14, с. 5, 9], из которых наибольшее значение имеет общественная опасность деяния [15, с. 102].

Между тем было бы ошибкой считать такое «терминологическое» решение научного спора достаточным¹, поскольку правовая и материальная оценка общественной опасно-

¹ Представляется, что лучшей иллюстрацией данного тезиса являются научные работы, авторы которых стремятся к выделению отвлеченных теоретических признаков общественной опасности [22, с. 123–129], применение которых на практике для разграничения преступления и гражданского правонарушения в принципе оказывается весьма затруднительным [2, с. 86–87]. Подобные случаи отождествления понятия о предмете с ним самим, что приводит к преувеличению его соответствия действительности,

сти как основания криминализации деяния сопряжена со значительными сложностями [16, с. 84]. К их числу могут быть отнесены:

историческая изменчивость представлений о круге деяний, которые должны быть запрещены уголовным законом [17, с. 284–285; 18, с. 49–50; 14, с. 126, 128–130; 6, р. 92–94], при одновременном существовании ряда неизменных преступлений [19, с. 443; 1, с. 239];

субъективизм и в некоторых случаях импульсивность поведения законодателя, который принимает решения об установлении уголовно-правовых запретов на основании поводов, но не причин криминализации [18, с. 46; 20, с. 38–41; 15, с. 101–102];

дискуссионность содержания понятия общественной опасности [21, с. 21], а также сложность его применения к конкретным жизненным ситуациям².

Изложенное предопределяет два имеющих существенное значение для настоящего исследования следствия.

Во-первых, число причин, по которым то или иное деяние может быть отнесено к преступным, достаточно велико, и законодатель может учитывать любую из них в момент принятия решения о его криминализации.

Во-вторых, наукой уголовного права не был выработан единый критерий, применение которого позволило бы признать криминализацию деяния конкретного вида необходимой. Например, автор одного из наиболее крупных исследований проблем криминализации американский философ права Джоэл Фейнберг перечисляет десять основных подходов к признанию деяния преступным, большинство из них прямо противоречат друг другу [24, р. 19–20].

С учетом обозначенных ограничений выделение некоего общего критерия разграничения преступления и гражданского правонарушения вряд ли является возможным. Напротив, эффективное решение данной

получили в науке название «реификации», или «овеществления» [14, с. 136–137].

² Неслучайным в связи с существованием указанной особенности представляется встречающееся в криминалистической литературе утверждение о том, что обвинение должно доказывать в том числе общественную опасность каждого конкретного противоправного деяния [23, с. 227, 231–232].

проблемы может быть обеспечено лишь на основании предположения о том, что каждое основание криминализации деяния определяет свой критерий, по которому оно может быть отграничено от гражданского правонарушения.

Не претендуя на полноту изложения, продемонстрируем приведенный тезис на примере нескольких наиболее типичных оснований криминализации, выработанных юридической наукой.

(1) Традиционным аргументом для признания деяния преступлением является крайняя степень его аморальности, фактически ставящая под удар базовые ценности общества¹. В настоящее время значение данного критерия во многом подорвано фундаментальным исследованием британского философа права Г. Харта [25, с. 7–109], тем не менее праву известен ряд случаев, которые не могут быть объяснены без его использования. В частности, в научной литературе приводится пример того, что факт наступления уголовной ответственности за инцест в иностранных правовых системах не зависит от того, что правонарушителями применяются средства контрацепции, исключающие возможность наступления неблагоприятных социальных последствий [26, с. 127].

Применительно к российскому уголовному законодательству к рассматриваемой группе могут быть отнесены, например, повреждение воинских захоронений (ст. 243.4 УК РФ), надругательство над телами умерших (ст. 244 УК РФ), жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ).

Указанному пониманию преступности деяния соответствует такой критерий его разграничения с гражданским правонарушением, как степень недобросовестности, выход за рамки которой должен «влечь за собой реальную административную или уголовную ответственность» [28]. Метод определения недобросовестности должен основываться на установлении степени отклонения

¹ См., напр., следующее емкое описание американского исследователя Дж. Холла: «Именно безнравственность правонарушения, связанная с понятием общественных нравов, придает ему социальное значение. Только она, а не число убитых или объем поврежденного имущества, делает его вредоносным для общества» [27, р. 972].

поведения лица от принятых объективных требований, поскольку негативного стандарта отклонения от нормы поведения не может существовать [27, р. 980].

(2) Не менее часто признаком преступного деяния признается степень присущей ему вредоносности, которая проявляется в посягательстве на наиболее значимые для существования общества объекты и социальные связи. Таковы, например, убийства, преступления против половой свободы и терроризм. Деяния данной группы всегда будут признаваться преступными.

(3) В некоторых случаях уголовный запрет используется как средство предоставления гарантий определенного поведения лица в целях обеспечения общей безопасности.

Исторический пример подобного рода приводится знаменитым американским юристом О. Холмсом в его работе «Общее право» (1881). Так, в одном из проектов уголовного кодекса Индии предусматривалась уголовная ответственность за нарушение договора перевозки пассажиров. Необходимость ее установления была обусловлена тем, что носильщики паланкинов были почти нищими, а потому не могли возместить какой-либо имущественный ущерб и не боялись угрозы его возмещения. При этом зачастую они перевозили беззащитных женщин и детей через пустынные и дикие районы, что предопределяло необходимость отыскать способ заставить перевозчиков выполнять условия договора [29, р. 40–41].

К числу таких составов в российском уголовном праве относятся, например, оставление в опасности (ст. 125 УК РФ), нарушение правил безопасности при ведении работ (ст. 216 УК РФ), а также нормы, направленные на недопущение совершения противоправной сделки [30, с. 346]. Преступления указанной группы, как правило, не вызывают сложностей при их разграничении с гражданскими правонарушениями.

(4) Несомненно, преступными должны признаваться деяния, которые посягают на общественный интерес и не имеют частного потерпевшего (государственная измена (ст. 275 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ) и т. д.).

Как следствие, возможность устранения их последствий с помощью применения гражданско-правовых компенсационных механизмов отсутствует, что и выступает критерием разграничения преступления и гражданского правонарушения¹.

Естественно, решение о криминализации конкретного деяния может быть принято исходя одновременно из нескольких из

перечисленных выше оснований. Они могут не выделяться законодателем отдельно, а восприниматься им как часть целостной картины мира [14, с. 142]. Однако указанные особенности не исключают полезности выделения критериев разграничения преступлений и гражданских правонарушений с учетом конкретных оснований криминализации.

Список источников

1. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: итоги теоретического моделирования : монография / А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Н. А. Лопашенко [и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2021. 478, [1] с.
2. Александрова В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Александрова Виктория Викторовна. Москва, 2018. 259 с.
3. Corlett J. Angelo Responsibility and Punishment. Springer, 2013. 266 p.
4. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ. Москва : Проспект, 2009. 400 с.
5. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». Москва : Городец, 2007. 336 с.
6. Lacey N. Implications for Legal Theory and Legal Scholarship. Oxford : Oxford University Press, 2016. 205 p.
7. Фогельсон Ю. Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции (владение, недвижимость, убытки) // Закон. 2019. № 9. С. 160–173.
8. Postema J. M. Introduction : Search for an Explanatory Theory of Torts // Philosophy and the Law of Torts. Cambridge University Press, 2001. P. 1–21.
9. Лавров Д. Г. Мошенничество глазами цивилиста : монография. Москва : Проспект, 2020. 168 с.
10. Beever A. A Theory of Tort Liability. Hart Publishing, 2016. 272 p.
11. Hall J. Interrelations of Criminal Law and Torts: I // Columbia Law Review. 1943. VOL. XVIII. № 6. P. 753–779.
12. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. Монография. В 2 ч. Ч. 1. Москва : Юрлитинформ, 2015. 336 с. (Уголовное право).
13. Иоффе О. С. Обязательственное право. Москва : Юрид. лит., 1975. 880 с.
14. Основания уголовно-правового запрета : Криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. Н. Яковлев. Москва : Наука, 1982. 303 с. (Право и социология).
15. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. Москва : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
16. Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 81–91.

¹ См., напр., следующую формулировку данного принципа применительно к обязательствам из причинения вреда в работе дореволюционного цивилиста И. М. Тютрюмова: «Конечно, как уголовный, так и гражданский иск имеют общим источником своим один и тот же факт преступления, но вместе с тем оба иска резко между собою различаются: в то время как уголовный иск, направленный к осуществлению высших задач правосудия и имеющий целью охранение интересов публичного порядка, предметом своим имеет применение установленного в законе наказания, гражданский иск, направленный на возмещение имущественного ущерба, причиненного преступлением, в основании своем имеет имущественный, чисто личный интерес» [31, с. 65–66]. Разный характер восстановительной функции в уголовном и гражданском праве признается и в современной уголовно-правовой литературе [30, с. 351–353].

17. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. 315 с.
18. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. Москва : Юрлитинформ, 2012. 152 с. (Уголовное право).
19. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность // Избранные труды. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003.
20. Капинус О. С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 37–46.
21. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 136 с.
22. Агафонова М. А. Основание криминализации деяний // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2015. № 5. С. 123–129.
23. Жалинский А. Э. Общественная опасность преступления в структуре уголовно-правовой оценки деяния // Избранные труды. В 4 т. Т. 2. Уголовное право. Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. С. 227–237.
24. Feinberg J. The Moral Limits of the Criminal Law. Vol. 4, Harmless Wrongdoing to Others. New York : Oxford University Press, 1990. 380 p.
25. Харт Г. Л. А. Право, свобода и мораль. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. 136 с.
26. Моисеев С. «Право, свобода и мораль» Г. Л. А. Харта и современная философия права // Харт Г. Л. А. Право, свобода и мораль / пер. с англ. С. Моисеева. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 111–130.
27. Hall J. Interrelations of Criminal Law and Torts: II // Columbia Law Review. 1943. VOL. XVIII. № 7. P. 967–1001.
28. Яковлев В. Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России // Основные проблемы частного права : сб. ст. к юбилею д-ра юрид. наук, профессора А. Л. Маковского / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. Москва, 2010. 573, [1] с.
29. Holmes O. W. The Common Law. Boston : Little, Brown, 1881. 409 p.
30. Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Пикуров Николай Иванович. Волгоград, 1998. 410 с.
31. Тютрюмов И. М. Возмещение вреда и убытков от преступления // Журнал Министерства Юстиции. 1896. № 8. С. 61–76.

Информация об авторе

Г. П. Панфилов – преподаватель кафедры гражданского процесса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the author

G. P. Panfilov – Lecturer at the Department of civil procedure of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Научная статья
УДК 34

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ МЕТОДОВ
ИЛИ СУБСТАНЦИЙ В ОТНОШЕНИИ ЖИВОТНЫХ,
ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЯХ

Юлия Павловна ПОПОВА

*Тюменский государственный университет, Институт государства и права, Тюмень, Россия,
popova1976@yandex.ru*

Аннотация. Актуальность представленного исследования заключается в анализе положений российского законодательства, правоприменительной практики, статей в научных журналах на предмет установления ответственности за нарушение антидопингового законодательства в виде применения запрещенных методов или субстанций в отношении животных, используемых в спорте. Автор приходит к выводу об отсутствии норм в уголовном и административном законодательстве, предусматривающих такую ответственность. Предлагаются авторские редакции этих норм.

Ключевые слова: животное, антидопинговое законодательство, спорт, субъект ответственности, иной специалист в области физической культуры и спорта

Для цитирования: Попова Ю. П. Ответственность за применение запрещенных методов или субстанций в отношении животных, используемых в спортивных состязаниях // Криминалист. 2024. № 1 (46). С. 69–75.

Original article

RESPONSIBILITY FOR THE USE OF PROHIBITED METHODS
OR SUBSTANCES IN RELATION TO ANIMALS IN SPORT

Yuliya P. POPOVA

Tyumen State University, Institute of State and Law, Tyumen, Russia, popova1976@yandex.ru

Abstract. The relevance of the presented research lies in the analysis of the provisions of Russian legislation, law enforcement practice, articles in academic journals with a view to establishing responsibility for violation of anti-doping legislation in the form of the use of prohibited methods or substances against animals in sport. The author comes to the conclusion that there are no norms in criminal and administrative legislation providing for such responsibility. The author's editions of these norms are proposed.

Keywords: animal, anti-doping legislation, sport, subject of responsibility, another specialist in the field of physical culture and sports

For citation: Popova Yu. P. Responsibility for the use of prohibited methods or substances in relation to animals in sport. Criminalist. 2024;1(46):69-75. (In Russ.).

Примечателен тот факт, что впервые в мировой истории спорта допинг был применен не в отношении человека, а в отношении животного. Так, в 1903 году в США

© Попова Ю. П., 2024

его использовали тренеры и наездники в отношении лошадей¹. Е. Н. Рахманова и Н. Ю. Филатова, изучив практику, резюмировали, что виновные лица, несмотря на то что подобные действия в отношении животных в спорте распространены, привлекаются лишь к дисциплинарной ответственности [1]. Действительно, изучение законодательства Российской Федерации в сфере спорта и дел о привлечении к ответственности за употребление спортсменом допинга или применение его в отношении животных в России², как и во всем мире³, свидетельствует о наличии только спортивных санкций за нарушение антидопинговых правил.

Ответственность за нарушение запрета на применение допинга в отношении спортсмена и собаки предусмотрена Правилами вида спорта «кинологический спорт», утвержденными Приказом Минспорта России от 10 апреля 2019 года № 307: «За применение допинга спортсмен дисквалифицируется, а его результаты аннулируются как в личных, так и в командных соревнованиях. Материалы на данного спортсмена передаются в ОСФ для принятия решения в соответствии со специальным регламентом IFCS» (п. 1.7.7 Правил⁴). Установлена дисциплинарная ответственность за неспортивное поведение спортсмена (например, попытки обмана судьи), сознательное или по небреж-

ности нарушение правил (включая антидопинговые) (п. 1.8.1 Правил).

В данном документе нет упоминания об административной и уголовной ответственности за применение допинга в отношении животного. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) не предусмотрены подобные нормы. Так, спортсмен, использующий допинг в отношении совместно с ним соревнующегося животного, не может быть субъектом деяния, квалифицируемого по ст. 230.2 УК РФ или ст. 6.18 КоАП РФ. Во-первых, он не является «иным специалистом в области физической культуры и спорта», поскольку в качестве такового не назван в Приказе Минспорта России от 19 октября 2022 года № 838⁵. Во-вторых, спортсмен не указан как субъект преступления, предусмотренного в ст. 230.2 УК РФ. Он может быть только потерпевшим.

В научной литературе высказаны предложения квалифицировать применение допинга в отношении животных, которые используются в спорте, по ст. 245 УК РФ [1]. Для уяснения содержания данной нормы как бланкетной необходимо обратиться к Федеральному закону от 27 декабря 2018 года № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶. Предмет его правового регулирования коррелируется с объектом преступления, закрепленного в ст. 245 УК РФ, – это отношения в области обращения с животными, целью которых служит их защита, укрепление нравственности, соблюдение принципа гуманности,

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Допинг> (дата обращения: 24.04.2023).

² Чемпионка России по конному спорту дисквалифицирована за нарушение антидопинговых правил. URL: <https://overbetting.ru/posts/142975/> (дата обращения: 24.04.2023); Трех российских мастеров спорта дисквалифицировали за допинг у лошадей. URL: <https://lenta.ru/news/2009/10/19/doping/> (дата обращения: 24.04.2023).

³ Королевский допинг. URL: <https://www.infox.ru/news/29/30466-tri-rossijskih-konnika-diskvalificirovany> (дата обращения: 24.04.2023); Тренеры, ветеринары, другие обвиняемые в схеме допинга скаковых лошадей. URL: <https://news.yahoo.com/over-2-dozen-horse-racing-140032072.html> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ Правила вида спорта «кинологический спорт»: утв. Приказом Минспорта России от 10 апреля 2019 г. № 307. См. также: Федеральный стандарт спортивной подготовки по виду спорта «кинологический спорт»: утв. Приказом Минспорта России от 30 ноября 2022 г. № 1096. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

⁵ Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации: Приказ Минспорта России от 19 октября 2022 г. № 838. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ: текст с изм. и доп. на 27 нояб. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обеспечение безопасности, прав и законных интересов граждан при обращении с животными. Согласно п. 5 ст. 3 данного Закона под жестоким обращением с животным понимается в том числе такое обращение, которое привело или может привести к его гибели, увечью или иному повреждению здоровья (включая истязание, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями). Неисчерпывающий перечень способов жестокости дал основание Н. Ю. Филатовой предположить возможность применения ст. 245 УК РФ в случае использования в отношении животного субстанций или методов, запрещенных в спорте [2].

Обратившись к Федеральному закону от 27 декабря 2018 года № 498 ФЗ, можно выявить основание ответственности. В частях 6 и 7 ст. 15 данного Федерального закона прописан запрет на применение лекарственных препаратов для ветеринарного применения и иных веществ, причиняющих вред здоровью животных, в целях повышения эффективности использования животных в культурно-зрелищных целях, а также на использование допинга в отношении животных, участвующих в соревнованиях. Аналогичная норма закреплена в п. 2 ч. 3 ст. 26 Федерального закона от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹, где ответственность установлена за нарушение антидопингового правила, заключающееся в наличии запрещенных субстанций либо их метаболитов или маркеров в пробе, взятой в соревновательный период или во внесоревновательный период из организма животного, участвующего в спортивном соревновании.

Антидопинговое обеспечение спорта регулируется Приказом Минспорта России от 24 июня 2021 года № 464², не предусматривающим каких-либо особых правил в отно-

шении животных. Лица, осуществляющие спортивную подготовку животных в видах спорта «ездовой спорт»³; «кинологический спорт»⁴; «конный спорт»⁵; «спортивно-прикладное собаководство»⁶; «спорт лиц с интеллектуальными нарушениями» (в трех дисциплинах конного спорта)⁷; «спорт лиц с поражением опорно-двигательного аппарата» (в нескольких дисциплинах конного спорта)⁸; «служебно-прикладной спорт ФТС России»⁹ (в спортивных дисциплинах «многоборье кинологов» и «многоборье киноло-

³ Об утверждении правил вида спорта «ездовой спорт»: Приказ Минспорта России от 30 декабря 2021 г. № 1103; Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «ездовой спорт»: Приказ Минспорта России от 30 ноября 2022 г. № 1097. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

⁴ Об утверждении правил вида спорта «кинологический спорт»: Приказ Минспорта России от 10 апреля 2019 г. № 307; Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «кинологический спорт»: Приказ Минспорта России от 30 ноября 2022 г. № 1096. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

⁵ Об утверждении правил вида спорта «конный спорт»: Приказ Минспорта России от 27 сентября 2022 г. № 774; Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «конный спорт»: Приказ Минспорта России от 15 ноября 2022 г. № 983. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

⁶ Об утверждении правил вида спорта «спортивно-прикладное собаководство»: Приказ Минспорта России от 13 декабря 2022 г. № 1206; Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «спортивно-прикладное собаководство»: Приказ Минспорта России от 21 ноября 2022 г. № 1034. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

⁷ Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «спорт лиц с интеллектуальными нарушениями»: Приказ Минспорта России от 28 ноября 2022 г. № 1082. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «спорт лиц с поражением ОДА»: Приказ Минспорта России от 28 ноября 2022 г. № 1084. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Об утверждении Единой всероссийской спортивной классификации (военно-прикладные и служебно-прикладные виды спорта): Приказ Минспорта России от 20 декабря 2021 г. № 997.

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ: текст с изм. и доп. на 25 дек. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил: Приказ Минспорта России от 24 июня 2021 г. № 464. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гов» в дисциплинах «розыскной профиль», «поиск взрывчатых веществ», «поиск наркотических средств»¹, обязаны выполнять требования регламентов спортивных состязаний, в том числе антидопинговые правила. Нарушение антидопинговых правил должно влечь дисциплинарную ответственность, если животное не пострадало. Если животное от применения допинга погибло или заболело, то можно квалифицировать действия нарушителя по ст. 245 УК РФ.

Таким образом, ст. 245 УК РФ на первый взгляд вполне соответствует защите животных от необоснованной жестокости в спорте, так как предусмотренный в ней альтернативный состав образован деянием, заключающимся в жестоком обращении с животными из корыстных побуждений, т. е. с целью использования физической силы, выносливости животного ради извлечения прибыли, которая последует после победы на спортивных состязаниях. Однако существующая редакция ст. 245 УК РФ обращена скорее на защиту животного от необоснованного применения запрещенных в спорте методов, нежели запрещенных субстанций, поскольку под жестоким обращением понимаются деяния, причиняющие (или которые могут причинить) боль или неоправданные страдания животному. Перечень таких деяний открытый и включает чрезмерное наказание лошади, злоупотребление шпорами, выступление на явно утомленной, хромой или травмированной лошади, искусственное повышение или понижение чувствительности любой части тела лошади и др.²

Само по себе применение запрещенного препарата не может вызвать боль и особые страдания животного. Анализ пробы, которая берется у животного, обнаруживает присутствие в крови запрещенного препа-

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Всероссийский реестр видов спорта. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Общий регламент Международной федерации конного спорта // FEI : сайт. URL: <https://inside.fei.org/sites/default/files/FEI%20General%20Regulationseffective-1Jan2021-27Nov2020-Final-Clean.pdf> (дата обращения: 24.04.2023).

рата, действующего как обезболивающее и миорелаксирующее средство³. В связи с этим нынешняя редакция ст. 245 УК РФ исключает возможность привлечения к уголовной ответственности за использование в отношении животного допинга, в результате чего оно пострадало.

Стоит не согласиться с некоторыми учеными о необходимости квалификации применения допинга в отношении животного по совокупности ст. 230.2 УК РФ и ст. 245 УК РФ [2]. Полагаем, что квалификация по совокупности преступлений в данном случае будет свидетельствовать о нарушении принципа справедливости — двойное вменение за одно и то же деяние. Пробел в законодательстве не может явиться основанием для разрешения компромисса таким путем. Та и другая норма направлены на защиту общественной нравственности. Тем не менее правонарушение, зафиксированное в ст. 230.2 УК РФ, еще посягает и на здоровье населения, единственный потерпевший указан непосредственно в самой норме — это спортсмен. По этой причине животные не могут быть пострадавшими как признак этого преступления.

Норма, которая бы обеспечивала соблюдение антидопинговых правил в спорте с участием животных, ограждала от последствий применения в отношении животных запрещенных препаратов и методов при тренировках и в спортивных состязаниях, должна быть специальной. В научной литературе поднимался этот вопрос. Так, Н. Ю. Филатова считает, что следует внести дополнения в ст. 230.2 УК РФ, установив ответственность за использование в отношении животных запрещенных в спорте субстанций и (или) методов [3]. Однако ограниченный круг специальных субъектов, обозначенных в данной норме, также служит препятствием для квалификации по ст. 230.2 УК РФ. Это касается, например, ветеринара. Его нельзя идентифицировать с врачом⁴. Согласно п. 11.2

³ FEI : сайт. URL: <https://inside.fei.org/system/files/CAS%20Award%202020-A-7204%20Shaikh%20Abdulaziz%20Faisal%20Saqr%20Bin%20Mohamed%20Alqassimi%20v.%20FEI%20-%20redacted.pdf> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ См.: Об утверждении профессионального стандарта «Работник в области ветеринарии» :

ст. 2 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» специалистом по спортивной медицине является медицинский работник, в трудовые функции которого входит оказание медицинской помощи спортсменам. Животные не могут быть признаны спортсменами, так как согласно п. 22 ст. 2 названного Федерального закона спортсмены — это только физические лица. Поэтому высказанная в научной литературе точка зрения об отнесении животных к спортсменам не соответствует законодательной формулировке [1].

Еще одними потенциально виновными лицами могут быть признаны владельцы животных и вспомогательный персонал, обслуживающий животных, которые не указаны в ст. 230.2 УК РФ, поскольку не относятся к иным специалистам в области физической культуры и спорта.

Однако, в целом соглашаясь с идеей Н. Ю. Филатовой, полагаем целесообразным выделить данную императивную норму и определить ее место в системе уголовно-правовых норм по признаку потерпевшего. Предлагаем дополнить УК РФ статьей следующего содержания:

«Статья 245.1. Нарушение антидопингового законодательства в отношении животных, используемых в спорте

Умышленное нарушение антидопингового законодательства в отношении животного, используемого в спорте, выразившееся в использовании запрещенных субстанций и методов (за исключением случаев, если в соответствии с законодательством о физической культуре и спорте осуществление указанных действий не является нарушением антидопинговых правил), повлекшее его гибель или увечье, — ...».

В юридическом смысле животные — прежде всего имущество, объекты правоотношений. Персональное отношение к животным, включая их состояние и комфорт, основывается на морально-нравственных, этических

Приказ Минтруда России от 12 октября 2021 г. № 712н ; Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих : Приказ Минздравсоцразвития России от 23 июля 2010 г. № 541н : текст с изм. и доп. на 9 апр. 2018 г. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

принципах, традициях и воспитании [4]. Поэтому объект предлагаемого состава преступления — общественная нравственность, а потерпевший — животное, используемое в спорте.

Объективная сторона выражается в деянии в форме действия по нарушению антидопингового законодательства в части использования запрещенных субстанции и (или) метода, повлекшего наступление последствия в виде гибели или увечья животного. Состав преступления материальный. Обязательным признаком преступления является обстановка — спортивные состязания с использованием животного или тренировки. Средства совершения преступления носят обязательный характер, так как специально закреплены в норме в виде запрещенных субстанции и метода [5]. Иные признаки объективной стороны — место, время, способ имеют в данном составе факультативное значение и могут влиять лишь на назначение наказания.

Круг субъектов данного преступления может быть расширен за счет включения не только непосредственно заинтересованных в высоком результате соревнований лиц, но и тех, которые действуют из низменных побуждений и «грязной» конкурентной борьбы. Субъектом могут быть спортсмен, выступающий с животным, тренер, лица, ухаживающие за животным, ветеринар, владелец животного и его близкие родственники, а также спортсмены, тренеры и другие лица, являющиеся конкурентами, организаторы спортивных мероприятий, водители, транспортирующие животное к месту соревнований и имеющие или получившие доступ к животному.

Так, 24 февраля 2020 года Трибуналом FEI в отношении спортсменки из Швейцарии были применены спортивные санкции. В ходе слушания дела было установлено, что после спортивных соревнований, проходивших с 5 по 8 октября 2017 года в городе Тетуане государства Марокко, в крови ее лошади нашли запрещенное вещество. Позже, 12 июня 2020 года, FEI признала отсутствие вины спортсменки. Доказательством явилось признание водителя, который перевозил лошадь. Оказывается, водитель принимал

препарат для облегчения болей в спине и во время поездки мочился на сено, которым потом кормили лошадь¹.

Относительно широкий круг лиц, которые могли бы быть привлечены к уголовной ответственности за использование в отношении животных запрещенных веществ и (или) методов, не позволяет перечислить их всех в норме. Кроме того, при приведении в статье приблизительного перечня таких лиц следует говорить уже о специальном субъекте, что значительно сужает применение нормы и оставляет за рамками состава возможные общественно опасные деяния не названных в статье лиц. Поэтому полагаем, что субъект такого преступления должен быть общим — вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет [6, 7].

Субъективная сторона — только умысел (прямой или косвенный), характеризующийся осознанием противоправности неисполнения антидопингового законодательства, аморальности и вредности применения к животному запрещенных веществ и (или) методов, предвидением неизбежности или реальной возможности увечья или гибели животного в результате их применения и желанием или сознательным допущением таких последствий. Мотивы и цели не имеют конструктивного значения и могут выражаться как в корыстных или хулиганских побуждениях, так и в таких, как зависть, месть и др.

Исключает уголовную ответственность за данный деликт законное применение к животному веществ и (или) методов в случаях, оговоренных в законодательстве о физической культуре и спорте.

КоАП РФ также не содержит нормы об ответственности за правонарушение, объектом которого бы была защита животных. Согласно п. «к» ст. 72 Конституции Российской Федерации административное законодательство отнесено к совместному ведению

¹ CAS 2020/A/6853 Nadja Peter Steiner v. Fédération Equestre Internationale (FEI). URL: https://www.eurosport.co.uk/equestrian/cas-has-lifted-two-year-ban-of-nadja-peter-steiner_sto7788767/story.shtml (дата обращения: 24.04.2023).

Российской Федерации и ее субъектов, а значит, субъекты Российской Федерации правомочны формировать его, в том числе в сфере обращения с животными. Однако, проанализировав законодательство Тюменской области² [8], главу 5 КоАП города Москвы³ и главу 2 Закона города Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге»⁴, объединяющие положения о правонарушениях в области обращения с животными, констатируем, что они не содержат подобной нормы.

Следует поддержать предложение Д. А. Ерыгина о дополнении КоАП РФ нормой, предусматривающей ответственность за применение допинга в отношении животных [9]. Однако мы не можем согласиться с его редакцией диспозиции нормы. Во-первых, считаем, что специалист по спортивной медицине не может быть субъектом анализируемого правонарушения в силу специфики выполняемой им работы. А также новация Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» исключает признание ветеринара специалистом по спортивной медицине, поскольку последний может выполнять свои профессиональные функции только по отношению к спортсмену — физическому лицу. Кроме того, полагаем, что круг субъектов преступления может быть расширен без конкретизации их в норме. Полагаем также, что гибель животного в случае применения допинга в период спортивных соревнований и во вне-

² Кодекс Тюменской области об административной ответственности : Закон Тюменской области от 27 декабря 2007 г. № 55 : текст с изм. и доп. на 27 окт. 2023 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт URL: <https://docs.cntd.ru/document/450257147> (дата обращения: 01.11.2023).

³ Кодекс города Москвы об административных правонарушениях : Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 : текст с изм. и доп. на 27 сент. 2023 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3686331> (дата обращения: 01.11.2023).

⁴ Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге : Закон г. Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 : текст с изм. и доп. на 13 нояб. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

соревновательный период, во время тренировок, повышает общественную опасность деяния, в связи с чем целесообразно рассматривать его уже как преступление.

Предлагаем дополнить КоАП РФ статьей следующего содержания:

«Статья 6.18.1. Нарушение антидопингового законодательства в отношении животных, используемых в спорте

Умышленное нарушение антидопингового законодательства в отношении животного, используемого в спорте, выразившееся

в использовании запрещенных субстанций и методов (за исключением случаев, если в соответствии с законодательством о физической культуре и спорте осуществление указанных действий не является нарушением антидопинговых правил), если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, — ...».

Соответственно текст примечания к ст. 6.18 КоАП РФ дополнить указанием на ст. 6.18.1 КоАП РФ.

Список источников

1. Рахманова Е. Н., Филатова Н. Ю. Жестокое обращение с животными в спорте // Криминалистика. 2021. № 4 (37). С. 46–50.
2. Филатова Н. Ю. Ответственность за использование запрещенных субстанций в отношении животных (на примере конного спорта) // Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте : монография / Верховный Суд Российской Федерации, Российский гос. ун-т правосудия ; под ред. Е. Н. Рахмановой. Санкт-Петербург : Астерион, 2021. С. 197–203.
3. Филатова Н. Ю. Допинг в отношении животных, участвующих в спортивных соревнованиях // Образование и право. 2020. № 8. С. 272–276.
4. Горохов Д. Б. Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление охраны «жизни или здоровья животных и растений» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 45–78.
5. Сынтин А. В. Субстанции и методы, запрещенные для использования в спорте: предмет или средства совершения преступлений? // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 2. С. 142–155.
6. Чеботарев А. В. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 76–97.
7. Попова Ю. П. Специалист по спортивной медицине и «иной специалист в области физической культуры и спорта» как субъекты нарушения антидопинговых правил // Криминалистика. 2023. № 3 (44). С. 53–58.
8. Хорьков В. Н. Законодательство субъектов РФ в области обращения с животными нуждается в совершенствовании // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 5. С. 65–58.
9. Ерыгин Д. А. Правовое регулирование использования животных в спортивных соревнованиях в России и зарубежных странах: основные тенденции и проблемы. URL: https://pravo.hse.ru/data/2020/06/11/1606233679/Erygin_Zhivotnye%20v%20sporte.pdf (дата обращения: 24.04.2023).

Информация об авторе

Ю. П. Попова – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

Yu. P. Popova – Associate Professor at the Department of criminal law disciplines of the Institute of State and Law of Tyumen State University, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.3/7

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Артём Константинович СКОРОХОДОВ

Тюменский государственный университет, Институт государства и права, Тюмень, Россия,
adv.aks@bk.ru

Аннотация. В статье приведен анализ правоприменительной практики по вопросам признания деяний, предусмотренных частью 2 статьи 303 УК РФ, в качестве малозначительных. Рассмотрены различные теоретические подходы относительно критериев и оснований применения положений части 2 статьи 14 УК РФ к фальсификации доказательств по уголовным делам. Приводятся практические рекомендации, не противоречащие Уголовному кодексу Российской Федерации, в отношении вопросов определения общественной опасности фальсификации доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, уголовное право, уголовная ответственность, фальсификация доказательств, малозначительность деяния

Для цитирования: Скороходов А. К. Малозначительность фальсификации доказательств по уголовному делу // Криминалистъ. 2024. № 1 (46). С. 76–82.

Original article

THE INSIGNIFICANCE OF FALSIFICATION OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Artem K. SKOROKHODOV

Tyumen State University, Institute of State and Law, Tyumen, Russia, adv@bk.ru

Abstract. The article gives the analysis of law enforcement practice on the recognition of acts provided for in Part 2 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation as insignificant. Various theoretical approaches were considered regarding the criteria and grounds for applying the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation to falsification of evidence in criminal cases. In addition, practical recommendations are given that do not contradict the Criminal Code of the Russian Federation regarding issues of determining the public danger of falsification of evidence in criminal cases.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, criminal law, criminal liability, falsification of evidence, insignificance of the act

For citation: Skorokhodov A. K. The insignificance of falsification of evidence in a criminal case. Criminalist. 2024;1(46):76-82. (In Russ.).

Согласно ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) действие (бездействие) не признается преступлением в случае, когда оно хотя и содержит все признаки какого-либо деяния, но в силу малозначительности не представляет

общественной опасности. Приведенная норма позволяет правоприменителю обеспечить адекватную оценку общественной опасности деяния, которая зависит от конкретных обстоятельств. К таким обстоятельствам следует отнести, в частности, размер причи-

© Скороходов А. К., 2024

ненного преступлением вреда, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления. Лицо, совершившее малозначительное деяние, не подлежит уголовной ответственности, но, при наличии к тому оснований, может быть привлечено к другому виду юридической ответственности¹.

Вопрос о признании деяния малозначительным актуален и для деяний, направленных на фальсификацию доказательств (ст. 303 УК РФ). В науке уголовного права существует множество теорий относительно возможности признания исследуемых деяний малозначительными. Основные споры касаются критериев, в соответствии с которыми определяется общественная опасность фальсификации доказательств и которыми следует руководствоваться правоприменителю при установлении наличия или отсутствия в деянии состава преступления.

Как отмечает Верховный Суд Российской Федерации, квалификация содеянного как малозначительного может иметь место только применительно к обстоятельствам конкретного совершенного лицом деяния. Возможность или невозможность расценивать деяние как малозначительное не может быть установлена абстрактно, на основании только сформулированного в уголовном законе состава преступления, за совершение которого предусмотрена ответственность².

Исходя из изложенного, вопрос признания или непризнания малозначительным деяния, содержащего в себе признаки фальсификации доказательств по уголовному делу, следует разрешать индивидуально для каждого конкретного случая. Однако,

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 г. № 1162-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalicts.ru/> (дата обращения: 17.01.2024).

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2021 г. по делу № 3-УДП21-16-К3. Здесь и далее примеры из судебной практики см.: Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : интернет-портал. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.01.2024).

представляется, можно назвать наиболее часто встречающиеся в правоприменительной практике, а также выделяемые в теории уголовного права критерии признания такого деяния малозначительным.

В правоприменительной практике встречаются различные решения в части признания или непризнания фальсификации доказательств по уголовному делу малозначительным деянием. Так, Красноярским краевым судом сделан вывод, что малозначительным деянием признаются действия следователя, направленные на фальсификацию протокола допроса потерпевшего, которые не повлияли на результаты рассмотрения дела, не повлекли вынесения неправосудного приговора и не представляли угрозы принятия судом неправосудного решения и нарушения прав и свобод потерпевшего³.

Схожая позиция приводится и в постановлении Президиума Ростовского областного суда, где указывается, что хотя действия следователя по фальсификации протокола допроса свидетеля формально и содержат признаки деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, но с учетом того, что впоследствии в отношении обвиняемого был постановлен оправдательный приговор и без показаний свидетеля, протокол допроса которого был сфальсифицирован следователем, такое деяние следует считать малозначительным, поскольку фальсификация доказательств не повлияла на результаты рассмотрения уголовного дела, не повлекла вынесения неправосудного приговора и тем самым не представляла угрозы принятия судом неправосудного решения и нарушения прав и свобод граждан⁴.

Верховный Суд Российской Федерации ранее также высказывал мнение о признании деяния малозначительным в случае фальсификации протокола следственного действия при условии, что такое деяние не повлияло на результаты рассмотрения дела, не повлекло вынесения неправосудного приговора и не представляло угрозы принятия

³ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 5 июня 2018 г. по делу № 22-3278/2018.

⁴ Постановление Президиума Ростовского областного суда от 31 октября 2019 г. № 44у-266/2019.

судом неправосудного решения и нарушения прав и свобод граждан¹.

Таким образом, если деяние, хотя и содержащее в себе все признаки фальсификации доказательств по уголовному делу, в связи с наступившими (или не наступившими) последствиями не оказало влияния на рассмотрение уголовного дела, оно является малозначительным в силу того, что не представляет общественной опасности.

Показательно решение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 66-005-133 о том, что действия следователя по фальсификации двух протоколов допроса в качестве свидетелей ранее участвовавших в осмотре места происшествия понятых не составляют уголовно наказуемого деяния, так как совершены из «ложно понятых интересов службы», а также что сфальсифицированные протоколы допроса свидетелей не содержат сведений, противоречащих действительности².

На наш взгляд, приведенные позиции свидетельствуют о неверном толковании уголовного закона, а следовательно, неправильном его применении. В результате такого правоприменения становится практически невозможным привлечение к уголовной ответственности должностных лиц, фальсифицирующих доказательства по уголовному делу, поскольку правоприменитель видит зависимость общественной опасности фальсификации доказательств по уголовному делу от наступивших последствий, несмотря на то что состав преступления, изложенный в ч. 2 ст. 303 УК РФ, формальный и не требует наступления общественно опасных последствий.

Применение ч. 2 ст. 14 УК РФ к деяниям, предусмотренным ч. 2 ст. 303 УК РФ, противоречит задаче уголовного закона по предупреждению совершения новых преступлений, снижает превентивную функцию данной уголовно-правовой нормы. Лица, совершающие такие преступления, понимают, что они могут безнаказанно фальсифицировать доказательства, которые не оказывают

ключевого влияния на итоговое решение по уголовному делу.

В то же время в судебной практике существует немало судебных актов, в которых изложен отличный от представленного выше подход к возможности признания фальсификации доказательств по уголовному делу малозначительным деянием. Так, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции при рассмотрении кассационной жалобы, соглашаясь с судом первой инстанции, указал на то, что отсутствие последствий действий лица по фальсификации доказательств в виде вынесения неправосудного приговора по причине признания протокола обыска недопустимым доказательством не является определяющим обстоятельством, снижающим общественную опасность совершенного преступления, а значит, не представляется возможным применение положений ч. 2 ст. 14 УК РФ³.

Также, по нашему мнению, справедлив и отказ в применении ч. 2 ст. 14 УК РФ при квалификации действий следователя по изготовлению протокола допроса свидетеля без фактического проведения допроса, при том что данный протокол допроса не был включен в обвинительное заключение, но сам факт его приобщения к материалам уголовного дела уже содержит в себе признаки фальсификации доказательств по уголовному делу. Отказывая в признании такого деяния малозначительным, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций склонялись к тому, что невключение сфальсифицированного протокола следственного действия в обвинительное заключение само по себе не говорит об отсутствии общественной опасности в деянии, совершенном следователем⁴.

Верховный Суд Российской Федерации ранее также высказывался о невозможности признания фальсификации доказательств по уголовному делу малозначительным деянием. В частности, Верховный Суд посчитал, что отсутствуют основания для признания действий следователя по составлению

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2006 г. по делу № 2-82/05.

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2006 г. № 66-005-133.

³ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 сентября 2022 г. по делу № 77-4203/2022.

⁴ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 июня 2023 г. по делу № 77-2358/2023.

сфальсифицированных протоколов допросов малозначительным деянием, поскольку такие действия, независимо от наступивших последствий, представляют общественную опасность в виде угрозы причинения вреда интересам правосудия¹.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в последнее время наблюдается тенденция неприменения ч. 2 ст. 14 УК РФ к деяниям по фальсификации доказательств по уголовному делу. Суды в большинстве своем, несмотря на, казалось бы, формальность допущенного виновным лицом нарушения, отказывали в признании таких деяний малозначительными. Так, важно отметить решение Шестого кассационного суда общей юрисдикции по уголовному делу № 77-2821/2021. Отказывая в применении положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, суд указал на наличие общественной опасности в деянии, совершенном лицом, производящим дознание, — проведении допроса несовершеннолетнего без присутствия его законного представителя, при этом в нарушение закона в протоколе допроса сделана запись об участии законного представителя, в последующем данный процессуальный документ приведен в качестве доказательства в обвинительном заключении².

Исходя из вышеприведенных примеров правоприменительной практики, можно сделать вывод об отсутствии единства мнений относительно возможности признания фальсификации доказательств по уголовному делу малозначительным деянием. Повторим, деяние должно признаваться малозначительным в каждом конкретном случае с учетом объективных и субъективных факторов малозначительности деяния.

По отношению к фальсификации доказательств по уголовному делу сама ценность объекта преступления оказывает существенное влияние на принятие решения о наличии или отсутствии признаков малозначительности в конкретном деянии. В связи с этим некоторые авторы утверждают, что с учетом объекта преступного посягатель-

ства не каждое деяние может быть признано малозначительным [1, с. 158]. Однако существует и другая точка зрения, по нашему мнению, наиболее обоснованная, согласно которой закон не содержит ограничений для признания деяния малозначительным в зависимости от посягательства на конкретные общественные отношения [2, с. 17].

Полагаем, что обоснованность второй точки зрения вытекает прямо из теста уголовного закона, поскольку ст. 14 УК РФ не предусматривает категорий преступлений, которые не могут быть признаны малозначительными. Таким образом, закон позволяет признавать в качестве малозначительных и преступления по фальсификации доказательств по уголовному делу, независимо от специфики объекта посягательства.

Справедливо заметить, что объект преступления, в качестве которого выступают общественные отношения, не подлежит непосредственному восприятию субъектом преступления [3, с. 44]. Следовательно, что характерно для фальсификации доказательств по уголовному делу, при решении вопроса о малозначительности деяния наибольшее внимание уделяется такому признаку объекта преступления, как предмет.

В деянии, направленном на фальсификацию доказательств, на наш взгляд, достаточно проблематично обнаружить отсутствие общественной опасности. Это обусловлено тесной связью исследуемого преступления с процессуальными нарушениями. Фальсификация доказательств по уголовному делу в любом случае имеет общественную опасность, означающую способность причинять вред отношениям, необходимым для нормального функционирования правосудия. Признание таких деяний малозначительными влечет их многократное повторение лицом, совершившим такое деяние, либо иными лицами и причинение вреда охраняемым общественным отношениям. При этом важную роль играет социальная значимость института правосудия, который служит инструментом защиты прав и свобод человека и гражданина.

Представляется верной точка зрения, предложенная Н. Мирошниченко и Ю. Пудовочкиным, из которой следует, что объект

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2010 г. по делу № 52-010-2.

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2021 г. № 77-2821/2021.

фальсификации доказательств, понимаемый как установленный законом порядок получения доказательств по уголовному делу, несет в себе достаточно большую важность, что позволяет квалифицировать фальсификацию доказательств по уголовному делу как преступление независимо от наступивших последствий в виде нарушения прав и свобод граждан, а также независимо от признаков субъекта [4, с. 60].

Конструирование состава фальсификации доказательств по уголовному делу как формального, т. е. не требующего наступления преступных последствий и наличия причинно-следственной связи между такими последствиями и деянием, означает повышенную общественную опасность данного преступления, что обусловлено конституционной важностью правосудия на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Такое посягательство является опасным уже в силу того, что оно создает угрозу искажения сущности правосудия как конституционного инструмента защиты прав и свобод человека и гражданина, при этом не имеет значения, наступили или нет преступные последствия, выраженные в нарушении прав и свобод человека и гражданина [5, с. 82].

Учитывая специфику объекта фальсификации доказательств по уголовному делу, сложно сказать, что общественная опасность фальсификации доказательств зависит от того, на какой предмет происходит преступное воздействие. Это связано, по нашему мнению, в первую очередь с тем, что признание фальсификации доказательств малозначительным деянием на основании несущественности предмета преступного посягательства для рассмотрения конкретного уголовного дела влечет за собой еще большую общественную опасность этого преступления, поскольку тем самым снижается уровень доверия граждан к правоохранительным органам и правосудию в целом.

Таким образом, объект (а также предмет) фальсификации доказательств по уголовному делу сам по себе не может выступать в качестве достаточного основания для признания такого деяния малозначительным, а лишь в совокупности с иными обстоятельствами. Поэтому представляется неверным

применение ч. 2 ст. 14 УК РФ при фальсификации доказательств по уголовному делу исходя исключительно из оценки признаков предмета преступления, его доказательственного значения.

Анализ судебной практики по уголовным делам, по которым разрешался вопрос о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ по отношению к фальсификации доказательств по уголовному делу, позволяет сделать вывод, что одним из основных факторов, учитываемых судами при признании деяния малозначительным, выступал причиненный преступлением вред, т. е. общественно опасные последствия. Фальсификация доказательств по уголовному делу признавалась малозначительным деянием в силу того, что не повлекла за собой общественно опасных последствий в виде вынесения неправосудного приговора, не повлияла на результаты рассмотрения уголовного дела и тем самым не представляла угрозы принятия судом неправосудного решения и нарушения прав и свобод граждан.

Представляется, что при разрешении вопроса о малозначительности фальсификации доказательств по уголовному делу, несмотря на то что данный состав преступления формальный, следует давать оценку преступным последствиям. Однако при этом необходимо выяснять не только, наступили ли общественно опасные последствия, и их значимость, но и возможность их наступления.

Данная позиция находит отражение в работе Ч. М. Багирова, который пишет, что «для констатации малозначительности поведенческих актов, содержащих признаки формальных, особенно важным является установление потенциальной возможности причинения действием (бездействием) каких-либо негативных последствий» [6, с. 11].

Сложно говорить о том, что могут наступить преступные последствия в случае, если, например, следователем составляется протокол допроса свидетеля, который допрошен по телефону, подтверждает свои показания, но подпись в протоколе его допроса ставится следователем либо по его поручению иным лицом. В данном примере мы видим фальсификацию доказательств, так как протокол допроса составлен с нарушением требований закона, подписан ненадлежащим

лицом, но при этом свидетель не отрицает изложенные в протоколе показания, а наоборот, их подтверждает. То есть, хотя есть все признаки фальсификации доказательств, общественно опасные последствия отсутствуют, поскольку данный протокол мог бы быть составлен в том же виде, за исключением процессуальных нарушений, если бы свидетель явился на допрос и поставил свою подпись в протоколе следственного действия. Безусловно, такой протокол допроса свидетеля должен быть признан в качестве недопустимого доказательства в рамках уголовного дела, по которому проводилось данное следственное действие, поскольку получен в нарушение требований уголовно-процессуального законодательства. Однако такое деяние, по нашему мнению, может признаваться малозначительным и иметь признаки дисциплинарного проступка. В то же время для установления признаков малозначительности в данном примере будет важным и подтверждение согласия допрашиваемого свидетеля на составление протокола допроса без его участия, в противном случае, если протокол допроса свидетеля был составлен следователем без его согласия, общественно опасные последствия и возможность их наступления становятся реальными.

Аналогичная точка зрения была высказана Т. В. Кондрашовой, которая указывает на то, что верно зафиксированные показания свидетеля при условии подделки следователем его подписи не могут образовать состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ [7, с. 23]. В данном случае состав преступления формально, безусловно, есть, однако можно говорить о малозначительности деяния.

Сам по себе факт признания сфальсифицированного доказательства недопустимым не может говорить об отсутствии общественной опасности фальсификации доказательств. Это обусловлено, помимо прочего, и тем, что сфальсифицированное доказательство априори не может быть допустимым, поскольку при фальсификации доказательств происходит преступное воздействие на все признаки доказательства, в том числе и допустимость, несмотря на то что для иных участников уголовного процесса эти обстоятельства являются скрытыми.

Кроме того, сложно представить наличие у лица, осуществляющего фальсификацию доказательств, цели, чтобы фальсифицируемое доказательство было признано недопустимым в ходе рассмотрения уголовного дела. Представляется, фальсификация доказательств, независимо от ее мотива и цели, направлена на искусственное придание предмету преступления всех признаков доказательства, а следовательно, признание такого доказательства в последующем недопустимым не может говорить об отсутствии общественной опасности такого деяния, поскольку признание такого доказательства недопустимым может выступать в качестве меры, направленной на устранение преступных последствий.

При разрешении вопроса относительно возможности признания фальсификации доказательств по уголовному делу малозначительным деянием следует обращать внимание на то, что криминообразующим фактором для данного преступления выступает наличие особого статуса субъекта. В данном случае в качестве субъекта выступают следователь, лицо, производящее дознание, прокурор и защитник. Все названные субъекты, за исключением защитника, выполняют государственно-властные полномочия, а следовательно, такие деяния изначально представляют повышенную общественную опасность в силу специфики субъекта преступления.

Таким образом, исходя из изложенного можно сделать следующие выводы.

Состав преступления фальсификация доказательств по уголовному делу сконструирован как формальный, в связи с чем при определении такого деяния как малозначительного следует выяснять объективные и субъективные критерии малозначительности деяния, в том числе степень вредоносного воздействия на непосредственный объект преступления, способность такого воздействия исказить правоохранительную сущность правосудия и тем самым повлечь нарушение прав и законных интересов граждан и иных субъектов права.

Отсутствие преступных последствий фальсификации доказательств по уголовному делу, в том числе признание сфальсифицированного доказательства недопустимым

в рамках уголовного дела, не может выступать в качестве единственного критерия при определении малозначительности деяния.

Фальсификацию доказательств по уголовному делу целесообразно признавать малозначительным деянием в случаях, когда действия, направленные на фальсификацию доказательств, не влекут за собой искажения доказательственной информации, а направлены лишь на внесение таких изменений, которые соответствовали бы действительности, если бы они были сделаны в соответствии с процессуальным законодательством. Примером может выступать воспроизведение следователем в протоколе допроса под-

писи в случае, если свидетель принимал в нем участие, но по каким-либо причинам не поставил подпись и при этом не оспаривает правдивость внесенных в такой протокол сведений.

Признание фальсификации доказательств по уголовному делу малозначительным деянием не исключается, но в первую очередь следует обращать внимание на то, что такое деяние влечет общественную опасность независимо от наступивших последствий, в связи с чем снижение общественной опасности может быть обусловлено именно конкретными обстоятельствами совершения такого деяния.

Список источников

1. Соловьев А. Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Соловьев Алексей Николаевич. Волгоград, 2000. 238 с.
2. Мальцев В. В. Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград : Волгоград. юрид. ин-т МВД России, 1995. 184 с.
3. Багиров Ч. М. Объективные факторы малозначительности деяния // Юридическая наука. 2019. № 11. С. 43–49.
4. Мирошниченко Н., Пудовочкин Ю. Некоторые проблемы квалификации последствий служебных преступлений // Уголовное право. 2012. № 2. С. 58–63.
5. Лобанова Л. В., Рожнов А. П. О конкретизации теоретических подходов к установлению малозначительности деяния, совершаемого в сфере правосудия // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 77–86.
6. Багиров Ч. М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Багиров Чингиз Мамедшах. Тюмень, 2005. 18 с.
7. Кондрашова Т. В. Законодательные дефекты в регулировании уголовной ответственности за преступления в сфере правосудия, совершаемые работниками судебной и правоохранительной систем // Администратор суда. 2006. № 2. С. 21–24.

Информация об авторе

А. К. Скороходов – аспирант Института государства и права, Тюменский государственный университет.

Information about the author

A. K. Skorokhodov – Postgraduate Student at the Institute of State and Law, Tyumen State University.

Научная статья
УДК. 343.13

ПРОБЛЕМЫ ОТЛОЖЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Юлия Ивановна ТАРАСОВА¹, Владимир Анатольевич ШИПЛЮК²

¹Прокуратура Пустошкинского района Псковской области, Пустошка, Псковская область, Россия, sgapnauka@yandex.ru

²Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, ship-06@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется соотношение терминов «отложение судебного заседания» и «отложение судебного разбирательства». Приводятся ситуации, когда возникает необходимость переносить заседания в рамках подготовки дела к рассмотрению по существу. Излагаются доводы с точки зрения принципа презумпции невиновности о несостоятельности норм, предполагающих принятие судом по результатам предварительного слушания решения об отложении судебного заседания при наличии приговора об условном осуждении, не вступившего в законную силу. Делается вывод о необходимости внедрения комплексного института отложения судебного заседания, действие которого будет распространяться на все стадии уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, подготовка к заседанию, предварительное слушание, отложение судебного заседания, отложение судебного разбирательства

Для цитирования: Тарасова Ю. И., Шиплюк В. А. Проблемы отложения предварительного слушания по уголовным делам // Криминалистъ. 2024. № 1 (46). С. 83 – 88.

Original article

THE PROBLEMS OF POSTPONING PRELIMINARY HEARING IN CRIMINAL CASES

Yuliya I. TARASOVA¹, Vladimir A. SHIPLYUK²

¹Prosecutor's Office of Pustoshkinsky district of Pskov region, Pustoshka, Pskov region, Russia, sgapnauka@yandex.ru

²North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, ship-06@mail.ru

Abstract. The article analyzes the correlation of the terms «postponement of the court session», «postponement of the trial». The situations are given, as a result of which it becomes necessary to postpone hearings in the framework of preparing the case for consideration on the merits. The arguments are given from the point of view of the principle of presumption of innocence on the insolvency of the norms that presuppose the adoption by the court, based on the results of the preliminary hearing, of a decision to postpone the court session in the presence of a suspended sentence that has not entered into force. It is concluded that it is necessary to introduce a comprehensive institution of adjournment of the court session, the effect of which will extend to all stages of the criminal process.

Keywords: criminal proceedings, preparation for session, preliminary hearing, postponement of the court session, postponement of the trial

For citation: Tarasova Yu. I., Shipliyuk V. A. The problems of postponing preliminary hearing in criminal cases. Criminalist. 2024;1(46):83-88. (In Russ.).

© Тарасова Ю. И., Шиплюк В. А., 2024

Согласно Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118). Статья 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) декларирует осуществление уголовного преследования, назначение наказания и прекращение уголовного преследования в разумный срок, предполагая соблюдение участниками процесса сроков, установленных уголовно-процессуальным законом, и продление данных сроков только в соответствии с ним, указывая обстоятельства, которые принимаются во внимание при определении разумного срока уголовного судопроизводства. К таким обстоятельствам относятся время заявления о причинившем вред деянии, сложность материалов проверки, проведенной в порядке ст. 144 УПК РФ, или уголовного дела, поведение участников процесса, в том числе факты злоупотребления своими правами, достаточность и эффективность действий профессиональных участников уголовного судопроизводства, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ).

Более конкретные сроки, признаваемые разумными, определены специальным федеральным законом. Например, «если установлен подозреваемый или обвиняемый, заявление о взыскании компенсации за нарушение сроков подлежит принятию судом, если оно подано до прекращения уголовного преследования или до вступления в законную силу обвинительного приговора суда при условии предшествующего обращения с заявлением об ускорении рассмотрения и срока производства более четырех лет»¹.

¹ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-

Создание условий для соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства, в том числе на предварительном слушании по уголовному делу, зависит от действий суда и прокурора, направленных на своевременное разрешение дела (ст. 6.1 УПК РФ).

К действиям и решениям, направленным на создание таких условий, относятся соответствующее актуальному временному периоду выяснение и подтверждение прокурором обстоятельств и заявление им ходатайства о приостановлении или об отложении судебного разбирательства, а судом – вынесение соответствующего требованиям закона решения по обозначенному ходатайству. Именно данные действия и процессуальные акты наибольшим образом связаны с временными отрезками уголовного судопроизводства и влияют на общий срок рассмотрения дела. Неоднократное необоснованное отложение судебного разбирательства, вызванное в том числе злоупотреблением своими правами участниками процесса и не пресеченное вовремя, зачастую ведет к нарушению положений ст. 6.1 УПК РФ. В то же время своевременное приостановление судебного разбирательства по законным основаниям свидетельствует о законности перерыва и приостанавливает течение срока рассмотрения дела по существу.

Отложение судебного разбирательства согласно нормам ст. 253 УПК РФ осуществляется при отсутствии возможности провести его по причине неявки лиц, явка которых необходима для полного и всестороннего рассмотрения уголовного дела; технических неполадках, связанных с использованием видео-конференц-связи; принятии решения об истребовании новых доказательств. Общие нормы о приостановлении судебного разбирательства предполагают его приостановление в случае розыска подсудимого или при подтверждении факта наличия у него психического расстройства или иной тяжелой болезни, исключающих разрешение дела в его отсутствие (ст. 6.1 УПК РФ).

Таким образом, можно констатировать, что если отложение судебного разбиратель-

ФЗ : текст с изм. и доп. на 5 дек. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

ства связано с примерно известным суду периодом, в течение которого он должен совершить какие-либо действия (например, вызвать новых свидетелей), то приостановление производства — с обстоятельствами, не ограниченными временными рамками и не имеющими стопроцентной вероятности наступления тех или иных событий (например, приостановление производства в связи с розыском обвиняемого или подсудимого).

Проблемы, касающиеся института отложения судебного разбирательства, возникают уже на предварительном слушании по уголовному делу, когда судебное разбирательство еще не начато, но уже есть основания для перерыва в нем.

Связь предварительного слушания с созданием условий для последующего судебного разбирательства следует из ряда предлагаемых определений процедуры. Некоторые ученые характеризуют предварительное слушание как «необязательный, факультативный элемент стадии назначения судебного заседания... проводится по ходатайству стороны или по собственной инициативе суда при необходимости разрешения ряда вопросов, требующих ознакомления с материалами уголовного дела и с мнением сторон, для устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом первой инстанции» [1, с. 361]. В. В. Кальницкий определяет предварительное слушание как форму (порядок) деятельности суда в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, которая имеет место при наличии установленных законом оснований и заключается в рассмотрении возникающих по делу вопросов с участием сторон [2, с. 40]. Л. Н. Сыроватская рассматривает предварительное слушание как «разновидность судебного заседания, проводимого судьей единолично в закрытом режиме в целях подготовки к судебному разбирательству (исключения недопустимых доказательств, возвращения дела прокурору для устранения препятствий к рассмотрению дела судом и т. п.) либо прекращения производства по делу при наличии к тому оснований» [3, с. 7]. Т. Н. Долгих под предварительным слушанием понимает

одну из форм непосредственного судебного контроля за соответствием действий органов дознания и предварительного следствия требованиям закона, представляющую собой последовательный этап в стадии подготовки к судебному заседанию, в ходе которого посредством реализации принципа состязательности решаются основные вопросы дальнейшего движения уголовного дела в целях решения задач уголовного судопроизводства [4, с. 9]. Т. К. Рябинина считает, что предварительное слушание — это особый порядок производства на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, представляющий собой состязательную процедуру, обеспечивающую отправление правосудия в первой судебной стадии специфическими средствами, обусловленными как общими задачами стадии — проверка материалов уголовного дела с целью установления наличия или отсутствия достаточных оснований и подготовка надлежащих условий для судебного разбирательства уголовного дела, в случае установления таких оснований, так и задачами предварительного слушания — разрешение наиболее сложных и спорных вопросов, касающихся прав и законных интересов сторон и требующих принятия решения судьей с учетом их мнения [5, с. 271 — 272].

Таким образом, если говорить о предварительном слушании как процедуре, то оно представляет собой судебное заседание, проводимое судьей единолично, с обязательным участием сторон, в условиях состязательности и закрытости, при наличии оснований для решения вопроса о возможности перехода на следующий этап уголовного судопроизводства — рассмотрение уголовного дела по существу, и создания для него условий. При этом явка сторон на предварительное слушание обязательна, а направление уведомления должно быть осуществлено судом за трое суток до дня его проведения. В отсутствие обвиняемого предварительное слушание возможно, только если поставлен вопрос о рассмотрении дела без участия подсудимого.

По мнению Т. К. Рябининой, главной задачей предварительного слушания, по итогам которого судья принимает одно

из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 236 УПК РФ, следует признать разрешение судом в условиях судебного заседания с учетом мнения сторон: а) спорных вопросов, связанных с установлением определенных препятствий к назначению судебного разбирательства и их устранением; б) заявленных ходатайств, предусмотренных ч. 2 ст. 229 УПК РФ; в) иных вопросов, касающихся обеспечения прав сторон и создания необходимых условий для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу; г) вопросов, влияющих на выбор формы (порядка) предстоящего судебного разбирательства [5, с. 261].

На практике возможны ситуации, когда явка сторон не обеспечена, например, по вине секретаря судебного заседания либо стороны не смогли явиться в судебное заседание по уважительным причинам, но настаивают на том, чтобы предварительное слушание было проведено. При таких обстоятельствах необходимо решить вопрос о переносе рассмотрения заявленных ходатайств либо разрешения иных вопросов. Но что должно быть отложено: предварительное слушание, судебное заседание либо судебное разбирательство?

Использование термина, не существующего в качестве самостоятельного института в уголовном процессе России, может повлечь неправильное понимание стадийности уголовного процесса, так как неясно, должен суд отложить предварительное слушание либо он должен назначить судебное разбирательство и отложить его в соответствии со ст. 253 УПК РФ.

Такое самостоятельное решение, как отложение предварительного слушания, в уголовно-процессуальном законодательстве России отсутствует, отложение судебного заседания (именно заседания, а не разбирательства) также УПК РФ не предусмотрено. Верховный Суд Российской Федерации под отложением предварительного слушания предлагает понимать отложение заседания суда на определенный срок в случае, если на предварительном слушании заявлено ходатайство о дополнительном ознакомлении с материалами уголовного дела¹.

¹ О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих

Если рассматривать возможные перерывы в уголовном процессе, то они регламентируются положениями ст. 253 УПК РФ, которая уделяет внимание отложению и приостановлению судебного разбирательства.

Судебное разбирательство в науке уголовного процесса признается самостоятельной стадией, суть которой заключается в рассмотрении уголовного дела по существу. Как отмечает Л. В. Головкин, «под судебным разбирательством сегодня в законе понимается судебное заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций (п. 51 ст. 5 УПК РФ). Однако в российской уголовно-процессуальной теории понятие судебного разбирательства охватывает лишь стадию рассмотрения уголовного дела по существу, т. е. в первой инстанции, в силу чего принято проводить разграничение между: а) судебным заседанием (любое заседание суда любой инстанции); б) судебным разбирательством (стадия уголовного процесса, предназначенная для рассмотрения уголовных дел по существу)» [6, с. 865]. Некоторые ученые называют судебное разбирательство основной стадией уголовного процесса, представляющей собой исследование всех представляемых сторонами обвинения и защиты доказательств, по результатам которого делается главный вывод всего уголовного судопроизводства о виновности или невиновности лица в совершении преступления, о наказании или об освобождении от наказания [7, с. 18]. Другие связывают его с разрешением вопроса об уголовной ответственности подсудимого, производимым в судебном заседании в условиях устного и непосредственного исследования доказательств [8, с. 482].

Таким образом, институт отложения судебного разбирательства не должен в полной мере распространяться на стадию подготовки к судебному заседанию, частью которой является предварительное слушание по уголовному делу. Хотя сами по себе положения ст. 253 УПК РФ (глава 35

подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 : текст с изм. и доп. на 15 мая 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УПК РФ) охватывают проведение предварительного слушания в силу положений ст. 234 УПК РФ.

Как решение о перерыве, принимаемое по результатам предварительного слушания, в законе зафиксировано решение об отложении судебного заседания в связи с наличием не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело, за ранее совершенное им преступление. Такое решение не в полной мере отвечает доктринальным положениям о предварительном слушании, стадиях уголовного процесса, сущности и свойствах судебного решения, так как не подразумевает принятие решения именно по правовому конфликту: приобщить или не приобщить приговор к материалам дела [9, с. 117–123]. Содержание п. 6 ч. 1 ст. 236 УПК РФ, по нашему мнению, не позволяет определить, что имеет в виду законодатель под отложением судебного заседания: отложение предварительного слушания или переход в стадию судебного разбирательства без назначения судебного заседания, что нарушает правила стадийности уголовного процесса [9, с. 117–123].

Помимо указанных выше недостатков п. 6 ч. 1 ст. 236 УПК РФ фактически предполагает юридическое значение еще не вступившего в силу приговора об условном осуждении. Такой подход законодателя может трактоваться как нарушающий принцип презумпции невиновности, согласно которому виновность может быть установлена только вступившим в законную силу приговором суда (ст. 14 УПК РФ). Значение данного принципа нельзя никоим образом умалять, признавая возможные из него исключения, с учетом его закрепления в том числе в Конституции Российской Федерации (ст. 49). Если возможность приобщения к материалам уголовного дела не вступившего в силу приговора суда трактовать не как нарушение принципа презумпции невиновности, то ситуация может доходить до абсурда, в частности, когда преюдициальное значение будет иметь приговор, не вступивший в законную силу, или в основу пригово-

ра будет положен обжалуемый в суд акт государственного органа.

Признавая подмену терминов «отложение судебного заседания» и «отложение судебного разбирательства», одни ученые предлагают к перечню решений по результатам предварительного слушания добавить решение об отложении предварительного слушания [10, с. 28], другие — предусмотреть новую норму о вынесении судьей решения об отложении предварительного слушания, расположив ее в ст. 234 УПК РФ [5, с. 333].

Нам представляется наиболее верным введение комплексного института отложения судебного заседания, который будет распространяться на все стадии уголовного судопроизводства, предполагая перерыв в заседании для обеспечения его проведения в будущем. Такой институт будет иметь место как в рамках пересмотра судебных решений, так и при рассмотрении вопросов об исполнении приговора, предусматривать отложение судебного заседания, например, при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и отвечать потребностям практической деятельности, всегда связанной с человеческим фактором, подразумевающим под собой возможность неявки в судебное заседание, неполучение документов в необходимый срок или иные субъективные обстоятельства. Таким образом будет обеспечена возможность сделать перерыв для вызова лиц и истребования документов на любой судебной стадии процесса, а термин «судебное разбирательство» будет употребляться в общем научном смысле, как рассмотрение уголовного дела по существу. Полагаем возможным вести речь об уточнении положений ст. 253 УПК РФ и изменении термина «судебное разбирательство» на «судебное заседание», а также о рассмотрении вопроса о распространении действия данных норм (после их соответствующей доработки) на иные виды судебных заседаний, кроме рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции по существу, с учетом целей и задач соответствующих стадий.

Список источников

1. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник / В. Н. Авдеев, И. А. Антонов, О. В. Антропов [и др.] ; под ред. Э. К. Кутуева ; науч. ред. и вступ. ст. В. П. Сальникова. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т МВД России : Фонд «Университет», 2019. 583 с. (Учебники для вузов, специальная литература).
2. Кальницкий В. В. Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе : учеб. пособие. Омск : Омская акад. МВД России, 2018. 67 с.
3. Сыроватская Л. Н. Предварительное слушание в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Сыроватская Людмила Николаевна. Майкоп, 2005. 182 с.
4. Долгих Т. Н. Институт предварительного слушания в уголовном судопроизводстве России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Долгих Татьяна Николаевна. Калининград, 2007. 213 с.
5. Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... д-ра юрид. наук / Рябинина Татьяна Кимовна. Саратов, 2021. 545 с.
6. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 2017. 1280 с.
7. Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс : учебник. Челябинск : Южно-Уральский гос. ун-т, 2016. 562, [1] с.
8. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : КНОРУС, 2008. 704 с.
9. Тарасова Ю. И. Актуальные вопросы, возникающие на предварительном слушании при наличии сведений, имеющих значение для правильного рассмотрения уголовного дела // Криминалистика. 2021. № 4 (37). С. 117 – 123.
10. Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XII. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию. Общие условия судебного разбирательства. Москва : Российский технологический университет (МИРЭА), 2018. 111 с.

Информация об авторах

Ю. И. Тарасова – заместитель прокурора Пустошкинского района Псковской области;
В. А. Шиплюк – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Yu. I. Tarasova – Deputy Procurator of Pustoshkinsky district of Pskov region;
V. A. Shipluk – Associate Professor at the Department of criminal procedural law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.13

ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОДМЕНУ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Сергей Евгеньевич ТИХОНОВ

Прокуратура Железнодорожного района г. Ульяновска, Ульяновск, Россия, aaa73serg@mail.ru

Аннотация. В статье на примере конкретных уголовных дел исследуется допустимость доказательств, полученных при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, подменяющих следственные действия, для проведения которых УПК РФ определена специальная процедура. Предлагается дополнить ст. 202 УПК РФ положениями, посвященными получению образцов голоса при отказе подозреваемого от их предоставления.

Ключевые слова: допустимость, признание доказательств недопустимыми, оперативно-разыскные мероприятия, образцы голоса, уголовный процесс

Для цитирования: Тихонов С. Е. Вопросы допустимости доказательств, полученных в результате оперативно-разыскных мероприятий, направленных на подмену следственных действий // Криминалист. 2024. № 1 (46). С. 89 – 94.

Original article

ISSUES OF THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE OBTAINED
AS A RESULT OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES AIMED
AT REPLACING INVESTIGATIVE ACTIONS

Sergey E. TIKHONOV

Prosecutor's Office of Zheleznodorozhny district of Ulyanovsk, Ulyanovsk, Russia, aaa73serg@mail.ru

Abstract. In this article the author using the examples of specific criminal cases investigates the admissibility of evidence obtained during the implementation of operational investigative measures that replace investigative actions, for which the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation defines a special procedure. It is proposed to supplement Article 202 of the Code of Criminal Procedure with the provisions on obtaining voice samples when a suspect refuses to provide them.

Keywords: admissibility, recognition of evidence as inadmissible, operational investigative measures, voice samples, criminal process

For citation: Tikhonov S. E. Issues of the admissibility of evidence obtained as a result of operational investigative measures aimed at replacing investigative actions. Criminalist. 2024;1(46):89-94. (In Russ.).

Актуальным является совершенствование положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, посвященных использованию сведений, которые

были получены при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ). Проанализировав отечественную судебную практику, приходим к выводу, что нередко

© Тихонов С. Е., 2024

результаты оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) и производные от них доказательства признаются судами недопустимыми. Одним из оснований признания доказательств недопустимыми является проведение ОРМ, направленных на подмену следственных действий, для проведения которых Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) определена специальная процедура. Активные дискуссии о роли материалов ОРД свидетельствуют о назревшей необходимости реформирования законодательства в данной области [1, с. 185 — 192].

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в своих Определениях от 29 мая 2014 года № 1198-О¹, 20 февраля 2014 года № 286-О², 19 июня 2012 года № 1112-О³, 25 января 2012 года № 167-О-О⁴, 25 ноября 2010 года

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пронкиной Марины Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктами 4 и 6 части первой и частью третьей статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 1198-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тененбаума Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2014 г. № 286-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агаева Руслана Солтанбековича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 1112-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лункина Вячеслава Владимировича и Лункина Виталия Владимировича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 4 части второй статьи 38, частью первой статьи 86 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2012 г.

№ 1487-О-О⁵, 4 февраля 1999 года № 18-О⁶, полученные в ходе ОРМ результаты еще не признаются в уголовном процессе доказательствами, а представляют собой лишь сведения о фактах, которые при соблюдении норм Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в ходе их получения могут быть признаны в качестве доказательств по уголовному делу после закрепления установленным УПК РФ процессуальным путем. Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 25 февраля 2010 года № 261-О-О отмечена возможность проведения ОРМ и следственных действий строго установленными действующим законодательством субъектами и лишь исключительно в случае наличия условий и оснований для их проведения⁷. Закон не допускает проведение по поручению следователя, расследующего преступление в рамках находящегося у него в производстве уголовного дела, ОРМ, направленных на подмену следственных и иных процессуальных действий, для проведения которых УПК РФ определена специальная процедура. Идентичная позиция Конституционного Суда Российской Федерации изложена в Определениях

№ 167-О-О, Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клещ Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2010 г. № 1487-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немых Натальи Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьей 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 87, 186 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от 24 января 2008 года № 104-О-О, от 1 декабря 1999 года № 211-О по жалобам Бухрова Д. Ю. и Барковского К. О. о нарушении их конституционных прав¹.

Однако к определению, какие ОРМ не могут подменять следственные действия и, соответственно, их результаты не могут признаваться допустимыми доказательствами, отсутствует единый подход.

Например, Ленинский районный суд города Оренбурга в обоснование вины Н. и К. в инкриминируемом им преступлении в сфере незаконного оборота наркосодержащих веществ ссылаясь в том числе на содержащиеся в материалах уголовного дела девять заключений фоноскопических экспертиз, которые были проведены с использованием образцов голоса Н. и К.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 202 УПК РФ следователь наделен правом получения у свидетелей, подозреваемых, обвиняемых образцов, необходимых для проведения сравнительного исследования в целях проверки принадлежности оставленных следов. Согласно материалам уголовного дела, Н. отказался предоставить образцы голоса. В этой связи в следственную службу УФСКН на основании поручения следователя были переданы полученные в ходе ОРМ — опроса, проведенного с применением негласной аудиозаписи, материалы в отношении Н. Данная аудиозапись в качестве образца голоса Н. в последующем была предоставлена в экспертное учреждение для проведения фоноскопических экспертиз. При проверке законности приговора кассационная инстан-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 г. № 104-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01 декабря 1999 г. № 211-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ция указала, что по смыслу уголовно-процессуального законодательства запрещена подмена определенного ст. 186 и 202 УПК РФ порядка проведения следственных действий, направленных на получение образцов для сравнительного исследования. В результате признано, что предоставленные для проведения экспертиз по уголовному делу образцы голоса и речи Н. были получены с нарушением требований УПК РФ.

Осужденный К. в порядке, определенном ст. 202 УПК РФ, добровольно дал образцы своей речи и голоса в отсутствие адвоката, от которого он отказался, но фактически он ему не был предоставлен. Получение образцов голоса К. для сравнительного исследования также признано противоречащим требованиям УПК РФ, поскольку К. адвокат предоставлен не был, в материалах уголовного дела ордера адвоката не содержалось. На судебном заседании подсудимый К. заявил о том, что он отказался от услуг адвоката в ходе изъятия образцов голоса и речи из-за воздействия на него следователя.

Кассационным определением от 13 июня 2019 года Президиум Самарского областного суда, рассмотрев уголовное дело № 4У-1223/2019, исключил из приговора Ленинского районного суда города Оренбурга и апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда ссылки на заключения девяти фоноскопических экспертиз, проведенных с использованием полученных у Н. и К. сравнительных образцов речи и голоса².

Наделение в ст. 202 УПК РФ следователя правом получать у подозреваемых, обвиняемых образцы почерка или иные образцы в целях проведения сравнительного исследования без закрепления в УПК РФ негативных юридических последствий для лиц, которые должны предоставить такие образцы, при отказе в их предоставлении не позволяет следователю эффективно реализовать предоставленное ему право. В этой связи представляет интерес институт гражданского процессуального права — нега-

² Кассационное определение Президиума Самарского областного суда от 13 июня 2019 г. по уголовному делу № 4У-1223/2019 // Самарский областной суд : сайт. URL: <https://oblsud--sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2023).

тивных юридических последствий для лиц, уклоняющихся от проведения экспертизы и предоставления эксперту необходимых материалов, документов. Суть института негативных последствий сводится к тому, что в таком случае суд вправе установить или опровергнуть тот факт, для выяснения которого была назначена экспертиза. Подобная норма в УПК РФ, безусловно, уменьшила бы сопротивление обвиняемых в предоставлении образцов для сравнительного исследования и тем самым способствовала бы практической реализации принципа осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок. Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство, можно констатировать наличие пробела в регулировании правоотношений, связанных с реализацией полномочий по получению образцов, предназначенных для проведения сравнительного исследования [2, с. 310–313], особенно в системной связи с позицией о недопустимости их получения непроцессуальными средствами.

Вместе с тем, рассмотрев жалобу гражданина Павелкина В. А. о нарушении его конституционных прав ст. 202 УПК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 23 апреля 2020 года № 1055-О¹ сделал вывод о возможности получения в ходе ОРМ образцов голоса у подозреваемых, обвиняемых для проведения по уголовному делу сравнительного исследования. Из данного Определения следует, что в силу своей специфичности образцы голоса у подозреваемого, обвиняемого не могут быть получены следователем в результате принуждения, если лицо отказывается от их предоставления, что не позволяет следователю реализовать полномочия, закрепленные в ст. 202 УПК РФ, и выступает преградой на пути достижения целей и решения задач уголовного судопроизводства, в первую очередь связанных с защитой законных интересов и прав потерпевших. В подобной

¹Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павелкина Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2020 г. № 1055-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ситуации разрешается прибегнуть к предусмотренным отечественным законодательством иным процедурам, направленным на получение у подозреваемых, обвиняемых образцов голоса и не нарушающим положения ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Думается, что такой подход является более взвешенным и находится в соответствии с назначением уголовного судопроизводства.

Основной причиной возникновения на практике диаметрально противоположных подходов к возможности использования при проведении сравнительного исследования образцов голоса и речи, полученных в ходе ОРМ, является отсутствие достаточной четкости национального законодательства в рассматриваемой сфере. Усугубляет проблему тот факт, что в России судебный прецедент хотя и не признается источником права, однако, как и во множестве стран романо-германской правовой системы, судебной практике из года в год отводится все более значительная роль, в том числе решениям судов апелляционной и кассационной инстанций.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 6 и п. 3 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» поручение следователя по уголовному делу выступает в качестве основания для осуществления ОРМ, к которым, в числе прочего, относят получение образцов для сравнительного исследования. Согласно чч. 2, 3 ст. 11 и ч. 4 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут передаваться следователю, осуществляющему расследование преступления, как для доказывания значимых обстоятельств в соответствии с положениями УПК РФ, так и в целях подготовки и проведения необходимых следственных действий. Вышеизложенные нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» находятся в системной взаимосвязи с положениями УПК РФ, наделяющими следователя правом давать обязательные для исполнения письменные поручения об осуществлении ОРМ, а результаты последних использовать в уголовном процессе при доказывании. При этом не является нарушением неприкосновенности

частной жизни гражданина получение у подозреваемого и обвиняемого образцов голоса для сравнительного исследования, так как в данном случае обеспечивается защита интересов общества и государства от преступных посягательств, поскольку реализуется необходимость в образцах голоса подозреваемых, обвиняемых для раскрытия и расследования преступлений.

Получение образцов голоса подозреваемого в целях проведения сравнительного исследования не относится к числу действий, в ходе которых лицо вопреки положениям ст. 51 Конституции Российской Федерации принуждается свидетельствовать против себя, делать заявления, каким-либо образом уличающие его в преступлении. Непосредственно сами по себе образцы голоса и речи не относятся к числу доказательств, а выступают в качестве предмета, подлежащего исследованию, а также средства для проведения отдельных следственных действий, направленных на получение доказательств в будущем, которые в порядке, определенном ст. 87, 88 УПК РФ, должны быть проверены и оценены¹.

Исходя из того, что уголовный процесс направлен на ограничение полномочий государственно-властных органов с целью защиты субъективных прав человека, возможность вторжения в такие права должна быть точно обозначена законодателем, что не позволит произвольно определять ее границы. Думается, что в законе необходимо четко указать те ОРМ, которые могут непосредственно приводить к получению доказательств, не требуя проверки полученных результатов с помощью производства следственных и иных процессуальных действий. В целях достижения в правоприменительной практике единообразия, а также преодоления существующих неопределенностей целесообразно дополнить ст. 202 УПК РФ положениями, которые бы позволяли в ходе ОРМ получить образцы голоса у подозреваемого, обвиняемого для сравнительного исследования при отказе от их предоставления.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2020 г. № 1055-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Из текста ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» следует, что на оперативные службы возложены полномочия по проведению следующих ОРМ: прослушивание телефонных переговоров, наведение справок, опрос, сбор образцов для сравнительного исследования, обследование помещений, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации, отождествление личности, исследование документов и предметов, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений. Данные ОРМ по своей сути являются аналогами следственных действий, закрепленных главами 25 – 27 УПК РФ.

В научной литературе и практической деятельности обсуждается вопрос не только о подмене в результате осуществления ОРМ, направленных на получение образцов для сравнительного исследования, соответствующего следственного действия, но и о подмене, например, следственного действия – обыска оперативно-розыскным мероприятием – обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Так, согласно материалам уголовного дела, 27 апреля 2010 года оперуполномоченным Управления ФСКИН России по Свердловской области было проведено ОРМ – обследование жилого помещения, принадлежащего К., на основании разрешения, выданного Свердловским областным судом 1 сентября 2009 года в соответствии со ст. 4 – 8, 10, 13 – 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В результате проведения вышеуказанного ОРМ в жилище К. были изъяты части неочищенного опийного мака в виде маковой соломки общей массой 2,99 г. В этот же день и в том же порядке с разрешения Свердловского областного суда, полученного еще 7 апреля 2010 года, было проведено ОРМ – обследование жилого помещения, принадлежащего Р., по результатам которого также были изъяты части неочищенного опийного мака в виде маковой соломки общей массой 31,16 г. При этом Р. и К. согласия на проникновение в жилище не давали.

Как следовало из материалов ОРД, имеющих в уголовном деле, сотрудники Госнарс

коконтроля на момент проведения обследования жилых помещений Р. и К. располагали достаточными данными для инициирования возбуждения уголовного дела, однако не пресекли преступную деятельность, предоставив тем самым возможность продолжить ею заниматься. Кассационная инстанция указала, что обследование помещений относится к числу ОРМ, направленных на решение задач оперативно-розыскной деятельности. Согласно правовому смыслу положений ст. 2, 6, 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», находящихся в тесной взаимосвязи, проведение ОРМ «обследование помещений» должно осуществляться негласно и не может иметь цель, направленную на изъятие и обнаружение по уже возбужденному уголовному делу доказательств. В результате в жилищах Р. и К. фактически были проведены обыски до возбуждения уголовного дела с нарушением требований ст. 182 УПК РФ. Результаты ОРМ — обследование жилых помещений Р. и К. судом признаны недопустимыми доказательствами, соответственно, они не могли быть использованы для установления причастности Р. и К. к преступлениям, что по-

влекло их оправдание и признание за ними права на реабилитацию¹.

В целях исключения аналогичных фактов подмены следственного действия оперативно-розыскным мероприятием положительный эффект возымело бы внесение в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» изменений, касающихся разграничения гласных и негласных мероприятий, конкретизирующих условия и основания проведения ОРМ, а также порядок и способы документирования результатов ОРД. В качестве образца нормы, регламентирующей порядок документирования, можно использовать ст. 166 УПК РФ.

Предложенные меры согласуются с принципом формальной определенности закона, изложенным в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года № 8-П, который гласит, что ясность и точность предписаний законодателя выступают в качестве неотъемлемых элементов верховенства права и в то же время служат гарантиями, способствующими обеспечению эффективной защиты личности от произвольного уголовного преследования².

Список источников

1. Стремоухов А. В., Иванов И. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути их решения // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 185–192.
2. Солодовниченко Р. А., Солодовниченко Т. А. Проблема реализации полномочия следователя на получение образцов для сравнительного исследования // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 3. С. 310–313.

Информация об авторе

С. Е. Тихонов – помощник прокурора Железнодорожного района г. Ульяновска.

Information about the author

S. E. Tikhonov – Assistant Procurator of Zheleznodorozhny district of Ulyanovsk.

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 января 2013 г. № 45-О12-77. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ч. 4 ст. 111 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
СОВЕРШЕННЫХ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Илья Владимирович ТРИФОНОВ

Третье отделение отдела криминалистики Западного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, ilja.trifonov@ro.ru

Аннотация. На основе статистических данных и материалов уголовных дел выявлены и проанализированы проблемы, возникающие при производстве первоначальных следственных действий по преступлениям, предусмотренным ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенным на объектах железнодорожного транспорта, и предложены способы их решения. На примере конкретного многоэпизодного уголовного дела описываются характерные признаки личности потерпевших. Акцентируется внимание на необходимости знания и использования методических рекомендаций в целях обеспечения повышения уровня подготовки следователей транспортных отделов к проведению следственных действий.

Ключевые слова: криминалистика, тактика следственных действий, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, осмотр места происшествия, допрос подозреваемого (обвиняемого), железнодорожный транспорт

Для цитирования: Трифонов И. В. Особенности проведения отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенных на объектах железнодорожного транспорта // Криминалистика. 2024. № 1 (46). С. 95 – 100.

Original article

THE SPECIFICS OF CARRYING OUT INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS
AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER PART 4
OF ARTICLE 111 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
COMMITTED AT RAILWAY TRANSPORT FACILITIES

Ilya V. TRIFONOV

The Third Division of the Criminalistics Section of the Western Interregional Investigative Department for Transport of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, ilja.trifonov@ro.ru

Abstract. On the basis of statistical data and materials of criminal cases the author identifies and analyzes the problems that arise during the initial investigative actions on crimes at railway transport facilities under Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation committed and proposes ways of solving them. On the example of a specific multi-episode criminal case the characteristic features of the victims' personality are described. It is proposed to develop methodological recommendations to improve the level of training of investigators of the transport departments to conduct investigative actions.

© Трифонов И. В., 2024

Keywords: criminalistics, tactics of investigative actions, intentional infliction of serious harm to health that caused the death of the victim by negligence, inspection of the scene of the incident, interrogation of the suspect (accused), railway transport

For citation: Trifonov I. V. The specifics of carrying out individual investigative actions at the initial stage of the investigation of crimes under Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation committed at railway transport facilities. *Criminalist*. 2024;1(46):95-100. (In Russ.).

Железнодорожный транспорт как одно из важнейших направлений экономики страны обладает особенностями, которые обуславливают специфичность преступлений, совершаемой на данном виде транспорта.

Число преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), совершенных на объектах железнодорожного транспорта, длительное время остается на относительно стабильном уровне. Так, в 2018 году совершено 64 преступления указанного вида, в 2019 году – 50, 2020 году – 51, 2021 году – 55, 2022 году – 48, в первом полугодии 2023 года – 18. Вместе с тем раскрываемость преступлений рассматриваемой группы в 2022 году по сравнению с 2021 годом упала на 42,5 %, в январе – июне 2023 года – на 29 %¹. Представляется, что такое снижение может быть обусловлено недостаточным представлением о построении и проверке версий, ограниченным знанием специфики работы железнодорожного транспорта, небольшим следственным опытом следователей, отсутствием контроля со стороны руководителей следственных подразделений.

При расследовании преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенных на объектах железнодорожного транспорта, сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с определенными трудностями, которые чаще всего связаны со спецификой работы железнодорожного транспорта (большая протяженность железных дорог, круглосуточный режим работы, значительный пассажиропоток).

Основными незамедлительными проверочными мероприятиями и следственными действиями при поступлении сообщения о совершенном умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего, на

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <https://мвд.рф/foider/101762> (дата обращения: 08.09.2023).

объектах железнодорожного транспорта являются:

осмотр места происшествия и трупа с участием судебно-медицинского специалиста, эксперта криминалистической службы и следователя-криминалиста;

установление пассажиров и членов поездной бригады для опроса и допроса по обстоятельствам происшествия [1, с. 63 – 65];

установление наличия камер видеонаблюдения на близлежащей к месту совершения преступления территории для отслеживания маршрута следования подозреваемого лица.

Очевидно, что наиболее значимым первоначальным следственным действием на начальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенных на железнодорожном транспорте, является осмотр места происшествия, качество его производства в значительной степени влияет на их раскрытие. Осмотр места происшествия на объектах железнодорожного транспорта требует от следователя и участвующих специалистов знания тактики производства следственного действия и используемой криминалистической техники. По мнению Е. П. Ищенко, «от того, насколько криминалистически грамотно произведено это следственное действие, часто зависит успех всего расследования» [2, с. 106], что подтверждается изученными материалами уголовных дел и опросами следователей – значительная часть преступлений раскрывается благодаря своевременно и качественно проведенному осмотру места происшествия – 86 %.

Вместе с тем может возникнуть проблема с установлением собственно места совершения преступления. Именно такая ситуация сложилась при расследовании совершенных в период с 2008 по 2009 год на территории города Москвы и Московской области хищений П. имущества пассажиров пригородных

электропоездов. Поскольку преступления совершались с использованием нейролептических препаратов, имеющих седативный эффект, конкретные места совершения преступных деяний длительное время были не установлены, что вызвало на первоначальном этапе серьезные затруднения в установлении всех обстоятельств совершения преступлений.

Анализ следственной практики позволил определить типичные недостатки осмотра места происшествия:

выезд на место происшествия следственно-оперативной группы не в полном составе; проведение следственного действия без специалиста;

пренебрежительное отношении сотрудников патрульно-постовой службы полиции к охране места происшествия (место совершения преступления часто не совпадает с местом обнаружения трупа).

Для восполнения недостатков первоначального осмотра места происшествия немаловажное значение имеют результаты фотосъемки и видеосъемки, осуществленной при проведении следственного действия.

Применение средств фотофиксации при осмотре места происшествия характеризуется простотой, наличием фотокамеры практически на любом персональном мобильном устройстве. Так, по данным опроса 35 сотрудников правоохранительных органов, 78 % из них при проведении осмотра места происшествия используют средства фотофиксации.

В то же время использование средств видеофиксации подразумевает затрату следователем большего времени как в ходе проведения следственного действия, так и при составлении протокола осмотра места происшествия. Преимущество использования средств видеофиксации в ходе проведения рассматриваемого следственного действия очевидно — при детальном изучении видеозаписи следователь имеет возможность воссоздать обстановку на месте происшествия либо устранить недостатки, допущенные при проведении указанного следственного действия.

Эффективность осмотра места происшествия зависит от понимания следователем специфики данного следственного действия,

правильного применения технико-криминалистических средств, методических рекомендаций и тактических приемов его проведения.

Особое значение для доказывания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенных на объектах железнодорожного транспорта, имеют показания о фактических данных, позволяющие воссоздать полную картину события преступления. Наиболее распространенным процессуальным способом выяснения обстоятельств произошедшего является допрос [3, с. 580]. Допрос служит одним из основных вариантов процессуального получения доказательств. Мы согласны с В. А. Образцовым в том, что «допрос является самым эффективным следственным действием, наиболее распространенным и практически востребованным во всех случаях предварительного расследования» [4, с. 502].

Опрос сотрудников Следственного комитета Российской Федерации показал, что на проведение допросов участвующих лиц тратится 87 % рабочего времени, что объясняется «получением наибольшего объема сведений, доказательственной информации, необходимых для установления истины по делу и устранения имеющихся противоречий в системе доказательств» [5, с. 278].

Проведенный нами анализ 47 уголовных дел об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего, совершенном на объектах железнодорожного транспорта, показал, что такие дела на четверть состоят из протоколов допросов; две четверти составляют постановления о назначении судебных экспертиз, заключения экспертов и протоколы ознакомления участвующих лиц с постановлениями о назначении и заключениями судебных экспертиз, а также материалы оперативно-разыскной деятельности; оставшаяся часть образуют иные процессуальные документы.

Анализ следственной практики правоохранительных органов, в том числе по уголовным делам о преступлениях прошлых лет, демонстрирует недостаточный уровень тактических и криминалистических знаний следователей следственных отделов на

транспорте, невзирая на существование ряда научно-методических работ по этой теме [6, 7]. Слабая организация расследования преступлений анализируемой категории, а также применение минимального набора тактических приемов и средств воздействия в ходе проведения допроса указывают на наличие проблем, связанных с подходом к расследованию преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенных на железнодорожном транспорте.

Избрание верной тактики проведения допроса по преступлениям против жизни и здоровья во многом определяет конечный результат такого следственного действия. Р. С. Белкин в своих трудах пояснял, что «сложность допроса заключается не только в том, что следователю в ряде случаев противостоит человек, не желающий говорить правду и даже вообще не желающий давать показания, но и в том, что в показаниях человека, искренне стремящегося сообщить следователю все известное ему по делу, могут быть ошибки и искажения, заблуждения и вымысел, которые при допросе надлежит своевременно обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний» [8, с. 97].

Предмет допроса определяется положениями ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Сотрудники следственных отделов на транспорте отсутствие эффективных результатов первоначальных следственных действий, а именно допроса, объясняют небольшим сроком службы (76 %).

Сложность в выборе тактики допроса потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого по делам о преступлениях рассматриваемой категории состоит в необходимости обязательного учета особенностей железнодорожного транспорта (круглосуточный режим работы, большое скопление людей, протяженность маршрута следования).

Допросу участвующих лиц по уголовному делу предшествует подготовка следователя к его проведению [9, с. 10; 10, с. 18]. Однако следователи редко используют возможность подготовиться к допросу, что в большинстве случаев обусловлено отсутствием свободного времени и недооценкой

значимости данного вида следственного действия. Схожая ситуация наблюдается и в отношении изучения следователями путей преодоления противодействия со стороны подозреваемых и обвиняемых.

Определено, что этап подготовки к допросу должен включать: подбор вопросов, изучение первоначальных показаний лица на стадии доследственной проверки, моделирование предполагаемой позиции подозреваемого лица. Подчеркнем, что проведение допроса неопытным следователем может повлечь формирование ошибочных версий, что в свою очередь приведет к затрате времени и средств в дальнейшем на их проверку. В 79 % случаев сотрудниками транспортных отделов привлекаются к участию в допросе наиболее опытные следователи-криминалисты, оказывающие, в частности, помощь в осуществлении видеофиксации следственного действия. Стоит заметить, что применение видеозаписи при допросе подозреваемого (обвиняемого) позволяет в последующем провести психолого-лингвистическую судебную экспертизу с целью выявления признаков заученности.

Зачастую подозреваемые и обвиняемые противодействуют установлению истины по делу. Самым используемым в ходе допроса приемом противодействия расследованию является дача ложных показаний.

Тактические приемы выявления и преодоления дачи ложных показаний в ходе допроса по преступлениям, предусмотренным ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенным на объектах железнодорожного транспорта, изложены в трудах В. П. Лаврова [11, с. 63]. Укажем некоторые такие приемы:

- детализация показаний; предъявление доказательств, содержащих противоположные сведения о событии преступления;
- выбор таких вопросов, которые опровергают пояснения допрашиваемого лица;
- обоснование смысла выяснения истины для самого лица;
- неожиданная постановка прямого жесткого вопроса.

В случае получения от подозреваемого (обвиняемого) лица показаний, не содержащих сведений о его причастности к совершенному преступлению, следует предъявить ему для ознакомления имеющиеся

по делу доказательств (показания потерпевших и свидетелей, записи камер видеонаблюдения). Такой тактический шаг дает возможность внушить подозреваемому (обвиняемому), что следователь имеет полное представление о его преступных деяниях, а также позволит зафиксировать в протоколе допроса показания относительно изобличающей его информации.

Отсутствие полного представления о происшедшем в момент совершения преступления обязывает следователя детально изучать характерологические особенности личности как подозреваемого лица, так и потерпевшего.

Мы считаем, что упущением следователей следственных отделов на транспорте является поверхностное отношение к криминалистическим, справочным и оперативным учетам, неприменение цифровых технологий при расследовании преступлений рассматриваемой категории. Как отмечал Р. С. Белкин, «потенциальные возможности использования экспертно-криминалистических учетов для раскрытия и расследования преступлений реализуются не в полную силу» [12, с. 135]. Так, анализ материалов уголовных дел о преступлениях анализируемой категории свидетельствует о том, что 78 % преступлений раскрыто с помощью использования криминалистических учетов органов МВД России, 22 % — по показаниям потерпевших и свидетелей, записям с камер видеонаблюдения.

Одним из значимых факторов результативной подготовки к допросу является использование диагностических алгоритмов выявления свойств личности на основе сведений, содержащихся в информации вер-

бального и невербального свойства. В научной среде представлены разнотипные программы допроса [13, с. 316—318; 14, с. 33]. В связи с тем что стаж работы большинства следователей на транспорте не превышает трех лет, изучение ими методических рекомендаций по подготовке к проведению следственных действий (осмотра места происшествия, допроса, проверки показаний на месте) при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных на железнодорожном транспорте, является приоритетной задачей.

Пути решения вышеуказанных проблем заключаются в использовании следователем в своей практической деятельности методических рекомендаций. В методическое обеспечение расследования исследуемой группы преступлений в обязательном порядке должны входить программы проведения осмотра места происшествия и допроса, а также подготовки к ним. Достижения в области криминалистики, уголовного процесса, психологии дают возможность выработать рекомендации по подготовке и проведению рассматриваемых следственных действий, выбору участников. При разработке рекомендаций следует учитывать следственную ситуацию, воздействие различных факторов.

Таким образом, преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенные на объектах железнодорожного транспорта, представляют собой распространенное явление, обладают индивидуальными особенностями, предопределяемыми спецификой железнодорожного транспорта, что отражается на процессе подготовки и производства таких следственных действий, как осмотр места происшествия и допрос.

Список источников

1. Грибунов О. П., Третьякова Е. И. Расследование преступлений, совершаемых на транспорте : учеб. пособие. Иркутск : Восточ.-Сиб. ин-т МВД России, 2013. 148 с.
2. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Изд. 2-е, испр., доп. и перераб. Москва : ИНФРА-М, 2010. 780 с.
3. Криминалистика : учебник / под ред. А. И. Бастрыкина. Москва : Экзамен, 2015. 970 с.
4. Криминалистика : учебник / Е. М. Ашмарина, М. П. Хилобок, Е. Н. Викторова [и др.] ; под ред. В. А. Образцова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2002. 735 с.
5. Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2011. 768 с.

6. Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2013. 304 с.
7. Ушаков О. М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Ушаков Олег Михайлович. Владивосток, 2004. 189 с.
8. Лифшиц Е. М., Белкин Р. С. Тактика следственных действий. Москва : Новый Юрист, 1997. 176 с.
9. Богомолова С. Н., Образцов В. А. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. Москва : Омега-Л, 2003. 160 с.
10. Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса : учеб.-практ. пособие. Москва : Юрлитинформ, 2001. 320 с.
11. Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : курс лекций. Москва : Акад. управления МВД России, 2011. 148 с.
12. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия : справ. пособие. 2-е изд., доп. Москва : Мегатрон-XXI, 2000. 333 с.
13. Современная информационная среда как объект оперативно-розыскной деятельности / Н. А. Моисеев, Н. Г. Новоселов, М. В. Серегин, А. В. Чиненов // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6 (121). С. 316–318.
14. Карагодин В. Н. Разработка и использование программ допроса // Теоретические и практические проблемы программирования процесса расследования преступлений : межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т им. Р. А. Руденко ; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драбкина. Свердловск : СЮИ, 1989. С. 61–67.

Информация об авторе

И. В. Трифонов – старший следователь-криминалист третьего отделения отдела криминалистики Западного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

I. V. Trifonov – Senior investigator-criminologist of the Third Division of the Criminalistics Section of the Western Interregional Investigation Department for Transport of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.9

О ПРОБЛЕМЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА,
СОВЕРШАЕМЫХ С ЛИЦАМИ В ВОЗРАСТЕ ОТ 14 ДО 16 ЛЕТ С ИХ СОГЛАСИЯ

Надежда Владимировна ТЫДЫКОВА

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, academnauka@rambler.ru

Аннотация. В статье доказываются отсутствие оснований криминализации действий сексуального характера, совершаемых с лицами в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, при условии, если такие лица вступают в сексуальные отношения добровольно. Представлен анализ статистических данных, свидетельствующих о массовости таких деяний и большой доле лиц, освобождаемых от уголовной ответственности за их совершение. Приводятся аргументы о неверной оценке законодателем общественной опасности таких деяний и наличии противоречий положений УК РФ с положениями семейного законодательства. Внесено предложение о декриминализации действий сексуального характера (в том числе развратных действий), совершаемых в отношении потерпевших от четырнадцати до шестнадцати лет, в том варианте, в котором они криминализированы сегодня. Обоснована идея закрепления соответствующего состава административного правонарушения в КОАП РФ и состава преступления с административной преюдицией в УК РФ. Доказывается, что предлагаемые меры не станут фактором снижения защиты детей от преступлений, совершаемых лицами, страдающими педофильскими расстройствами.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, действия сексуального характера, проституция, криминализация, половые преступления

Для цитирования: Тыдыкова Н. В. О проблеме криминализации действий сексуального характера, совершаемых с лицами в возрасте от 14 до 16 лет с их согласия // Криминалистъ. 2024. № 1 (46). С. 101 – 108.

Original article

ON THE PROBLEM OF CRIMINALIZATION OF VOLUNTARY SEXUAL ACTIONS
PERFORMED WITH PERSONS AGED FROM 14 TO 16 YEARS

Nadezhda V. TYDYKOVA,

Altai State University, Barnaul, Russia, academnauka@rambler.ru

Abstract. The article proves the absence of grounds for criminalizing voluntary acts of a sexual nature committed with persons aged fourteen to sixteen years. An analysis of statistical data is presented, indicating the widespread nature of such acts and the large proportion of persons exempted from criminal liability for their commission. Arguments are given about the legislator's incorrect assessment of the social danger of such acts and the existence of contradictions between the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the provisions of family law. A proposal has been made to decriminalize acts of a sexual nature (including indecent acts) committed against victims from fourteen to sixteen years of age in the form in which they are criminalized today. The idea is substantiated of fixing the appropriate elements of an administrative offense in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the elements of a crime with administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation. It is proven that the proposed measures will not become a factor in reducing the protection of children from crimes committed by persons suffering from pedophilic disorders.

© Тыдыкова Н. В., 2024

Keywords: sexual inviolability, acts of a sexual nature, prostitution, criminalization, sexual offences

For citation: Tydykova N. V. On the problem of criminalization of voluntary sexual actions performed with persons aged from 14 to 16 years. *Criminalist*. 2024;1(46):101-108. (In Russ.).

Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), имеет ряд сложностей с позиции закрепления признаков объективной стороны преступления и разграничения с составом, предусмотренным ст. 135 УК РФ, о чем неоднократно упоминалось в специальной литературе [1]. Не менее важным является вопрос обоснованности установления максимального возраста потерпевших в этих составах. В настоящее время он определен в шестнадцать лет и считается возрастом, до которого все лица обладают половой неприкосновенностью.

В соответствии со ст. 13 Семейного кодекса Российской Федерации брачный возраст в Российской Федерации составляет восемнадцать лет. Но более 20 субъектов Российской Федерации в настоящее время допускают в виде исключения с учетом особых обстоятельств возможность вступления в брак с четырнадцати лет. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 21 октября 2008 года указал, что положения ст. 13 Семейного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями ст. 134 УК РФ исключают противоправность полового сношения лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, после регистрации их брака¹. Однако нормы УК РФ не содержат положений, которые могли бы препятствовать привлечению к уголовной ответственности совершеннолетнего супруга лица, не достигшего шестнадцати лет, за указанные действия [2].

Если различное определение возраста вступления в брак в зависимости от субъекта Российской Федерации допускается с

позиции семейного права, то уголовный закон предполагает действие его норм на всей территории Российской Федерации. Эти положения не позволяют сформулировать единое для всей страны правило о возрасте половой неприкосновенности, если только он не определен в четырнадцать лет.

Сам законодатель в разные периоды времени по-разному решает вопрос относительно конкретной возрастной границы «согласия». Федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ² в диспозиции нормы ст. 134 УК РФ помимо возрастного критерия в качестве второго обязательного признака потерпевшего было названо недостижение им половой зрелости. Однако такое решение многими специалистами было воспринято скептически [3; 4, с. 61; 5, с. 62], а практика показала ряд неразрешимых проблем, ввиду чего уже в конце 2013 года этот признак был исключен из текста ст. 134 УК РФ. Хотя сама идея включения в норму второго обязательного признака была разумной и позволяла не привлекать к ответственности за определенные действия с лицами, которые к ним физиологически были готовы, поэтому общественно опасный вред не наступал. С 1998 по 2003 год возраст «согласия» в анализируемой норме был зафиксирован в четырнадцать лет. Об оценке общественной опасности как невысокой в некоторых случаях при совершении действий сексуального характера с лицами до шестнадцати лет говорит и примечание 2 к ст. 134 УК РФ, которое не позволяет применять наказание в виде лишения свободы за деяние, предусмотренное ч. 1 этой статьи и ч. 1 ст. 135 УК РФ, если

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 568-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет.

Из анализа данных о количестве осужденных по разным частям ст. 134 УК РФ за

последние пять лет следует, что примерно 88 % всех лиц осуждаются за соответствующие действия, совершенные в отношении потерпевших от четырнадцати до шестнадцати лет (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Количество осужденных по ст. 134 УК РФ
(в редакции Федерального закона от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ)
в 2018 – 2022 годах**

Ст. 134 УК РФ	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Ч. 1	2 280	2 108	1 930	2 257	2 329
Ч. 2	14	21	14	15	19
Ч. 3	296	257	238	293	325
Ч. 4	18	22	12	20	25
Ч. 5	6	3	2	5	3
Ч. 6	6	3	0	3	8
Всего	2 620	2 414	2 198	2 593	2 709

Примечание: Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 12 месяцев 2022 г., 2021 г., 2020 г., 2019 г., 2018 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 17.08.2023).

Сравнение статистических показателей за те же годы показывает, что осужденных за действия сексуального характера с лицами, не достигшими шестнадцати лет, с их согласия даже больше, чем количество осужден-

ных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера (табл. 2). Эти данные говорят о массовости подобных действий.

Т а б л и ц а 2

Количество осужденных по ст. 131, 132 УК РФ в 2018 – 2022 годах

Статья УК РФ	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Ст. 131	2 049	1 815	1 449	1 595	1 641
Ст. 132	2 047	2 055	1 755	2 202	2 364

Примечание: Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2022 г., 2021 г., 2020 г., 2019 г., 2018 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 17.08.2023).

В связи с массовостью таких деяний не может не возникнуть вопрос о том, обладают ли общественной опасностью действия, содержащие признаки деяний, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ, совершаемые, например, между восемнадцатилетним и пятнадцатилетней, понимающей характер таких действий и их возможные последствия.

Видится, что нет. Также представляется сомнительной криминализация аналогичных действий, если они совершаются между лицами и с немного большей разницей в возрасте. Причиной, по которой такие отношения нуждаются в защите, является возможность авторитетного и более опытного взрослого оказывать влияние на принятие

решения лицом, не достигшим шестнадцати лет, о котором он может впоследствии сожалеть, так как не обладал достаточным жизненным опытом для его принятия. Если пятнадцатилетнее лицо не находится в беспомощном состоянии, то можно говорить лишь о последствии в виде нарушения половой неприкосновенности (как искусственной категории), которое в данном случае имеет место только потому, что законодатель установил именно такой возрастной предел. Возможно, при принятии соответствующего решения под влиянием взрослого лица наступят неблагоприятные последствия в области нравственного и полового воспитания и развития лица, но вряд ли они сами по себе могут быть оценены как общественно опасные, предотвратить которые возможно только методами уголовного права. Исследователи справедливо отмечают, что возможно конструировать уголовно-правовой запрет только после предварительного позитивного урегулирования поведения граждан в той или иной области социальных отношений, так как часть системы охранительного публичного права — уголовное право обеспечивает защиту только от тех нарушений, которые требуют самой суровой правовой реакции [6, с. 14].

Анализ статистических данных¹ показывает, что в подавляющем большинстве случаев преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, совершается лицами в возрасте от восемнадцати до двадцати четырех лет. Так, лиц в возрасте от восемнадцати до двадцати четырех лет среди совершивших деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, за последние пять лет 70—77 %, что свидетельствует о совершении таких действий, как правило, между лицами с небольшой разницей в возрасте, соответственно, и уровне физического и эмоционального развития, как правило, в рамках возникших межличностных отношений. Осужденных той же

возрастной категории среди совершивших деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 134 УК РФ, также много 69—74 %. При этом только 27—37 % осужденных за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 135 УК РФ, — лица в возрасте восемнадцати — двадцати четырех лет. Такой небольшой процент относительно процента той же возрастной группы осужденных за преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, вряд ли говорит о том, что они совершают действия, подпадающие под признаки развратных, реже, чем предусмотренные ч. 1 ст. 134 УК РФ. Скорее, это говорит о том, что большая часть таких деяний остается латентной по ряду причин, среди которых и оценка их опасности самим обществом как низкая и не всегда требующая обращения в правоохранительные органы.

В юридической литературе ставится вопрос о целесообразности криминализации деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ [7]. С учетом того, что в ряде регионов России вступление в брак допускается с четырнадцати лет, видится возможным в ст. 134 и 135 УК РФ возраст потерпевшего определить от двенадцати до четырнадцати лет. Такой подход позволит привести в соответствие концепцию половой неприкосновенности с положениями других отраслей права, а также исключит привлечение к уголовной ответственности лиц за деяния, в которых общественная опасность не усматривается. Также при таком решении будет исключена необходимость в примечаниях к ст. 134 УК РФ, так как до достижения четырнадцати лет вступление в брак невозможно ни по каким основаниям, а при указанных возрастных признаках потерпевшего и виновного разница в их возрасте не может составлять менее четырех лет. Предложение о снижении возраста потерпевшего в ст. 134 УК РФ высказывают и другие исследователи, приводя соответствующие обоснования отсутствия опасности рассматриваемых действий в отношении лиц в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет [8]. Аргументом в пользу снижения возраста потерпевшего в ст. 134 УК РФ может служить и то, что возраст субъекта преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, устанавливается исходя из того, что лица, достигшие возраста четырнадцати лет, могут осозна-

¹ Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации 12 месяцев 2018 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г., 2022 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 17.08.2023).

вать общественную опасность подобных действий, а значит, и их характер, значение и возможные последствия. Анализ данных о количестве осужденных, совершивших половые преступления в несовершеннолетнем возрасте на территории Российской Федерации, показывает, что существенная их доля — лица в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет¹. Среди несовершеннолетних, совершивших изнасилование, лиц в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет от 34 % до 44 % в разные годы, насильствен-

ные действия сексуального характера — от 54 % до 65 %.

Нелогичным видится признание осознания лицами в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет общественной опасности насильственных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность личности и возможности привлечения их к уголовной ответственности при одновременном запрете на вступление в половые отношения с такими лицами, но их допущении при вступлении в брак с такими лицами.

Т а б л и ц а 3

Данные о видах назначенного наказания и основаниях освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, в 2018 – 2022 годах

Вид наказания и основание освобождения от ответственности	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Реальное лишение свободы	245	217	193	238	199
Условное лишение свободы	509	477	408	431	426
Ограничение свободы	311	238	207	229	253
Обязательные работы	839	844	840	1079	1146
Принудительные работы	2	4	1	1	7
Штраф	12	10	16	24	24
Прекращено на основании примечания к статье	12	16	8	8	6
Прекращено по другим основаниям	5	8	3	10	11
Освобождено от наказания или наказание не назначалось	361	305	255	240	254
Прекращено в связи с примирением с потерпевшим	703	752	783	901	721
Назначена мера уголовно-правового характера судебный штраф	220	386	399	68	10
Освобождено от ответственности в связи с деятельным раскаянием	41	25	15	26	9

Примечание: Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2022 г., 2021 г., 2020 г., 2019 г., 2018 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 17.08.2023).

Приведенные данные (табл. 3) показывают, что наблюдается ежегодное увеличение доли случаев, когда применяется наказание

в виде обязательных работ, с 36,8 % в 2018 году до 49,2 % в 2022 году, т. е. этот вид наказания применяется почти к каждому вто-

¹ Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 2022 г., 2021 г., 2020 г., 2019 г., 2018 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 17.08.2023).

рому осужденному по ч. 1 ст. 134 УК РФ. Доля освобожденных от уголовной ответственности составила: в 2018 году — 42,5 %, в 2019 году — 55,5 %, в 2020 году — 62 %, в 2021 году — 44,5 %, в 2022 году — 32,2 %. То есть примерно половина совершивших деяние, содержащее признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, освобождаются от уголовной ответственности по различным нереабилитирующим основаниям. Это свидетельствует о том, что правоприменителями общественная опасность таких деяний не определяется как высокая и требующая во всех случаях применения мер уголовной ответственности.

Если говорить об уголовно-правовом механизме защиты детей от педофилии, то четырнадцатилетний возраст — это верхняя граница возраста детей, влечение к которым может быть диагностировано как педофилия¹. Таким образом, предлагаемая мера не станет фактором снижения защиты детей от преступлений, совершаемых лицами, страдающими педофилическими расстройствами.

Анализ статистических данных² показывает, что лиц в возрасте от тридцати лет и старше среди совершивших деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, относительно немного — 9–11 %, а среди совершивших деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 135 УК РФ, — уже 50–67 %. Лиц той же возрастной категории среди совершивших преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 135 УК РФ, — 60–65 %, при том что лиц

¹ Медицинский справочник болезней : сайт. URL: <https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/psychiatric/pedophilia> (дата обращения: 10.09.2023) ; Brown George R. Педофилическое расстройство // Справочник МВД. Профессиональная версия : сайт. URL: https://www.msmanuals.com/ru/профессиональный/нарушения_психики/парафилические-расстройства/педофилическое-расстройство (дата обращения: 10.09.2023).

² Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 12 месяцев 2022 г., 2021 г., 2020 г., 2019 г., 2018 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 17.08.2023).

в возрасте от тридцати лет и старше, совершивших преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 134 УК РФ, существенно меньше — 16–20%. Эти данные, а также результаты анализа материалов судебной практики позволяют с большой долей вероятности предположить, что существенное число случаев совершения развратных действий лицами старше тридцати лет (в том числе и старше пятидесяти лет) представлены действиями, совершаемыми дистанционно, которые вряд ли можно определить как совершаемые в рамках межличностных отношений. Наличие определенного числа «гибридных» случаев совершения действий сексуального характера (в том числе развратных действий), т. е. когда после их совершения дистанционным способом они совершаются при личном контакте, не позволяет оставить их без правовой охраны. Статистика показывает, что лица, совершившие преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 135 УК РФ, — почти все старше тридцати лет. Для обеспечения оптимального баланса между декриминализацией действий, совершаемых лицами с относительно небольшой разницей в физиологическом и эмоциональном развитии между ними и потерпевшими в рамках межличностных отношений, и необходимостью все-таки уголовно-правовой охраны нормального нравственного и полового развития несовершеннолетних видится оптимальным установление состава соответствующего преступления с административной преюдицией.

Состав соответствующего правонарушения может быть закреплен в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в главе 6 «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность». Такой состав должен охватывать любые действия сексуального характера (в том числе и половое сношение, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, достигшим четырнадцатилетнего возраста, но не до-

стигшим шестнадцатилетнего возраста), если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Состав преступления с административной преюдицией необходимо закрепить в одной из норм главы 18 УК РФ как совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, а также лицом, имеющим судимость за преступление, предусмотренное главой 18 УК РФ либо ст. 240 – 242.2 УК РФ. Последний признак обусловлен тем, что предусмотренные ст. 240 – 242.2 УК РФ деяния также могут посягать в том числе на нормальное нравственное и половое развитие несовершеннолетних как на дополнительный объект. При этом видится возможным в одном составе объединить все сексуальные действия, так как в рассматриваемом контексте они могут быть оценены как влекущие примерно одинаковую опасность.

В качестве последствия декриминализации действий сексуального характера с лицами в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет при условии добровольности действий последних можно прогнозировать рост числа лиц в этом возрасте, вовлеченных в занятие проституцией. Однако УК РФ предусматривает самостоятельные составы преступлений, устанавливающие уголовную ответственность за вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), получение сексуальных услуг несовершеннолетнего в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет (ст. 240.1 УК РФ), организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Если ст. 134 и 135 УК РФ претерпят изменение в виде снижения максимального возраста потерпевшего до четырнадцати лет, то ст. 240.1 УК РФ также потребует изменений. Действующая редакция ст. 240.1 УК РФ устанавливает минимальный возраст несовершеннолетнего потерпевшего в шестнадцать лет и не предусматривает уголовную ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего в более молодом возрасте. Можно предположить, что причиной такого решения является то, что любые действия сексу-

ального характера с лицами до достижения шестнадцати лет требуют квалификации по ст. 131, 132, 134 или ст. 135 УК РФ. Однако следует заметить, что объекты этих преступлений разные. Правильным представляется включить в ст. 240.1 УК РФ часть 3, которая бы предусматривала уголовную ответственность за получение сексуальной услуги несовершеннолетнего в возрасте до четырнадцати лет. Конечно же, квалификация по этой статье будет требовать вменения еще и ст. 131, 132 УК РФ или ст. 134 УК РФ, или ст. 135 УК РФ в зависимости от обстоятельств содеянного. Такая совокупность обусловлена необходимостью защиты разных объектов, ущерб которым причиняется в результате разных действий. По этой причине нельзя согласиться с позицией отдельных авторов, которые говорят о необходимости разграничения составов, предусмотренных ст. 132 и 240.1 УК РФ, по признаку возмездности или безвозмездности [9, с. 9]. И тем более нельзя согласиться с идеей объединения деяния, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ, с деяниями, предусмотренными нормами главы 18 УК РФ, ввиду их общего объекта [10, с. 95 – 96].

Таким образом, на наш взгляд, возможна декриминализация действий сексуального характера (в том числе развратных действий), совершаемых в отношении потерпевших от четырнадцати до шестнадцати лет, в том варианте, в котором они криминализированы сегодня. Обоснованна идея закрепления состава административного правонарушения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и состава преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе Российской Федерации. Такая мера позволит снизить уровень репрессивности уголовного закона и не привлекать к уголовной ответственности лиц за деяния, общественная опасность которых сомнительна, а причинение вреда может быть предупреждено иными мерами.

Список источников

1. Тыдыкова Н. В. О проблеме дифференциации уголовной ответственности за ненасильственные преступления против половой неприкосновенности лиц, не достигших 16-летнего возраста // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 68–74.
2. Барышева К. А., Матвеева М. В. Брачный возраст и возраст согласия: межотраслевые правовые коллизии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. № 4. С. 506–526.
3. Тыдыкова Н. В. Проблемы установления половой зрелости // Актуальные проблемы уголовного закона : сб. науч. ст. / Алтайский гос. ун-т [и др.]. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. Вып. 1. С. 31–35.
4. Цэнгэл С. Д. Уголовная политика в сфере защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних // Уголовная политика и проблемы правоприменения : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 1 ноября 2013 г. / сост. Е. Н. Рахманова. Санкт-Петербург : Петрополис, 2013. С. 157–161.
5. Мурзина Л. И. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 3. С. 61–65.
6. Асланян Р. Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук / Асланян Руслан Георгиевич. Краснодар, 2023. 46 с.
7. Дядюн К. В. К вопросу о разграничении понятий «развратные действия» и «иные действия сексуального характера» // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. науч. журн. 2019. № 5 (62). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/7209> (дата обращения: 10.09.2023).
8. Прозументов Л. М. Статья 134 УК РФ нуждается в совершенствовании // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 80–85.
9. Архипцев И. Н., Винокуров Э. А. Проблемы квалификации статьи 240. 1 УК РФ «получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» // Юристы-Правоведь. 2019. № 3 (90). С. 7–11.
10. Гусарова М. В. Несовершеннолетние как особый объект преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 93–97.

Информация об авторе

Н. В. Тыдыкова – доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Tydykova – Associate Professor at the Department of criminal law and criminology of the Altai State University, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.98

СУБЪЕКТ НЕНАДЛЕЖАЩЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И ЕГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Виталий Билалуевич ХАЗИЗУЛИН

Второй отдел по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю; Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, hazizulinvitali@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся обязательные условия возможности оказания медицинской помощи, а также анализируется роль медицинского работника в механизме ненадлежащего ее оказания. Обосновывается необходимость установления сведений о личности соответствующего субъекта, его профессиональной характеристике, а также индивидуальных особенностях, способных оказать непосредственное влияние на качество его профессиональной деятельности. Констатируется необходимость использования таких сведений в процессе выявления события конкретного преступления и при его юридической оценке.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинский работник, индивидуальные особенности, механизм ненадлежащей медицинской помощи, пациент, неблагоприятные последствия, криминалистически значимая информация, юридическая оценка

Для цитирования: Хазизулин В. Б. Субъект ненадлежащей медицинской помощи и его криминалистическое значение // Криминалистика. 2024. № 1 (46). С. 109 – 114.

Original article

THE SUBJECT OF IMPROPER HEALTH CARE AND ITS FORENSIC SIGNIFICANCE

Vitaliy B. KHAZIZULIN

The Second Division for investigation of Highly Important cases of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Primorsky Territory; Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, hazizulinvitali@mail.ru

Abstract. The article defines the mandatory conditions for the possibility of providing health care, and analyses the role of a health worker in the mechanism of its improper provision. The author substantiates the need to establish information about the personality of the relevant subject, his professional characteristics, as well as his individual characteristics that can directly affect the quality of his professional activity. The necessity is stated of using such information in the process of identifying the event of a particular offence and in its legal assessment.

Keywords: health care, health worker, individual characteristics, mechanism of improper rendering medical service, patient, adverse consequences, forensically relevant information, legal assessment

For citation: Khazizulin V. B. The subject of improper health care and its forensic significance. Criminalist. 2024;1(46):109-114. (In Russ.).

© Хазизулин В. Б., 2024

Эффективное расследование преступлений, связанных с медицинской помощью, невозможно без познания механизма ненадлежащего ее оказания как объекта криминалистического исследования. Обязательным элементом такого механизма выступают данные о медицинском работнике как непосредственном участнике соответствующего процесса. Для оценки этих данных в первую очередь необходимо обратиться к понятию медицинской деятельности как деятельности, имеющей профессиональную основу¹. Исходя из этого понятия, такая деятельность для ее субъекта предполагает обязательное наличие следующих условий:

профильное образование и аккредитация специалиста, позволяющая иметь легальный доступ к оказанию медицинской помощи и вести медицинскую практику;

трудоустройство в медицинскую организацию и наличие трудовых (должностных) обязанностей по осуществлению медицинской деятельности либо государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, непосредственно осуществляющего такую деятельность.

Таким образом, специальная подготовка и выполнение лечебной функции в профессиональном сообществе являются отличительным социальным признаком, который при соблюдении обозначенных условий позволяет констатировать наличие субъекта рассматриваемых правоотношений — медицинского работника, призванного оказывать медицинскую помощь на профессиональной основе. Именно личность и деяние этого субъекта в соответствующем процессе подлежат оценке с точки зрения их влияния на механизм ненадлежащей медицинской помощи.

Переходя к исследованию такого влияния, следует отметить, что особенность обозначенного механизма, как правило, на первоначальном этапе расследования не имеет ярко выраженного характера и не указывает на дефект оказания медицинской помощи,

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ : текст с изм. и доп. на 5 дек. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возникший по вине конкретного субъекта ее оказания. Напротив, следователю могут быть представлены иные обстоятельства, повлиявшие на данный дефект, связь которых с конкретным медицинским работником и его деянием в процессе оказания медицинской помощи внешне будет косвенная или опосредованная. Не исключено, что соответствующие сведения могут сопровождаться объяснениями о различных обстоятельствах, в том числе естественного характера. В частности, гибель плода в процессе родового акта может объясняться его нежизнеспособностью вследствие наличия внутриутробных патологий; отсутствие надлежащего медицинского лечения онкологического заболевания — его безрезультативностью; смерть престарелого пациента в процессе хирургической операции — его возрастом и наличием хронических заболеваний.

Данные обстоятельства обуславливают необходимость исследования механизма ненадлежащей медицинской помощи для обоснования наличия (отсутствия) прямой причинно-следственной связи между деянием медицинского работника и установленными обстоятельствами оказания (неоказания) медицинской помощи. И здесь, ввиду отсутствия достаточной информационной составляющей о влиянии такого деяния на жизнь и здоровье пациента, предварительное расследование должно быть нацелено на поиск доказательств, демонстрирующих характер соответствующей связи, и их обоснованную аргументацию.

В ходе этого поиска следователю необходимо осознавать, что процесс обращения за медицинской помощью и ее оказания, в том числе любые медицинские манипуляции, связанные с диагностикой и воздействием на организм пациента, влечет следообразование, т. е. формирование материальных следов медицинской деятельности.

Учитывая характер медицинской помощи, субъекты, вовлеченные в процедуру ее оказания, являются «творцами» таких следов. Медицинская документация и использованные препараты, биологические материалы и результаты их исследования, примененные медицинская техника и оборудование, иные средства, да и сам пациент,

как и медицинский работник, являются носителями криминалистически значимой информации, позволяющей установить обстоятельства лечебного процесса и его результат, а также уровень воздействия на организм лица, нуждающегося в оказании медицинской помощи.

Вероятность наличия соответствующих следов может быть различной и зависит от ряда факторов, обусловленных как промежуток времени от непосредственного события оказания (неоказания) медицинской помощи до момента начала его исследования, так и уровнем противодействия установлению объективной действительности со стороны заинтересованных лиц. Кроме того, большое значение в процессе их установления имеют индивидуальные личностные особенности медицинского работника, которые оказывают влияние на его профессиональную деятельность и обуславливают наличие и характер оставляемых им следов (в том числе следов-последствий) в процессе оказания ненадлежащей медицинской помощи.

Соглашаясь с мнением Н. Н. Демидова [1, с. 11], следует отметить, что сведения о личности субъекта оказания медицинской помощи, способе и характере его деяния, о взаимоотношениях с пациентом, безусловно, являются криминалистически значимой информацией по соответствующим уголовным делам, которую следователю надлежит незамедлительно получать для объективности и всесторонности проводимого расследования. При этом важно осознавать, что обозначенные особенности медицинского работника и его частные признаки могут оказать существенное влияние на процесс его взаимодействия с пациентом и, как следствие, на наличие следов его профессиональной деятельности. Достоверная информация о таком взаимодействии будет иметь объективный характер, поэтому она также подлежит установлению.

Анализ процедуры расследования по соответствующим уголовным делам свидетельствует, что при выявлении непосредственной причины неблагоприятных последствий для жизни и здоровья пациента следователь имеет возможность исследовать обуславливающие их факторы, сопоставляя все элементы

механизма ненадлежащей медицинской помощи и корреляционные связи между ними. Однако, учитывая необходимость использования в процессе такого установления специальных знаний, соответствующее исследование посредством комиссионной судебно-медицинской экспертизы может занять значительный период предварительного следствия.

В то же время обозначенная причина на первоначальном этапе расследования зачастую неизвестна. В связи с этим нужно комплексно подходить к изучению профессиональной деятельности и личности конкретного медицинского работника, в том числе в период проведения исследуемых медицинских манипуляций. При этом особое внимание надлежит уделять выявлению деяния, совершенного в нарушение регламентированной процедуры оказания медицинской помощи по конкретному клиническому профилю или с какими-либо отклонениями от устоявшейся практики, а также установлению его причины.

Соответствующие следственные действия в данном случае должны быть направлены не только на исследование конкретного факта оказания (неоказания) медицинской помощи, но и на ретроспективное изучение профессиональной деятельности медицинского работника, что позволяет установить дополнительно характеризующие его сведения, при их наличии. Так, в процессе уголовно-правовой оценки бездействия врача-хирурга М. по назначению необходимой пациенту эзофагогастродуоденоскопии при проведении расследования установлено, что этот медицинский работник уже имел судимость по ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с ненадлежащим оказанием им медицинской помощи другому лицу, что в совокупности с перечисленными обстоятельствами также свидетельствовало о его профессиональной некомпетентности¹.

При этом важно осознавать, что поведение медицинского работника в процессе оказания медицинской помощи, в том числе его отказ от выполнения каких-либо

¹ Контрольное производство по уголовному делу № 12002050010000076 //Архив СУ СК России по Приморскому краю. 2021 г.

необходимых действий, определяет содержание соответствующей медицинской деятельности, ее характер и последствия для организма пациента. Это подтверждает, что в перечень устанавливаемых следователем обстоятельств входят сведения о том, какие конкретно медицинские манипуляции и в каком объеме были выполнены либо проигнорированы медицинским работником, а также насколько они соответствуют положению об организации оказания конкретного вида медицинской помощи, порядку ее оказания, клиническим рекомендациям и стандартам медицинской помощи.

И здесь, как отмечено выше, важное криминалистическое значение имеет исследование индивидуальных особенностей личности медицинского работника с точки зрения их влияния на взаимоотношения с пациентом, на процесс выполнения медицинских манипуляций и на слефообразование при ненадлежащем оказании медицинской помощи. В частности, такие черты личности, как отзывчивость, добросовестность, самообладание и ответственность и т. п., будут положительно характеризовать соответствующего субъекта, хотя сами по себе они не являются однозначным подтверждением качества оказанной им медицинской помощи. В то же время их установление будет служить свидетельством общего отношения конкретного медицинского работника к своему профессиональному долгу, что наряду с иными доказательствами подлежит оценке с точки зрения внутреннего убеждения как следователя, так и прокурора и судьи.

Напротив, такие черты, как черствость и высокомерие, лживость и лень, эгоизм и самоуверенность и т. п., должны обращать на себя особое внимание, так как они способны оказать влияние на добросовестность и качество выполнения медицинским работником своей лечебной функции.

Так, невосприятие врачом жалоб пациента вследствие безразличия, в частности – медицинский газлайтинг [2, с. 147–153], может явиться причиной наступления неблагоприятных последствий для здоровья и жизни пациента. Например, по результатам судебного следствия установлено, что врач-хирург Л. необоснованно проигнорировал очевидные опасные симптомы у па-

циента и его жалобы, свидетельствующие о критическом воспалении у него поджелудочной железы, и два раза отказал ему в необходимой госпитализации, в результате наступила смерть лица, своевременно обратившегося за медицинской помощью¹.

Такие индивидуальные социально-психологические качества, как алкоголизм, системность в нарушении профессиональных обязанностей, рассеянность, профессиональная «усталость», утрата чувства профессионального долга [3, с. 63], излишняя самоуверенность, легкомыслие, пассивность, апатия и т. п., также подлежат скрупулезному изучению с точки зрения их влияния на качество медицинской помощи. Примером такого влияния служит следующая ситуация. Врач акушер-гинеколог К., находясь в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, не воспринял медицинские показания к незамедлительному родоразрешению путем проведения операции кесарево сечение, в результате чего ненадлежаще исполнил свои профессиональные обязанности в процессе родовспоможения, что повлекло гибель плода роженицы. В ходе расследования по данному уголовному делу также установлено, что указанный медицинский работник на протяжении пяти лет осуществлял профессиональную деятельность, состоя на учете в наркологическом диспансере с синдромом алкогольной зависимости, что в совокупности с совершенным им деянием позволило суду дать ему соответствующую характеристику при вынесении приговора².

Следует отметить, что при установлении подобных обстоятельств важно обращаться к причинам соответствующего поведения и изучать их следственным путем. Используя подход Ю. М. Антоняна и В. Е. Эминова [4, с. 257–260], можно выделить следующие из них, которые в рассматриваемых правоотношениях обращают на себя особое внимание:

эгоизм, обусловленный желанием медицинского работника реализовать личные цели (стремление избавиться от «лишней»

¹ Уголовное дело № 1-80/2023 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени. 2023 г.

² Уголовное дело № 1-6/2020 // Архив Чернышевского районного суда Забайкальского края. 2020 г.

нагрузки, упростить свои профессиональные обязанности, желание скрыть совершение других нарушений медицинских норм и правил и пр.);

избирательный правовой нигилизм, связанный с игнорированием определенной регламентации профессиональной деятельности ввиду субъективной оценки ее в качестве нецелесообразной либо излишней (использование личного мнения в обоснование отсутствия необходимости проведения тех или иных диагностических и медицинских манипуляций со ссылкой на свой собственный профессиональный опыт и знания и т. п.);

ложно понятые цели и задачи медицинской помощи, когда медицинский работник стремится завершить не доведенный до конца лечебный процесс, объясняя такое стремление необходимостью выполнения других обязанностей (выписка «недолеченного» пациента в целях освобождения койко-места для другого пациента, стремление снизить или повысить определенные статистические показатели и т. д.).

Такие мотивы свидетельствуют об игнорировании медицинским работником требований к процедуре оказания медицинской помощи, что характеризует его самого и субъективную сторону его деяния.

Кроме того, необходимо заметить, что профессиональная деформация медицинского работника также коррелирует с наступлением неблагоприятных последствий. В процессе медицинской помощи у субъекта ее оказания может возникнуть противоречие между достижением поставленной цели в виде эффективности медицинского лечения и его безопасностью. И здесь длительное профессиональное выполнение медицинских манипуляций (как в процессе оказания конкретной медицинской помощи, так и с позиции сформировавшегося профессионального опыта) способно повлиять на внимательность и осмотрительность медицинского работника. Примером такого влияния, в частности, являются факты «забывания» квалифицированными врачами инородных тел (салфеток, тампонов, медицинских инструментов) в организме пациентов в ходе хирургических операций¹.

¹ См., напр.: Уголовное дело № 1-329/2022 // Архив Фрунзенского районного суда г. Владивостока. 2022 г.

Однако в профессиональной медицинской среде численность медицинских работников обозначенной категории незначительна. Анализ следственно-судебной практики свидетельствует, что подавляющее большинство лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений при оказании медицинской помощи, являются специалистами с добросовестным отношением к профессиональным обязанностям, которые в определенной ситуации совершили неверные действия (бездействие). При этом мотивы их поведения разные: от неправильно сформированных навыков до растерянности. Они не свидетельствуют об антисоциальной направленности ментальных установок медицинских работников, однако также подлежат выявлению и исследованию.

В то же время приведенные примеры демонстрируют, как отдельные индивидуальные личностные особенности медицинского работника, несмотря на уровень его профессионального образования и стаж работы, послужили причиной наступления необратимых последствий, т. е. нашли отражение в самом событии ненадлежащей медицинской помощи. Следовательно, такие особенности во взаимосвязи и в совокупности с деянием медицинского работника оказывают непосредственное влияние на процесс негативного преобразования им окружающей материальной среды.

Таким образом, можно сделать вывод, что поскольку преступления, совершенные при оказании медицинской помощи, обусловлены человеческим фактором, характерные свойства и качества личности медицинского работника должны быть предметом исследования по соответствующим уголовным делам. И здесь необходимо подчеркнуть важность изучения закономерностей формирования у соответствующего субъекта предпосылок к ненадлежащей медицинской помощи, оказывающих влияние на его поведенческие акты и определяющих механизм такой «помощи», а также обуславливающих наступление неблагоприятных последствий для пациента. Это позволяет в прикладном плане провести криминалистическое исследование медицинской деятельности причастного к ней лица в целях определе-

ния ненадлежащего ее компонента, состоящего в прямой причинно-следственной связи с наступившими неблагоприятными последствиями.

Обобщая изложенное, отметим, что совокупность сведений о личности субъекта оказания медицинской помощи, его профессиональной характеристике, индивидуальных особенностях и навыках, влияющих на его поведение, является наглядным свидетельством роли медицинского работника в механизме ненадлежащей медицинской помощи, которая обуславливает соответствие лечебного процесса медицинским

нормам и правилам, а также положениям медицинской науки и практики. Сбор и процессуальное закрепление этих сведений, в том числе посредством фиксации следов оказания медицинской помощи, их анализа, наряду с иными элементами обозначенного механизма позволяют воссоздать картину указанного процесса в отношении определенного пациента, что, в свою очередь, дает возможность установить событие конкретного преступления и определить направление дальнейшего расследования [5, с. 128] в целях надлежащей юридической оценки соответствующего деяния.

Список источников

1. Демидов Н. Н. Изучение личности преступника в процессе расследования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Демидов Николай Николаевич. Волгоград, 2003. 23 с.
2. Похиленко А. Ю., Кашеева К. А. Газлайтинг как форма психологического давления в медицине // Гигиеническая наука – путь к здоровью населения : сб. ст. III Всерос. и II Междунар. конкурса молодых ученых, Самара, 2 июня 2020 г. / Самар. гос. мед. ун-т ; под ред. О. Ю. Милушкиной, А. В. Колсанова. Самара : СамГМУ, 2020. С. 147–153.
3. Хазизулин В. Б. Сущность механизма преступления как научное наследие Р. С. Белкина (на примере преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи) // Вестник криминалистики. 2022. № 3 (83). С. 61–66.
4. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическое психологическое исследование : монография. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2015. 366, [6] с.
5. Петрухина О. А., Шурухнов Н. Г. Данные о свойствах личности субъектов противоправной деятельности, мотивах, корреляциях для установления обстоятельств совершения экологических преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 128–136.

Информация об авторе

В. Б. Хазизулин – руководитель второго отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю, старший преподаватель Владивостокского государственного университета.

Information about the author

V. B. Khazizulin – Head of the Second Division for investigation of Highly Important cases of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Primorsky Territory, Senior Lecturer at the Vladivostok State University.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 34

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НАЦИСТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА В 1941 – 1944 гг.

Иван Панасович ЗАДЕРЕЙЧУК

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь, Россия, zadereychuk@rambler.ru

Аннотация. В статье впервые осуществлен анализ участия прокуратуры в работе Крымской республиканской и районных чрезвычайных комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Рассмотрены примеры деятельности прокуроров в созданных комиссиях, опыт направления специальных донесений Прокурору РСФСР о выявленных местах массовых расстрелов, разрушениях, ограбленных музеях. Изучена работа прокуратуры по информированию населения об установленных фактах массовых преступлений против мирных граждан, совершенных нацистами в годы оккупации полуострова.

Ключевые слова: прокуратура, военные преступления, преступления против человечности

Для цитирования: Задерейчук И. П. Деятельность прокуратуры по установлению и расследованию преступлений, совершенных нацистами на территории Крыма в 1941 – 1944 гг. // Криминалист. 2024. № 1 (46). С. 115 – 121.

Original article

THE WORK OF THE PUBLIC PROSECUTION SERVICE FOR ESTABLISHING AND INVESTIGATING CRIMES, COMMITTED BY THE NAZIS ON THE TERRITORY OF THE CRIMEA IN THE PERIOD 1941 – 1944

Ivan P. ZADEREYCHUK

Crimean Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Simferopol zadereychuk@rambler.ru

© Задерейчук И. П., 2024

Abstract. The article for the first time has analyzed involvement of the prosecutor's office in the work of Crimean Republican and districts extraordinary commissions to establish and investigate the atrocities of the German fascist invaders. Examples of the activities of the public prosecutors in the specially created commissions, the experience of sending special reports to the RSFSR Procurator on the identified places of mass shootings, destructions, looted museums are considered. The work of the Procurator's Office on informing the population about the ascertained facts of mass crimes against civilians committed by the Nazis during the occupation of the peninsula has been studied.

Keywords: prosecutor's office, war crimes, crimes against humanity

For citation: Zadereychuk I. P. The work of the Public Prosecution Service for establishing and investigating crimes, committed by the Nazis on the territory of Crimea in the period 1941 – 1944. *Criminalist*. 2024;1(46):115-121. (In Russ.).

В сферу деятельности российской прокуратуры входит проведение системной работы по недопущению реабилитации нацистской идеологии, пресечению любых форм проявления экстремизма. Прокуроры сегодня активно осуществляют государственно-патриотическое воспитание молодежи. Значительное внимание уделяется популяризации знаний об особенностях функционирования прокуратуры в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, и прежде всего о роли прокуратуры в установлении и документировании преступлений, совершенных нацистами на оккупированных территориях, об организации надзора за законностью деятельности Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Одним из регионов СССР, который значительно пострадал в годы Великой Отечественной войны, был Крым. На полуострове в 1941 – 1942 годах развернулись кровопролитные бои по защите Севастополя и Керчи. После захвата Крыма нацисты проводили политику, направленную на истребление местного населения, военнопленных, разграбление музеев, угон молодежи на принудительные работы в Германию.

Еще до полного освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков восстановленные органы советской власти организовали работу по установлению масштаба преступлений, совершенных нацистами за время оккупации полуострова. Спустя шесть дней после освобождения Симферополя, 19 апреля 1944 года, Советом Народных Комиссаров (СНК) Крымской АССР было принято постановление «Об учете

ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям, а также колхозам». Наркоматам и ведомствам Крымской АССР, а также исполкомам городских и районных советов депутатов трудящихся предписывалось немедленно приступить к проведению учета ущерба. Лица, ответственные за проведение учета, должны были осуществлять его в соответствии с действовавшей в то время Инструкцией, утвержденной Советом Народных Комиссаров (СНК) СССР 17 июня 1943 года¹. В этом документе закреплялось, что все руководители организаций, которые занимались учетом, несут ответственность за правильность и полноту проведения работы по установлению ущерба [1, с. 5].

20 апреля 1944 года было принято постановление СНК Крымской АССР и Крымского областного комитета ВКП (б) «Об образовании республиканской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крыма». Комиссия должна была в течение одного месяца провести работу по установлению и расследованию преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками, а также в двухмесячный срок определить

¹ Инструкция о порядке применения цен для учета ущерба, причиненного захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям и колхозам : утв. Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 17 июня 1943 г. № 664. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

размер ущерба, причиненного народному хозяйству Крыма [2, с. 5].

Прокуратура Крымской АССР активно включилась в работу, направленную на установление фактов совершения преступлений на территории полуострова в период его оккупации немецко-румынскими войсками. В своей деятельности работники прокуратуры руководствовались Положением о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, утвержденным Приказом Прокурора СССР от 6 июня 1943 года. Положение содержало перечень преступных действий нацистов и их пособников, которые военные следователи и дознаватели должны были разоблачить. Перечень включал в себя следующие преступления: убийства мирных граждан, насилие, издевательства и пытки, учиненные немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками над беззащитными людьми (женщинами, детьми, стариками); увод советских людей в немецкое рабство; пытки и истязания пленных, больных и раненых советских военнослужащих [3].

С первых дней работы республиканской и районных комиссий прокуроры стали готовить информацию о выявленных фактах преступлений, совершенных на территории Крыма, и направлять ее специальными донесениями на имя прокурора Крымской АССР. Обобщенная информация направлялась в Прокуратуру РСФСР.

Прокурор Крымской АССР Н. И. Чекалов 28 апреля 1944 года направил на имя Прокурора СССР К. П. Горшенина и Прокурора РСФСР А. А. Волина секретное спецдонесение. В нем руководство прокуратуры информировалось об образовании республиканской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и начале ее работы. Н. И. Чекалов сообщал и о начале работы всех организаций и учреждений по установлению ущерба, причиненного оккупантами. Отдельно прокурор Республики докладывал о чудовищных преступлениях нацистов против мирных жителей в Старом Крыму накануне его освобождения в апреле 1944 года. В своем донесении он писал, что «только за 1–2 часа обезумевшие от страха немцы расстреляли 589 человек, из них 200 детей, 261 женщину, 128 стариков.

Подобного рода факты имели место во многих местах Крыма»¹. Другое спецдонесение прокурора Крымской АССР Н. И. Чекалова, направленное 5 июня 1944 года в Прокуратуру РСФСР, содержало справку о фактах злодеяний немецко-фашистских оккупантов, выявленных прокуратурой Крыма. В ней сообщалось о работе, проделанной районными прокурорами в мае 1944 года по документированию и расследованию преступлений. Например, прокуратурой города Ялты в мае было расследовано два уголовных дела, возбужденных в отношении советских граждан, которые сотрудничали с оккупантами. По результатам расследования удалось установить участие А. Ф. Гайдаенко в ноябре 1943 года в ограблении жителей деревень Саблы и Джавер-Берды Симферопольского района, а впоследствии и в сожжении местного населения².

В июне 1944 года прокурором Карасубазарского района были предоставлены обобщенные данные об установленных районной комиссией преступлениях, совершенных нацистами и их пособниками. Он сообщал, что в Карасубазарском районе только в период с 1942 по 1943 год фашисты удушили при помощи душегубок более 1 000 человек, а всего за время оккупации погибло 2 758 советских граждан и 2 296 угнано на принудительные работы в Германию³.

20 апреля 1944 года прокурор Фрайдорфского района направил в республиканскую прокуратуру спецдонесение, в котором среди прочего сообщил, что «в деревне Атеш расстреляны почти все мужчины в количестве 48 человек только за то, что возле деревни были убиты два немецких офицера. Причем они были подвергнуты дикой расправе. Отрезались отдельные части тела, пускались иголки под ногти, выкалывались глаза. Из дома выносились лишь куски кровавого мяса»⁴.

Прокуроры принимали участие и в обследовании мест массовых расстрелов, территорий бывших тюрем, помещений гестапо. Например, известно, что в Ялте в санатории «Красный летчик» размещалось гестапо, а его подвалы немцы превратили в

¹ ГАРК. Ф. Р-2680. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

³ ГАРК. Ф. Р-2680. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

⁴ ГАРК. Ф. Р-2680. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

камеры для арестованных, где проводились пытки и убийства. В ходе обследования помещений на стенах удалось обнаружить надписи, одна из которых гласила: «Арестован в январе 1944 г., жду смерти, отомстите фашистам за невинных братьев. Терещенко Павел, 1926 года рождения»¹. Кроме того, в Магараचे комиссия обнаружила ров, где нацисты расстреляли более 2 000 советских мирных граждан. Было установлено, что всего за время оккупации Ялты население города уменьшилось на 71 %².

Работа прокуроров по фиксации злодеяний немецких захватчиков началась задолго до Великой Победы. Когда в ноябре 1942 года была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, прокуроры активно включились в ее работу [5, с. 96–98]. Однако существуют свидетельства того, что еще задолго до появления указанной Комиссии прокурорами уже проводилась работа по сбору сведений о преступлениях немецко-фашистских захватчиков и их пособников. Считается, что именно в районе поселка Багерovo на Керченском полуострове в январе 1942 года советские следователи и прокуроры, принявшие участие в эксгумации более 7 000 замученных и расстрелянных мирных граждан в противотанковом рве, впервые задокументировали подобные преступления в СССР. Благодаря им мир смог узнать о преступлениях против человечества, совершенных на оккупированных территориях, а в будущем эти доказательства советские прокуроры во главе с Р. А. Руденко использовали при судебном разбирательстве преступлений нацистского режима Международным военным трибуналом в городе Нюрнберге.

Надзор за законностью деятельности Крымской республиканской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников был возложен на прокуратуру Крымской АССР. Непосредственно мате-

риалы, направляемые в комиссию, проверяла опытный работник прокуратуры Раиса Марковна Сирота, которая с 1936 по 1941 год работала следователем прокуратуры города Симферополя, в эвакуации служила в должности прокурора отдела общего надзора, помощника прокурора по уголовно-судебному отделу, а в 1944 году заняла должность прокурора следственного отдела прокуратуры Крымской АССР³. Она, не жалея своего времени, изучала материалы районных комиссий, обращала внимание на неточности в документах, ошибки в цифрах, отсутствие подлинников документов, подписей всех членов комиссии.

Например, в отношении документов Сакской районной комиссии Р. М. Сирота указала на необходимость представления подлинных документов, а не копий заявлений граждан и протоколов допроса лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а также на необходимость проверки приведенных в объяснительной записке данных о количестве расстрелянных мирных граждан. В направленных районной комиссией материалах был список расстрелянных в количестве 976 человек, а в обобщенных данных по Сакскому району приводилась цифра 529 человек⁴. Только после устранения всех недостатков районная комиссия должна была направить материалы в республиканскую комиссию.

Р. М. Сирота, рассмотрев материалы комиссии по городу Евпатории, в своем заключении от 27 сентября 1944 года указала на целый ряд нарушений: отсутствует подпись председателя комиссии на справке обобщения данных о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по городу Евпатории; акт комиссии по установлению и расследованию злодеяний, совершенных в период оккупации, представлен копией и заверен неизвестным лицом; не составлен перечень лиц, подозреваемых в совершении преступлений против мирных граждан. Также Р. М. Сирота отметила, что районная комиссия не представила акт обобщения данных о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 5.

³ Личное дело Сироты Р. М. // Архив прокуратуры Республики Крым.

⁴ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 76. Л. 12.

сообщниками в городе Евпатории, а также объяснительную записку касательно расхождения количества жертв, указанного в акте и в списке фамилий жертв¹. Р. М. Сирота потребовала от районной комиссии представить подлинники документов, акт обобщения данных о преступлениях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками, список расстрелянных, замученных, повешенных или объяснительную записку, список преступников, виновных в совершении злодеяний².

Осуществляя проверку документов по Куйбышевскому району, прокурор обратила внимание на то, что в них разнятся цифры по количеству замученных военнопленных красноармейцев. В обобщенных данных указано всего 300 человек, тогда как согласно акту от 5 августа 1944 года только в деревне Биок Каралез было замучено 800 человек³.

В ряде случаев по материалам районных комиссий, например комиссий по Маяк-Салинскому району (акт от 27 сентября 1944 года), Старо-Крымскому району (акт от 13 октября 1944 года), Лариндорфскому району (акт от 18 октября 1944 года), Тельманскому и Карасубазарскому районам (акт от 2 ноября 1944 года), Р. М. Сирота дала заключение о возможности их направления в республиканскую комиссию без уточнений и дополнений⁴.

После тщательной прокурорской проверки материалы о выявленных и задокументированных фактах совершения преступлений направлялись в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Естественно, что такая скрупулезная работа была необходима для дальнейшего использования полученных в ходе работы комиссий свидетельств преступлений нацистов и их пособников в планировавшихся судебных процессах, а также в главном процессе человечества, состоявшемся в Нюрнберге.

Прокурор Республики Н. И. Чекалов дал указание прокурорам районов принимать участие в работе местных комиссий и информировать аппарат о проделанной ра-

боте, о выявленных фактах преступлений, совершенных нацистами в годы оккупации Крыма⁵.

Например, в работе Маяк-Салынской районной комиссии наряду с председателем исполкома районного совета депутатов трудящихся, начальником районного отдела НКВД, учителями и священником участвовал прокурор района Ф. Ф. Иванович. Члены комиссии на основании заявлений граждан и свидетельских показаний провели расследование зверств, учиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками. Они установили, что в период оккупации немцы систематически под всякими предлогами и без предлога уничтожали советских людей в Маяк-Салынском районе: расстреливали, закапывали живьем в землю, морили голодом⁶. Прокурор принимал активное участие в опросе свидетелей, вскрытии мест захоронения и документировании полученных сведений.

В работе Сейтлерской районной комиссии также участвовал прокурор района Комаров. В ходе проведенной работы удалось выявить места массовых захоронений советских граждан, установить масштабы материального ущерба, получить свидетельские показания⁷. Так, гражданка А. А. Горина, работавшая уборщицей в гестапо, и ее муж А. А. Лазарев, проживавшие в двадцати метрах от помещения гестапо, показали, что «ежедневно слышали крики и стоны мученных советских людей»⁸. А. А. Лазарев говорил: «Проходя мимо помещений, видел, как пытали людей: ставили на горячую плиту, жгли тело раскаленным железом, выкалывали глаза, кроили тело своих жертв ножницами, вырывали зубы»⁹. Пытки советских людей в гестапо подтверждали и другие граждане (А. Малая, О. Малая, Т. Термикельян, М. Хазарова), проживавшие по адресу: улица Советская, дом 21¹⁰.

В комиссию по расследованию преступлений, совершенных фашистами по отношению к советским военнопленным на территории «Картофельного городка» в го-

⁵ ГАРК. Ф. Р-2680. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

⁶ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

⁷ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 78. Л. 108 — 109.

⁸ Там же. Л. 108.

⁹ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 78. Л. 108 — 109.

¹⁰ Там же. Л. 108.

¹ Там же. Л. 1 — 12.

² ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 76. Л. 13.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 2.

роде Симферополе, был включен прокурор Железнодорожного района М. А. Богатиков. По результатам проделанной работы комиссия составила акт, в котором отмечалось, что «в 1941 году, ноября месяца, во время оккупации немецкими захватчиками г. Симферополя, военнопленные красноармейцы, около 6 000 человек, находились в “Картофельном городке” г. Симферополя в подвалах и под открытым небом в зимних условиях, раздетыми, разутыми. Военнопленные красноармейцы, находясь в лагерях “Картофельного городка”, были немецкими властями обречены на мучительную гибель и постоянное вымирание от голода, холода и от избиений немецкими захватчиками...»¹.

Прокуроры и следователи районных прокуратур проводили допросы лиц, подозреваемых в совершении преступлений против мирного населения и военнопленных, опрашивали свидетелей, собирали доказательства. Например, прокурор Карасубазарского района Токмаков 6 октября 1944 года допросил свидетеля С. И. Плахти, который рассказал об уничтожении евреев — жителей Карасубазара, перечислил фамилии погибших, о которых ему было известно. Он, в частности, говорил, что «в 3 часа дня я увидел толпу идущих из Карасубазара по направлению к рву под конвоем немцев. В толпе я лично видел детей, которых несли женщины на руках, детей, идущих на ногах, стариков, старух, некоторые несли с собой вещи. Подошла эта толпа к яме, я услышал крик, и были слышны из общего крика голоса: “Я русский”, плач детей. И тут же раздалась стрельба из автоматов, и крик прекратился»².

Следователь прокуратуры Карасубазарского района провел допрос целого ряда свидетелей, среди которых была и Мария Васильевна Ипкова, проживавшая в период оккупации Крыма в деревне Манай. Она под протокол рассказала о преступлениях, очевидицей которых была. Мария Васильевна показала, что среди расстрелянных были женщины с маленькими детьми: «...12 человек, и их всех расстреляли, а детей кололи штыками, привязывали за горло, за ноги, за руку к дереву. Кроме того, немцы поймали еще партизан 25 чел. и публично расстре-

ляли. Немцы и румыны издевались над нашими гражданами. Я лично видела, как они изнасиловали 5 девушек, и расстреляли, бросили в помойную яму. Больше показать ничего не могу»³.

Прокуроры не только принимали непосредственное участие в работе республиканской и районных комиссий, но и публиковали в газетах информацию об установленных преступлениях. Например, в июле 1944 года прокурор Лариндорфского района В. Ф. Прокуров на страницах республиканской газеты «Красный Крым» писал: «Немецко-румынские душегубы расстреляли и замучили в Лариндорфском районе 444 человека. ... 7 декабря 1941 г. немецкие палачи согнали в школу сельхозартели “2-я большевистская весна” 106 женщин, стариков и детей. От школы всех погнали к глубокому колодцу. Около колодца всех раздели. На глазах матерей бросали живых детей в колодец, затем в колодец бросили несколько гранат. Такая же участь постигла и взрослых» [6, с. 5].

В прокуратурах Крымской АССР, как и других государственных учреждениях, общественных организациях, была проведена работа по установлению причиненного материального ущерба. Учитывалось состояние помещений (окон, дверей, стен, крыши и т. п.), наличие мебели, хозяйственных построек. Были установлены суммы ущерба по каждой прокуратуре. Например, республиканской прокуратуре был причинен ущерб на сумму 492,6 тыс. рублей, Старо-Крымской — 24,7 тыс. рублей, Зуйской — 44,3 тыс. рублей, Красно-Перекопской — 13,8 тыс. рублей, Тельманской — 10,1 тыс. рублей⁴.

Таким образом, прокуроры принимали активное участие в работе Крымской республиканской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, осуществляли надзор за учетом фактов массовых убийств мирных граждан, ограбления территорий, совершения преступлений против военнопленных, за правильностью составления актов районными комиссиями, лично участвовали в работе комиссий, проводили опросы свидетелей с целью установления реальных масштабов злодеяний оккупантов.

¹ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 65. Л. 31.

² ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

³ Там же. Л. 23.

⁴ ГАРК. Ф. Р-2680. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 — 10.

Список источников

1. Об учете ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям, а также колхозам // Красный Крым. 1944. № 5. С. 5.
2. Об образовании республиканской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крыма // Красный Крым. 1944. № 7. С. 5.
3. Епифанов А. Е., Федюкин И. В. Организационные и правовые основы борьбы с гитлеровскими военными преступниками и их пособниками в боевых условиях и прифронтовой полосе (1941 – 1945 гг.) // Юристы-Правоведы. 2007. № 3. С. 85 – 92.
4. Камшилов О. А., Бирюк Д. Ю., Задерейчук И. П. Прокуратура Республики Крым. История и современность. Симферополь : Тип. ООО «Фирма „Млгта“ ЛТД», 2022. 400 с.
5. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / сост. М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. Москва : Госюриздат, 1956. 500 с.
6. Прокуров В. Ф. Детоубийцы // Красный Крым. 1944. №15. С. 5.

Информация об авторе

И. П. Задерейчук – доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

I. P. Zadereychuk – Associate Professor at the Department of general humanitarian and socio-economic disciplines of the Crimean Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (History), Associate Professor.

Научная статья

УДК 34

ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА
ЗАЩИТЫ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЗОВАНИЕ

Вадим Васильевич ОМЕЛЬЯНОВИЧ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, omeljanovichv@rambler.ru*

Аннотация. В статье раскрываются вопросы укрепления кадрового компонента образовательной деятельности как обязательного условия повышения эффективности функционирования публично-правового механизма защиты права граждан на образование, создания суверенной системы образования, а также культивирования у обучающихся чувства патриотизма, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Автором сформулированы предложения по оптимизации кадровых условий реализации образовательных программ посредством проведения соответствующих организационных мероприятий, законодательного закрепления нового подхода в вопросах регулирования указанных правоотношений. Предлагаются необходимые меры по активизации вовлечения участников специальной военной операции к реализации образовательных программ разных уровней, форм и видов.

Ключевые слова: защита права, образовательная деятельность, патриотизм, специальная военная операция, воспитание, преподаватель, контроль (надзор)

Для цитирования: Омелянович В. В. Воспитательно-патриотические аспекты кадрового обеспечения образовательной деятельности как условие совершенствования публично-правового механизма защиты права граждан на образование // Криминалисту. 2024. № 1 (46). С. 122 – 128.

Original article

EDUCATIONAL AND PATRIOTIC ASPECTS OF STAFFING SUPPORT
OF EDUCATIONAL ACTIVITIES AS A CONDITION FOR IMPROVING
THE PUBLIC LEGAL MECHANISM OF PROTECTING
THE RIGHT OF CITIZENS TO EDUCATION

Vadim V. OMELYANOVICH.

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, omeljanovichv@rambler.ru*

Abstract. The article deals with the issues of strengthening the personnel component of the implementation of educational activities as a prerequisite for improving the effectiveness of the functioning of the public law mechanism for protecting the right of citizens to education, creating a sovereign education system as well as cultivating a sense of patriotism among students, traditional Russian spiritual and moral values. The author gives the proposals to optimize the personnel conditions for the implementation of educational programs by carrying out appropriate organizational measures, legislative consolidation of a new approach to the regulation of these legal relations. The necessary measures are proposed to involve those taking part in a special military operation in the realization of educational programs of different levels, forms and types.

© Омелянович В. В., 2024

Keywords: protection of right, educational activity, patriotism, special military operation, mental training, teacher, control (supervision)

For citation: Omelyanovich V. V. Educational and patriotic aspects of staffing support of educational activities as a condition for improving the public legal mechanism for protecting the right of citizens to education. *Criminalist*. 2024;1(46):122-128. (In Russ.).

Образование является фундаментальным условием стремительного развития государства. Образованное общество способно добиться прорывных успехов в достижении намеченных стратегических целей. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным поставлена задача создания в России суверенной системы образования¹. В обращении к участникам пилотной образовательной программы «Школа наставника» 2 марта 2023 года В. В. Путин назвал «базовой целью развития российского образования создание суверенной системы обучения на всех ступенях»².

С учетом судьбоносного значения данного вопроса необходимы действенные меры, благодаря которым будут обеспечены повышение эффективности воспитания и обучения подрастающего поколения, подготовка патриотически настроенных высококвалифицированных кадров для всех сфер жизнеобеспечения, а также стабильность и безотказность функционирования системы образования нашего государства.

В работе с обучающимися кроме формирования высокого уровня профильных компетенций в существующей геополитической обстановке крайне важным представляется повышение роли воспитательного компонента. Особое внимание при этом должно уделяться воспитанию у подрастающего поколения чувства патриотизма, традиционных духовно-нравственных ценностей³. Для

¹ Путин: Надо создать в России суверенную систему образования // RGRU : сайт. URL: <https://rg.ru/2022/10/05/putin-nado-sozdat-v-rossii-suverennuu-sistemu-obrazovaniia.html> (дата обращения: 05.09.2023).

² Владимир Путин: Россия создаст суверенную систему образования от школы до вуза // RGRU : сайт. URL: <https://rg.ru/2023/03/02/putin-rossiia-sozdat-suverennuu-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-dovyuza.html> (дата обращения: 05.09.2023).

³ См.: Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценно-

стижения этой цели необходимо решить ряд чрезвычайно важных задач, ключевой из которых является кадровое обеспечение образовательной деятельности. Так как именно педагогический состав служит для обучающихся источником учебно-воспитательной информации, а также выполняет роль своего рода наставника в вопросе понимания происходящих событий и отношения к ним. В связи с этим принципиально важно, чтобы данные работники не только были компетентными в предметной области знаний, но и были в то же время патриотами.

Антипатриотично настроенные педагоги могут исповедовать вредоносные взгляды и целенаправленно навязывать обучающимся антигосударственные точки зрения, что в итоге может иметь крайне негативные последствия. На сегодняшний день известно множество случаев ненадлежащего поведения представителей преподавательского корпуса, их антипатриотичного и антигосударственного поведения, а также попыток создания групп единомышленников из числа обучающихся лиц (например, в вузах Санкт-Петербурга⁴, Москвы⁵, Нижегородской области⁶, Белгорода⁷ и др.). А это представляет собой серьезную проблему, обла-

стей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Из СПбГУ уволили доцента, распространявшего дискредитирующие действия ВС РФ материалы // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17917089> (дата обращения: 05.09.2023).

⁵ Минюст внес в реестр иноагентов доцента МГУ Лобанова и бизнесмена Невзлины // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18102461> (дата обращения: 05.09.2023).

⁶ В Нижегородской области уволили преподавателя, дискредитировавшую ВС России // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20221006/prepodavatel-1822004612.html> (дата обращения: 05.09.2023).

⁷ Уволенная профессор вуза в Белгороде оштрафована за дискредитацию армии РФ // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/852875> (дата обращения: 05.09.2023).

дающую свойствами угрозы национальной безопасности государства.

В настоящее время предпринимаются шаги по оптимизации российского образования, например осуществлена актуализация содержания школьного учебника по истории¹. Однако для достижения образовательных целей по результатам внедрения в образовательный процесс данного учебника необходим педагогический состав, который надлежащим образом будет преподносить учебный материал школьникам. Ведь ситуация с кадровым обеспечением образовательной деятельности в настоящее время сложилась таким образом, что имеют место факты реализации образовательных программ педагогами, исповедующими антипатриотические, антигосударственные взгляды (далее – преподаватели-антипатриоты²). Так, преподаватель-антипатриот может исказить информацию, изложенную в учебнике, дать ложные комментарии и умышленно навредить патриотическому воспитанию обучающихся.

Продолжая обсуждение вопроса о недавно предпринятых значимых шагах в сфере образования воспитательного, в том числе патриотического, свойства, подчеркнем, что внесенные законодательные изменения³ адресно нацелены на работу с обучающимися [1, с. 22 – 26] и позволяют контрольным (надзорным) органам проверять этот компонент в установленном порядке [2, с. 175 – 176].

¹ С 1 сентября в школах появятся новые учебники истории. Что в них изменилось // RGRU : сайт. URL: <https://rg.ru/2023/08/23/posle-pobedy-dopishem.html> (дата обращения: 05.09.2023).

² Под педагогами-антипатриотами понимаются педагоги, осуществляющие воспитание и обучение лиц, осваивающих образовательные программы, вопреки национальным интересам Российской Федерации.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Основная образовательная программа в своей структуре получила два новых элемента – рабочую программу воспитания и календарный план воспитательной работы.

Вместе с тем для достижения образовательных целей необходимо не только высокое качество содержания рабочей программы воспитания, но и надлежащий уровень ее реализации, который напрямую зависит от уровня компетентности и патриотизма педагогов, руководящего состава образовательной организации. Ведь преподаватели-антипатриоты любую содержательно качественную программу могут на практике реализовать с грубыми нарушениями, расставив негативные акценты. Не может надлежащим образом реализовываться программа воспитания, если педагогический работник пытается навязать обучающимся чуждые нашему обществу взгляды, например относительно понимания целей и задач специальной военной операции (далее – СВО). Педагоги-антипатриоты через насаждение искаженных взглядов оказывают существенное негативное влияние на обучающихся, пытаясь склонить их к своей точке зрения и сформировать неправильное мнение о происходящем. Ведь преподаватели значительный объем времени находятся с обучающимися, имеют влияние на них как авторитетные специалисты в предметной области знаний, а также имеют рычаги воздействия через выставление оценок в рамках текущей, промежуточной и государственной итоговой аттестации.

То есть все благоприятные условия реализации образовательной деятельности могут быть нивелированы ненадлежащим кадровым составом образовательной организации, так как именно через педагогов обучающимся передаются соответствующие знания. То есть в рассматриваемой ситуации права обучающихся остаются незащищенными. Однако должна быть обеспечена надежная защита права граждан на получение образования качественного, достоверного и родственного традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Этот вопрос как никогда требует особого внимания и неотложного принятия ответственных мер в части объективного влияния

на повышение эффективности образовательной деятельности.

С одной стороны, необходимо обеспечить привлечение компетентных педагогов-патриотов, с другой — на законодательном уровне установить требование к педагогическим кадрам, которое позволит контрольным (надзорным) органам в рамках проводимых проверок устанавливать выполнение либо нарушение образовательными организациями требований по патриотическому соответствию педагогов.

Ведь если не настроить патриотически педагогические кадры, то могут возникнуть предпосылки для системного сбоя в части гражданской позиции подрастающего поколения. Необходим фильтр, который в том числе поможет самоидентификации педагогов всех уровней и форм реализации образовательных программ в патриотическом вопросе, в том числе в отношении к СВО.

По итогам проведенного исследования мы предлагаем следующие решения по оптимизации воспитательной работы в образовательной организации:

1. На законодательном уровне установить требование об обязательном освоении педагогами, руководящим составом учебных заведений дополнительной профессиональной программы повышения квалификации патриотического свойства (далее — ДПП), в том числе раскрывающей цели и задачи проведения СВО¹.

Это позволит неосведомленным педагогам восполнить знания, а при итоговой аттестации продемонстрировать свое истинное отношение, в частности, к СВО и пройти проверку безопасного, с точки зрения патриотической составляющей, взаимодействия с обучающимися. Ведь не все педагоги на сегодняшний день вникают в суть обстоятельств СВО, а некоторые от них дистан-

цируются, соответственно, не могут найти знаниевый баланс в части их составляющих. Содержательное просвещение предоставит педагогам возможность психологически утвердиться в своем к ним отношении, а итоговая аттестация — показать однозначность патриотических взглядов, ведь на экзамене необходимо будет ответить на вопросы о причинах, целях и задачах СВО, об угрозах для народа России со стороны недружественных стран, о необходимости и своевременности проведения СВО, о традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Сомневающиеся педагоги перешагнут через свою внутреннюю неуверенность, обретут убежденность в приверженности патриотическому государственному подходу и получат документальное тому подтверждение. А не сдавшие экзамен лица не будут допущены в аудиторию к обучающимся, так как не соответствуют новым квалификационным требованиям, предъявляемым к педагогическому составу.

Содержание ДПП необходимо будет довести до сведения общественности, в том числе через средства массовой информации (темы и вопросы разместить в свободном доступе). На официальных сайтах образовательных организаций создать раздел об освоении задействованными в учебном процессе педагогами ДПП с размещением скан-копий полученных удостоверений. Указанная мера будет дополнительной гарантией патриотического свойства, так как идентифицирует педагога как патриота в глазах граждан. А если кто-то из педагогов поведет себя непоследовательно в этом вопросе в рамках учебных занятий, то будет признан обучающимися обманщиком и его действия уже не возымеют искомого им негативного эффекта.

Так, освоение педагогами такой ДПП позволит:

повысить уровень знаний о происходящих в настоящее время событиях;

¹ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам : Приказ Минобрнауки России от 1 июля 2013 г. № 499 : текст с изм. и доп. на 15 нояб. 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сформировать умения и навыки распознавания правдивой информации, отграничения ее от фальсифицированных сведений;

через общение на занятиях по ДПП с участниками СВО проникнуться серьезностью и важностью происходящего;

сформировать правильное отношение к действительности (т. е. помочь плохо осведомленным, сомневающимся педагогам вобретении верного мнения);

получить необходимый материал для последующей патриотической работы с обучающимися при реализации образовательной программы;

получив удостоверение о повышении квалификации, документально подтвердить свою гражданско-патриотическую позицию.

Кроме того, введение на законодательном уровне предлагаемого требования (например, дополнение соответствующей информацией п. 7 ч. 1 ст. 48 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и, соответственно, внесение изменений в единые квалификационные справочники должностей работников образования) в дальнейшем позволит определять соответствие государственно-патриотической составляющей кадровых условий реализации образовательных программ и в текущем режиме осуществлять превентивные меры защиты образовательных прав обучающихся от искаженных (ложных) сведений педагогов-антипатриотов и, как следствие, обеспечивать должный уровень воспитания и обучения подрастающего поколения.

При законодательном закреплении предлагаемого нами нововведения компетентные государственные органы в рамках реализации возложенных полномочий [3] будут контролировать исполнение образовательными организациями данных требований¹, которые будут находиться в области контроля (надзора) исполнения как законо-

¹ В том числе путем проверки наличия у педагогического, а также руководящего состава образовательных организаций удостоверений об освоении ДПП.

дательства об образовании [4, с. 222–243], так и трудового законодательства [5]. Таким образом, Рособнадзор [6], Государственная инспекция труда [7], прокуратура [8; 9 и др.] в рамках функционирования единого публично-правового механизма защиты права граждан на образование [10] смогут проверять в том числе кадровый состав образовательных организаций Российской Федерации на предмет наличия документального подтверждения их патриотической позиции. Это станет необходимой гарантией, обязательной при выстраивании суверенной системы образования. На сегодняшний день критерии оценки кадрового компонента не позволяют оценивать педагогических работников на предмет их патриотического воспитания, а это создает предпосылки негативных последствий в масштабе государства и, соответственно, требует корректировки.

2. Следующим предложением по оптимизации кадровой ситуации в образовательной деятельности является активное привлечение участников СВО к реализации образовательных программ всех уровней, к проведению в школах уроков начальной военной подготовки, а также с 1 сентября 2023 года уроков «Основы безопасности и защита Родины»².

Для повышения престижности работы в качестве преподавателя по программам специалитета в ведомственных вузах предлагается к лицам, имеющим ученую степень кандидата наук, приравнять всех участников СВО независимо от наличия у них государственных наград, воинского (специального) звания и многолетнего стажа службы, что позволит засчитывать выполненную ими учебную нагрузку (в виде контактной работы) в объем достигаемого вузом процентного показателя кадровых условий реализации основных образовательных программ высшего образования

² Что изменится для школьников с 1 сентября 2023 года. Трудовое воспитание, возвращение серебряных медалей и новые учебники // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/64e4729a9a79471409e4c9f8> (дата обращения: 05.09.2023).

по острепенности преподавателей (требование ФГОС ВО)¹. Это существенно повысит заинтересованность вузов в поиске кандидатов в преподаватели среди участников СВО. Вместе с тем это также потребует внесения соответствующих изменений в содержание федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования². Отметим, что кроме привлечения участников СВО к преподавательской деятельности в вузе необходимо также создать для них условия дополнительной привлекательности данного вида деятельности, выражающейся в достойном материальном вознаграждении. Для этого целесообразно обеспечить получение ими процентной денежной надбавки к преподавательскому окладу за приравненные к ученой степени кандидата наук заслуги. Это также потребует соответствующих изменений в нормировании денежных выплат.

Опыт участников СВО позволит формировать соответствующие компетенции у студентов на высоком уровне, так как это самый передовой специальный опыт. Вместе с тем воспитание и обучение будут проходить в правильном патриотическом ключе, а это принципиально важно.

Для активного включения участников СВО в образовательную деятельность представляется необходимым:

инициировать на уровне профильных министерств целевые указания о привлечении администрациями подведомственных им образовательных организаций таких кандидатов к трудоустройству;

предоставить участникам СВО возможность безвозмездно освоить соответствующие программы профессиональной переподготовки;

реализовать через средства массовой информации активное доведение сведений до потенциальных кандидатов в преподаватели о возможности такого трудоустройства.

Подводя итог, выскажем надежду, что учет вышеназванных предложений позволит позитивным образом повлиять на кадровую ситуацию в сфере образовательной деятельности, повысить эффективность воспитательной работы патриотического свойства, а также позволит компетентным государственным органам осуществлять в рамках контрольных (надзорных) мероприятий проверку выполнения требований об успешном освоении ДПП участвующими в образовательной деятельности кадрами.

Список источников

1. Омельянович В. В. Актуальные вопросы документационного обеспечения воспитательной работы в рамках подготовки кадров для органов и организаций прокуратуры // Подготовка кадров для органов прокуратуры: история, традиции, современность : сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию российской прокуратуры (Москва, 10 ноября 2021 г.) / Ун-т прокуратуры Российской Федерации. Москва : УП РФ, 2022. С. 22–26.

2. Омельянович В. В. Актуальные вопросы привлечения специалиста к проведению прокурорской проверки исполнения требований законов образовательными организациями высшего образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2022. № 1. С. 175–176.

¹ Статья 43, ч. 5 Конституции Российской Федерации, ст. 11 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации». (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

² См., напр., п. 4.4.5 федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, утвержденного Приказом Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1138 (ред. от 27 февраля 2023 г.) и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

3. Коршунова О. Н., Омелянович В. В. О разграничении полномочий органов прокуратуры и Рособнадзора при проверке исполнения вузами законодательства об образовании // Криминалисть. 2022. № 4 (41). С. 121 – 127.

4. Актуальные проблемы прокурорской деятельности: методология и методы науки : монография / О. Н. Коршунова, И. Б. Ломакина, И. Л. Честнов [и др.] ; под. ред. О. Н. Коршуновой. Москва : КноРус, 2022. 304 с.

5. Сабельфельд Т. Ю. Прокурорский надзор за исполнением трудового законодательства как одно из приоритетных направлений в деятельности прокуроров // Юридическая наука. 2018. № 4. С. 77 – 79.

6. Фролов Б. М. Государственный контроль и надзор в сфере образования в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Фролов Борис Максимович. Воронеж, 2017. 274 с.

7. Попова О. И. Место и роль государственных инспекций труда в системе государственного надзора и контроля Российской Федерации : специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Попова Ольга Ивановна. Москва, 2009. 30 с.

8. Омелянович В. В. Прокурорская проверка подготовки научно-педагогических кадров // Законность. 2023. № 6 (1064). С. 13 – 16.

9. Омелянович В. В., Короп А. Б. Особенности прокурорской проверки исполнения законов о периодической аккредитации врачей в современных условиях // Криминалисть. 2023. № 1 (42). С. 132 – 137.

10. Коршунова О. Н., Омелянович В. В., Тимошук К. И. Концептуальные основы государственно-правового механизма защиты прав граждан на образование в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 198 – 205.

Информация об авторе

В. В. Омелянович – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Omelyanovich – Associate Professor at the Department of procuratorial supervision and public procurator's participation in hearing criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 34

ЗНАЧЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ РЕГУЛЯТОРОВ В ПРОФИЛАКТИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Анна Юрьевна СЕРГЕЕВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, annichenko@mail.ru*

Аннотация. Исследование посвящено вопросам профилактики социального конфликта, понимаемой как регулирующая деятельность, которая направлена на предупреждение деструктивного развития социальных процессов. Вопрос о соотношении моральных и правовых регуляторов социального конфликта рассматривается в традиции классической юриспруденции с учетом различия уровней конфликта и стадий его протекания.

Ключевые слова: социальный конфликт, социальное регулирование, мораль, право, бытовой конфликт, семья, социальное согласие, нравственно-правовые ценности

Для цитирования: Сергеева А. Ю. Значение моральных и правовых регуляторов в профилактике социальных конфликтов // Криминалистъ. 2024. № 1 (46). С. 129 – 134.

Original article

THE IMPORTANCE OF MORAL AND LEGAL REGULATORS IN THE PREVENTION OF SOCIAL CONFLICTS

Anna Y. SERGEEVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, annichenko@mail.ru*

Abstract. The study is devoted to the prevention of social conflict as a regulatory activity aimed at preventing the destructive development of social processes. The question of the correlation of moral and legal regulators of social conflict is considered in the tradition of classical jurisprudence, taking into account the differences in the levels of conflict and the stages of its course.

Keywords: social conflict, social regulation, morality, law, domestic conflict, family, social harmony, moral and legal values

For citation: Sergeeva A. Y. The importance of moral and legal regulators in the prevention of social conflicts. Criminalist. 2024;1(46):129-134. (In Russ.).

Начиная с классических работ выдающихся социологов XX столетия Ральфа Дарендорфа и Льюиса Козера, заложивших основы научной конфликтологии, социальный конфликт стал рассматриваться прежде всего как позитивный механизм развития общества, как способ актуализации и преодоления тех неизбежных противоречий, ко-

торые составляют саму суть общественных отношений [1, с. 69 – 79]. Речь идет о противоречиях, складывающихся на всех уровнях организации общества: на уровне глобальных межцивилизационных политических, экономических, ценностных отношений; на уровне отношений между классами и стратами в локальных социальных образо-

© Сергеева А. Ю., 2024

ваниях, т. е. на уровне отдельных государств; на межличностном уровне, прежде всего семейном и бытовом.

Разрешение этих и других социальных противоречий может вести к действительному развитию общества, его переходу на более высокий уровень социальных отношений, к накоплению опыта самопреодоления и саморазвития его участников. Но вместе с этим развитие социального конфликта может иметь и негативный вектор, вести к разрушению и деградации социальной ткани и (или) отдельной личности. Такого рода диалектическое понимание природы социального конфликта как неравновесного, неустойчивого процесса, который может быть одновременно свидетельством и детерминантой социальной патологии, но также и формой разрешения противоречия как источника социального развития, открывает перед социологией права и перед криминологией новые возможности в процессе поиска научно обоснованных методов социального регулирования, сколь сложных, столь и перспективных.

Поэтому, говоря о профилактике социального конфликта, мы должны вести речь не о его однозначном пресечении в целом, что означало бы торможение общественного развития, а лишь о предупреждении негативного, деструктивного движения социальных процессов. Принципиальное значение здесь приобретает вопрос о целях регулирования социального конфликта, которые могут заключаться как в закреплении вектора позитивного развития общества, так и в стимулировании его деградации, архаизации и дезинтеграции. Понятно, что правильно будет говорить о профилактике социального конфликта лишь в том случае, если мы имеем дело с целями прогрессивного развития, а не деградации общества.

Наиболее очевидным примером воздействия на социальный конфликт с целью придать ему инструментальное значение в качестве средства перехода общества и государства на путь деградации, является механизм «цветных революций». В основе их лежали детально разработанные в западных интеллектуальных центрах методы управле-

ния массами посредством стимулирования деструктивных действий толпы с одновременным усилением противозаконного давления на легитимную власть, с переходом от информационных к чисто силовым методам. Во всех случаях там, где побеждали эти «революции», следствием была аномия гражданского общества и распад государства, примитивизация экономики и правовой нигилизм, деструкция сложившегося социального консенсуса и как итог — гражданская война. Методы регулирования социальных конфликтов с целью закрепления заложенного в них деструктивного начала были преступными как с позиций нравственности, так и с точки зрения права, нелегитимными как по своим целям, так и по характеру средств.

В связи с вопросом о стимулировании аномических процессов в обществе как предпосылки «цветных революций» уместно вспомнить слова классика философии права Г. В. Ф. Гегеля о том, что общество может рассматриваться как система организованных гражданских институтов — *populus*, или же как толпа, агрегат, не имеющий в себе духовного единства, — *vulgus* [2, с. 360]. В последнем случае «единственной целью государства является то, чтобы народ не получал существования, не достигал власти и не совершал действий в качестве такого агрегата» [2, с. 360].

В основе методик «цветных революций» мы видим, однако, именно отработанные механизмы сбора толпы на улицах городов и механизмы управления массами с целью использования толпы и заключенного в ней конфликтного потенциала в процессах разрушения нравственного и правового единства личности, общества и государства. Противодействие этим методикам — от чисто организационно-правовых мер по предупреждению сбора «активистов» на несанкционированные митинги и до масштабной, комплексной и систематической работы по нравственно-правовому и патриотическому воспитанию граждан на основе традиционных ценностей — является одной из наиболее актуальных задач профилактики социальных конфликтов общенациональ-

ного масштаба, направленной на то, чтобы такой «vulgus», по словам классика, «не получал существования, не достигал власти и не совершал действий».

Задача изучения проблем социального конфликта и разработки методов его регулирования в социологии [3, с. 190–192] явилась и является вызовом для теории управления, психологии, этики и юриспруденции, ответом на который стали шаги по созданию сравнительно новой научной дисциплины – юридической конфликтологии [4; 5; 6, с. 283 – 288], которой, впрочем, еще предстоит осуществить основной объем работы по изучению путей профилактики негативного развития социального конфликта.

Отечественная юридическая конфликтология исходит из принципа классической философии и классической юриспруденции о неразрывной внутренней взаимосвязи норм морали и норм права, а значит, и о необходимости сочетания моральных и правовых ориентиров при выборе, во-первых, целей управления социальными конфликтами, а во-вторых, методов достижения этих целей. Заложенный в праве нравственный потенциал не позволяет нам руководствоваться иезуитским принципом «цель оправдывает средства», а значит, при постановке конкретной задачи каждый раз необходимо стремиться к оптимальному сочетанию моральных и правовых регуляторов в профилактике социальных конфликтов.

В поисках этого оптимума нужно учитывать заложенное в классической юриспруденции представление о различии и о соотношении морали и права. Мысль об их внутреннем единстве восходит к учению Платона о том, что справедливость личности и справедливость государства имеют один источник в абсолютной идее. В рамках платоновской парадигмы сформировалась естественно-правовая модель, основанная на учении о непосредственном созерцании «идеи абсолютного добра». В конце XVIII века альтернативой ей выступило учение И. Канта, в котором мораль дедуцировалась из способности разума давать человеку высший нравственный закон, а право, в свою очередь, дедуцировалось из

морали. И. Г. Фихте рассматривал право и мораль как две равные сферы практического разума, связанные друг с другом только опосредованно через этот разум [7, с. 90 – 98]. Но это не отличало его принципиально от Канта, поскольку источником морали и права автор наукоучения все равно видел чистый разум.

В XX столетии и вплоть до наших дней в мировой юриспруденции в общем и целом господствует кантовская парадигма. Она определяет современное понимание вопроса о соотношении морали и права в криминологии и в социологии права. Отчасти проблема соотношения морали и права получает новое звучание в контексте аналитической юриспруденции. Ее основоположник Г. Харт подчеркивал, что нормы права существенно отличаются от норм морали. Это видно уже из того, что даже несправедливый закон все же является законом: «Законы, какими бы морально несправедливыми они ни были, так или иначе останутся законами» [8, с. 210]. Поэтому, несмотря на все возможные параллели, Г. Харт предлагает последовательно различать мораль и право по их сущности, а также предлагает содержательно проанализировать характерные черты этих различий, исходя из методологических установок аналитической юриспруденции.

Можно, однако, констатировать, что при всем различии подходов к проблеме морали и права, которые мы можем видеть в различные эпохи, в зависимости от различных парадигм правового мышления можно установить несколько общих принципов, которые не вызывают сколько-нибудь существенных разногласий среди ученых: 1) мораль носит императивный характер, она предписывает человеку необходимость справедливого поступка; право, если следовать трактовке, восходящей к Христиану Томазио, не предписывает человеку совершение справедливого поступка, но только воспрещает поступок несправедливый; 2) моральные и правовые регуляторы имеют нормативную природу, хотя характер моральных и правовых норм различается; 3) к следованию нормам права человек может принуждаться силой государ-

ства, следование человека нормам морали может быть только результатом воздействия на него посредством убеждения.

Регулирование социального конфликта подразумевает целенаправленное воздействие на его процесс с целью обеспечения позитивного разрешения данного конфликта и с целью трансформации лежащих в основе конфликта социальных противоречий. В итоге регулирующего воздействия противоречие из механизма деструкции социального процесса должно стать источником его позитивного развития. Регулирование конфликтов включает в себя: прогнозирование их возникновения и прогнозирование направленности, интенсивности и стадий развития; профилактику негативных конфликтов деструктивного, криминального, экстремистского и т. п. характера; пресечение конфликтов в случае формирования устойчивой тенденции их негативного развития; разрешение конфликта с закреплением позитивного результата и последующей профилактикой негативного развития.

В процессе регулирования социального конфликта право, в силу самой своей императивной природы, позволяет обеспечить пресечение конфликта посредством имеющихся в арсенале правоприменителей методов принуждения. Эффективными механизмами профилактики негативного развития социальных конфликтов являются их «юридизация» посредством правовой институализации, структурирование сторон и интересов конфликта, перевод конфликта на другой уровень (редукция). Регулирующее воздействие моральных норм осуществляется посредством воздействия методов убеждения на конфликтующие стороны, посредством пропаганды значимых для сторон нравственно-правовых ценностей, а на уровне межличностных, бытовых, производственных и т. п. конфликтов локального характера — методами медиации. На разных уровнях организации общества в зависимости от масштаба и характера социального конфликта сочетание моральных и правовых регуляторов в его профилактике может быть существенно различным.

Так, на уровне межцивилизационных конфликтов значение правовых регуляторов представляется менее существенным, чем регуляторов чисто политических и нравственных. При этом нравственные регуляторы имеют приоритетное значение при развитии межцивилизационных конфликтов ценностного характера.

На уровне межклассовых и межстратовых конфликтов, напротив, большее значение имеют правовые регуляторы как выражение институционального закрепления общественного консенсуса. Основная задача правового регулирования состоит здесь в том, чтобы не утратить этот консенсус, составляющий главную ценность общества и государства, без которого они не могут существовать как единое целое [9, с. 93–95].

Нормы морали, соответственно, и методы убеждения, на этом уровне конфликтного взаимодействия менее эффективны, чем нормы права и методы государственного принуждения, поскольку в межстратовых и межклассовых отношениях на первый план выходит дифференцированность моральных ценностей, доминируют представления об особой классовой, корпоративной, возрастной и т. п. морали, а значит, моральные нормы перестают играть роль универсальных регуляторов. В том случае, если речь идет о протекании конфликта, которому зарубежные акторы пытаются придать характер «цветной революции», то и здесь в качестве тактических средств первостепенное значение имеют правовые регуляторы. Однако стратегическим в приоритете должен быть все же поиск путей совершенствования императивных моральных регуляторов посредством нравственно-правового воспитания и образования населения.

Более изученным в юридической конфликтологии и криминологии является вопрос о соотношении моральных и правовых регуляторов на уровне бытового конфликта, возникающего в социальном пространстве межличностных отношений и отношений, складывающихся в малых социальных группах, включая семейные отношения [10, с. 110–112]. Здесь профилактика конфликта

имеет прямой целью предупреждение его негативного развития, а целью косвенной — содействие разрешению конфликта путем формирования нового качества социальных отношений. Особенности использования моральных и правовых регуляторов, особенности их значения, их соотношения зависят от этапа развития конфликта.

В отечественной конфликтологии принято выделять несколько стадий развития социальных конфликтов. В большинстве случаев речь идет о собственно конфликтной стадии, о стадии разрешения конфликта и о стадии преодоления последствий конфликта. Некоторые авторы выделяют предконфликтную стадию, называемую также «предконфликт»: «Предконфликт — на этой стадии происходит формирование только нескольких структурных элементов будущего конфликта — сторон, их интересов, фонового социального напряжения в их отношениях. На этой стадии происходит накопление “горючего материала” для будущего конфликта» [11, с. 49]. Нам, однако, представляется более точным говорить о «предконфликтной ситуации», ведь поскольку эта ситуация проявляется до конфликта, как «предконфликт», постольку было бы формальным противоречием рассматривать ее одновременно как момент конфликта, т. е. как его стадию.

В рамках этой предконфликтной ситуации, предшествующей бытовому и особенно семейно-бытовому конфликту, должны преобладать моральные методы профилактики его негативного развития, связанные преимущественно с методами убеждения, воспитания, общесоциальной профилактики. Это обусловлено конституционно закрепленным принципом автономности и неприкосновенности семьи, который выражается в защите прав родителей на воспитание ребенка и прав ребенка на жизнь в семье, в обеспечении приоритета семейного воспитания, в пресечении чрезмерного и недопустимого вмешательства государства в жизнь семьи, а также в соблюдении других правовых норм, зафиксированных в Семейном кодексе Российской Федерации. Субъек-

тами морального регулирования в предконфликтной ситуации, помимо членов семьи, могут быть школьные педагоги, служители церкви, обладающие моральным авторитетом для данной семьи, в отдельных случаях также и общественные организации. Вообще, возможности применения норм права в семейной сфере существенно ограничены, что связано с лично-доверительным характером отношений в семье, когда моральные регуляторы имеют преимущество перед нормами права.

На стадии собственно конфликта, особенно на уровне его обострения, когда становится очевидным, что возможностей морального саморегулирования его участников уже недостаточно для предотвращения развития конфликта по деструктивному сценарию, основным методом профилактики должен стать комплекс мер, который принято называть «юридизацией» конфликта. Юридизация направлена на преобразование конфликта в формализованный и упорядоченный процесс, не допускающий нарушения норм права. Метод юридизации конфликта не исключает, а наоборот, предполагает использование моральных регуляторов, на первое место выходят правовые регуляторы. Субъектами этого процесса, помимо самих участников бытового и семейного конфликта, использующих методы саморегулирования и правовой самозащиты, могут быть сотрудники правоохранительных органов (например, участковые уполномоченные, сотрудники ДПС в случае дорожно-транспортного происшествия, прокурорские работники в случае нарушения законных прав и свобод участников конфликта), имеющие возможность использования методов специальной криминологической профилактики; омбудсмены различных уровней и направлений; представители общественных организаций правоохранительной направленности, имеющие право на легитимную деятельность; профессиональные медиаторы, прошедшие соответствующую подготовку в юридических учебных заведениях.

На стадии разрешения конфликта и на стадии преодоления последствий конфликта, когда правовые регуляторы уже

сыграли свою ограничивающую роль и выполнили превентивную функцию, стабилизируя развитие конфликта в социально приемлемых формах, на первое место снова должны выйти моральные регуляторы. Их действие позволит участникам конфликта извлечь необходимые уроки, убедиться в значимости позитивных нравственно-правовых ценностей, которые должны лежать в основе межличностных и особенно семейных отношений.

Таким образом, необходима разработка современных средств профилактики социальных конфликтов и предупреждения

их развития по деструктивному сценарию; необходима разработка методов регулирования конфликтов, которые позволили бы адекватно противодействовать негативным социальным процессам XXI века, вызванным системным кризисом важнейших социальных институтов — от традиционного государства до института семьи. Это, в свою очередь, актуализирует задачу нового осмысления природы моральных и правовых регуляторов с учетом достижений классического наследия этической и правовой мысли, а также опыта теоретических разработок современной криминологии.

Список источников

1. Масленников Д. В., Сидоров С. А. Социальный конфликт как объект изучения социологической науки // Образование, экономика, общество. 2012. № 3-4. С. 69–80.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 2 т. Т. 3. Москва : Мысль, 1977. 471 с. (Философское наследие).
3. Богатов А. И. Социальные конфликты и возможности их регулирования: основные теоретические подходы // Развитие современной экономики: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 15 мая 2021 г. Москва : Наука и технологии, 2021. С. 190–192.
4. Гоголева В. В., Шестаков А. Г. Юридическая конфликтология : учеб. пособие. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург : Издат.-полиграф. ассоциация высших учебных заведений, 2022. 184 с.
5. Ромашов Р. А. Юридическая конфликтология. Москва : КноРус, 2021. 280 с.
6. Турсунбаева Н. С. О юридической конфликтологии и ее развитии // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7, № 12. С. 283–288.
7. Сальников В. П., Масленников Д. В. Два способа дедукции права и морали в классической трансцендентальной философии: смысл различия // Право. Порядок. Ценности : монография / под ред. Е. А. Фроловой. Москва : Проспект, 2022. С. 90–99.
8. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. Москва : Канон+, 2017. 383 с.
9. Кузьмин Г. С. Общественный договор как фундаментальный политический механизм регулирования конфликтов // Власть. 2014. № 7. С. 92–96.
10. Шульгин А. А., Ковалева Е. В. Актуальные вопросы профилактики семейно-бытовых конфликтов // Закон и право. 2023. № 6. С. 110–112.
11. Нагайцев В. В., Меженин Я. Э. Этапы развития социального конфликта // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2018. № 10. С. 49–52.

Информация об авторе

А. Ю. Сергеева – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A. Y. Sergeeva – Senior Lecturer at the Department of procuratorial supervision and public procurator's participation in hearing criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340

К ФОРМИРОВАНИЮ ТЕОРИИ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

Алексей Леонидович БРЕДИХИН

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, axel_b@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется понятие эффективного государства, отмечается множество подходов к его определению. На основании анализа общих закономерностей развития государственности делается предположение, что модель эффективного государства может стать следующей ступенью развития государственности. Обращая внимание на кризис современной теоретико-правовой науки, автор предлагает при формировании актуализированной теории государства и права опираться на концепцию эффективного государства, которая в практике государственного управления фактически уже реализуется. Здесь же приводятся особенности эффективного государства, главной из которых является стремление к результату при меньших затратах ресурсов, а также авторское определение эффективного государства.

Ключевые слова: государство, эффективное государство, республика, теория государства и права, юридическая наука

Для цитирования: Бредихин А. Л. К формированию теории эффективного государства // Криминалистика. 2024. № 1 (46). С. 135 – 140.

Original article

REVISITING THE FORMATION OF THE THEORY OF AN EFFECTIVE STATE

Aleksey L. BREDIKHIN

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, axel_b@mail.ru

Abstract. This article explores the concept of an effective state, notes a diversity of different approaches to its definition. Based on the analysis of the common patterns of the statehood development, an assumption

---

© Бредихин А. Л., 2024

tion is made that the model of an effective state can become the next step in the development of statehood. Taking notice of the crisis of modern legal theory science, the author puts forward a proposal to rely on the concept of an effective state in the formation of an updated theory of the state and law, which is already being implemented actually in the practice of public administration. Also presented are the features of the effective state, the main of which is seeking results with fewer resources, as well as the author's definition of an effective state.

Keywords: state, effective state, republic, theory of state and law, legal science

For citation: Bredikhin A. L. Revisiting the formation of the theory of an effective state. *Criminalist*. 2024;1(46):135-140. (In Russ.).

Государственность развивается на протяжении многих столетий, однако нельзя сказать, что государства античности, Средневековья и Новейшего времени одинаковы. При внимательном их рассмотрении выявляется значительно больше отличий, нежели сходных явлений. Это позволяет сделать вывод о неустойчивости и сегодняшней государственности и неминуемом переходе ее на следующую ступень. Возможно, сам этот переход мы уже наблюдаем, и задача науки о государстве обосновать эти трансформации, а также приступить к разработке актуальной государственной теории.

Наиболее общим пониманием государства, отмеченным еще в российской дореволюционной литературе, является определение его как «союза людей, живущих на определенной территории и подчиненных единой политической власти» [1, с. 348]. Собственно, это определение навеяно европейской традицией и не совсем точно подходит к периоду античности и Средневековья, когда государства чаще всего существовали в форме империй, а основное население не было причастно к формированию власти, т. е. политической субъектностью не обладало. Как политико-правовой феномен государство появляется после первых буржуазно-демократических революций, в результате которых либо свергается монархия и устанавливается власть представительных органов населения, либо монархия становится декоративной при реальной власти парламента. На этом этапе упраздняется формальное сословное деление и государственная власть в той или иной степени начинает учитывать интересы всех сословий, которые по смыслу становятся классами.

Определенной спецификой обладает социалистическое государство, которое впервые появляется на территории имперской России, а позже и в некоторых других частях мира. Если в буржуазных государствах хотя бы формально признавалось равенство всех граждан независимо от общественного статуса, то в социалистическом государстве юридически провозглашается диктатура пролетариата с целью подавления эксплуататорских классов [2, с. 98–99]. В итоге видится перспектива перехода к развитому социализму (когда эксплуататорский класс исчезнет) и коммунизму (когда отомрет и само государство). Если буржуазное государство взяло на вооружение концепцию прав и свобод как идеологическую платформу, то социалистическое государство основано на правах трудящихся и движении к коммунистическому обществу всеобщего равенства.

Как мы убедились, ни тот, ни другой подход не является идеальным, а их идеологическая платформа уже устарела. Достижение счастья через предоставление населению прав и свобод сталкивается с нереальностью их осуществления, поэтому у государства появляется социальная направленность, т. е. обеспечение наименее защищенных слоев населения минимально необходимыми средствами. Это обстоятельство говорит о том, что в деятельности государства появляются элементы рационализма, которые постепенно заменяют лозунги и декларации. Право на свободу, в том числе политическую, обрастает определенными правилами, регламентами, процедурами. Государственное управление постепенно

приобретает черты рутинной ежедневной работы управленческого аппарата, что по своей природе близко к осуществлению хозяйственной деятельности коммерческими организациями. А главным требованием к государству со стороны граждан становится его эффективность, т. е. результаты его деятельности должны соответствовать целям и ожиданиям граждан. Под каким идеологическим «соусом» результаты будут поданы, население не особенно волнует.

Все изложенные нами размышления позволяют сделать предположение, что сущность государства, идеология, права, свободы, принципы и другие базовые элементы государственности, которые всегда казались главными, начинают уходить на второй план, а на первой выступает эффективность государства, обеспечение потребностей общества.

В этой связи интересно было бы понять, что такое эффективное государство и не становится ли оно новой ступенью в развитии государственности? А если это так, то представляется целесообразной разработка теории эффективного государства как единственно перспективной его модели в ближайшем будущем. Возможно, даже государственный строй как главная формальная характеристика сегодняшнего эталонного государства отойдет на второй план, если его базовые принципы будут мешать эффективному государству в обеспечении потребностей общества и достижении поставленных целей.

Нельзя сказать, что концепция эффективного государства абсолютно нова. Есть достаточное количество исследований по этой теме. Так, в своей диссертационной работе М. В. Трегубов определяет, что «под эффективным государством понимается государство, способное обеспечить использование своей власти в интересах индивида и общества в целом, государство с демократическим политическим режимом, предполагающим свободу выбора в целях принятия эффективных решений, основанных на приоритетах и свободах личности» [3, с. 5–6].

В. В. Глухов и В. Ф. Звагельский верно отмечают, что «эффективное государство с позиции теории управления характеризуется как эффективный менеджер. В упрощенной формулировке эффективное государство достигает больших результатов при меньших затратах» [4, с. 7].

В докладе Всемирного банка о мировом развитии за 1997 год «Государство в меняющемся мире», посвященном рассмотрению основных функций и роли государства, его места в социально-экономическом развитии стран, эффективное государство определялось как государство, способное оптимально отвечать на внутренние и внешние вызовы, удерживая общество в координатах его устойчивого социально-экономического развития [5, с. 47].

Белорусский исследователь Д. З. Сафаревич отмечает существование многочисленных подходов к пониманию эффективного государства: апологетический, нигилистический, максималистический, либерально-популистский, меритократический, инструментальный, общесоциальный и т. п. [6, с. 171–175]. То есть аспектов эффективного государства множество, и каждый ученый вполне может предлагать свое определение.

Термин «эффективное государство» не обошел стороной и российское законодательство. Так, распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1663-р «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года и перечня проектов по их реализации» содержит раздел с таким названием. В нем речь идет о создании системы стратегического планирования, ориентированности на результат, оптимизации функций органов исполнительной власти и повышении качества государственных услуг, повышении эффективности государственного сектора экономики, открытости государственного управления, взаимодействию с бизнесом и гражданским обществом.

Из приведенных выше соображений можно заключить что, с одной стороны, эффек-

тивное государство как концепция и практическая модель это уже свершившийся факт. Однако в науке не все так однозначно.

Следует согласиться, что эффективное государство напрямую связано с критериями эффективности, т. е. достижения наилучших результатов с использованием наименьшего количества ресурсов. Возможно, эффективное государство это и есть перспектива развития российского государства на ближайшие годы, поэтому следует в науке наибольшее внимание уделять данной концепции и постепенно сформировать целое научное направление.

Теория эффективного государства может стать базой государственно-правовой теории и отраслевого законодательства, позволит наиболее рационально использовать средства и ресурсы для достижения осязаемых результатов. Деятельность органов публичной власти в современной России в целом уже подчинена принципам эффективного государства, тем не менее не всегда носит системный характер.

С другой стороны, теоретическая юридическая наука, на наш взгляд, не восприняла эту важнейшую тенденцию государственной жизни и до сих пор существует в «прошлом». Например, современная теория государства и права как наука и учебная дисциплина представляет собой симбиоз советского наследия и базовых положений буржуазной правовой науки. Если отдельные научные исследования преодолевают эти рамки, то программа юридического обучения все еще догматична, что влияет в том числе и на качество подготовки будущих специалистов. Иногда в учебниках, допущенных официально к использованию при реализации обязательной части основной обязательной программы, до сих пор признается классовость государства или сочетание его классовости и общесоциального назначения, что противоречит Конституции Российской Федерации, где провозглашено всеобщее равенство [7, с. 51]. Другой пример состоит в том, что теория

прав и свобод человека по Конституции Российской Федерации составляет основу всей политической и правовой материи, но обычно этой теме посвящен лишь один раздел учебной программы по теории государства и права. Налицо некоторая растерянность государствоведов относительно объекта исследования, непонимание сути современного государства.

Итак, предположив, что современное государство непохоже на предыдущие и может условно называться «эффективным государством», возникает вопрос о его характеристиках. Помимо требований результативности эффективное государство, на наш взгляд, имеет следующие особенности:

1. Ему менее свойственен идеологический догматизм (в том числе концентрация на обеспечении безграничных прав и свобод). Идеологическая составляющая смещена в сторону вполне осязаемых целей и планов, а не достижения некоего «счастья», «коммунизма» и т. п.

2. Принцип целесообразности становится одним из базовых в осуществлении государственной политики. Известное требование о «недопустимости противопоставления законности и целесообразности» [8, с. 401] не носит абсолютного характера. Законодательный процесс также подчинен некоторой логике и имеет определенные цели и направления правового регулирования тех или иных сфер. Законы не считаются «святыми» и «неприкосновенными», а постоянно и систематически корректируются.

3. В эффективном государстве широко используются последние достижения в области теории и практики государственного управления, политические и социальные технологии, научно-технический прогресс. С одной стороны, это может идти вразрез со многими идеями государства, заложенными много веков назад (обеспечение прав и свобод, равенство, справедливость и т. п.), противоречить духовным принципам, но с другой — обеспечивает стабильность и эволюционное развитие, ограждает от рево-

люций и других потрясений, вызванных политической борьбой. Ни для кого не секрет, что создание политической нестабильности как частая цель вмешательства иностранных государств проходит под красивыми лозунгами, лишенными конкретики.

4. Эффективное государство тяготеет к централизации, так как своей регламентацией сужает сферу проявления свободы, однако не переходит в тоталитаризм, так как сами права, свободы и демократические механизмы не упраздняются, а напротив, приобретают конкретные гарантии.

5. Эффективное государство суверенно и самодостаточно, так как внешняя зависимость негативно влияет на результативность государственного управления. Эффективное государство действует в своем интересе и само формирует цели и планы.

6. Эффективное государство стремится учесть интересы всех классов и слоев общества, чтобы свести к минимуму внутренние конфликты и максимально использовать созидательную силу каждой социальной группы. В этом контексте классовая теория имеет вид устаревшей либо несостоятельной.

Любая идеологическая платформа (либеральная, социалистическая, монархическая и т. п.) по своей сути конфликтна, поэтому желательно, чтобы межполитические противоречия не влияли на устойчивость системы государственного управления.

Вероятно, партийность с присущей ей идеологией также постепенно уйдет в прошлое, а законодательный орган будет выстроен на основе профессионализма его участников.

Так или иначе, к содержанию теории эффективного государства все еще много вопросов, на которые предстоит ответить. Тем не менее можно предложить определение этого понятия. Эффективное государство — это реализуемая в практике публичного управления модель государства, при которой главные цели государственной деятельности состоят в достижении благополучия населения (обеспечении его

необходимыми товарами, услугами, интеллектуальными и культурными благами), безопасности государства и его экономического развития, а формальные положения конституционного строя адаптируются и толкуются в пользу реализации задач эффективного развития.

Юридическая теория традиционно испытывает идеологическое влияние государства, поэтому в советский период термины государственоведения почти всегда опирались на доктрину социалистического государства, а в постсоветский период — на концепцию прав человека. Отсюда существование многих понятий чуть ли не зависит от их привязки к правам человека. Понятие эффективного государства принято было связывать именно с демократическими институтами, правами человека, однако это не совсем так. Для эффективного государства всегда характерен компромиссный вариант, когда та или иная концепция явно не доминирует и носит чисто символический характер. То есть буржуазное социальное государство и социализм с элементами рыночной экономики по факту могут мало чем отличаться, а это и есть пример реализации модели эффективного государства. Таким же образом стираются грани между федерацией и унитарным государством, монархией и республикой. Модель эффективного государства — это инструмент создания баланса внутри любой антагонистической системы. В политическом смысле эффективное государство соответствует чаще всего консервативному режиму, рациональному по своей сути.

На основании изложенного следует отметить, что теория эффективного государства имеет большие перспективы для разработки. Несмотря на наличие работ по данной тематике, целостной теории на сегодняшний день не сложилось, поэтому многие положения (в том числе и выдвигаемые в настоящей статье) полемичны и требуют уточнения и системного анализа.

Список источников

1. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права : учеб. пособие. 3-е изд. Санкт-Петербург : Лань, 2001. 552, [1] с. (Классики истории и философии права).
2. Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 302 с.
3. Трегубов М. В. Эффективность системы государственного управления: (теоретико-правовой аспект) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Трегубов Михаил Владимирович. Санкт-Петербург, 2000. 17 с.
4. Глухов В. В., Звагельский В. Ф. Принципы функционирования эффективного государства // Россия в глобальном мире. 2013. № 3 (26). С. 7–15.
5. Степанов О. А. Концепция эффективного государства и участие органов внутренних дел в ее реализации // Современное право. 2008. № 10. С. 46–49.
6. Сафаревич Д. З. Эффективное государство: этимология слова и генезис понятия // Вестник Брестского государственного технического университета. 2003. № 6. С. 171–175.
7. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. Москва : Юристъ, 2004. 246 с.
8. Комаров С. А. Общая теория государства и права : учебник. 7-е изд. Москва [и др.] : Питер, 2004. 510 с. (Учебник для вузов).

Информация об авторе

А. Л. Бредихин – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. L. Bredikhin – Associate Professor at the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Science (Law).

Научная статья

УДК 340

ОРИЕНТАЛИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Ирина Борисовна ЛОМАКИНА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
lomakina7311@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается ориенталистская традиция с момента ее возникновения и оформления в относительно законченную парадигму восточной государственности. Отмечается, что ее истоком была греко-римская политико-правовая историография и что, пройдя через горнило Средних веков (христианскую теологию), она обрела новое звучание в эпоху Возрождения и Просвещения. Ориенталистский дискурс представлен в статье не как «гнусный» заговор империалистов против «бедного» и «отсталого» Востока, а как интеллектуальная традиция, в которой Восток осмысливается категориями западной культуры. Однако конструируемая субъективная реальность ориенталистского дискурса далека от той действительной реальности, в которой реальные люди живут, тех ценностей, которые они разделяют, и тех статусов, которые на самом деле имеют. В статье утверждается, что ориенталистский дискурс сегодня утратил свой эвристический потенциал и требует пересмотра. Социальный запрос все настоятельнее требует смещения акцентов, выработки категориального аппарата и новых подходов в осмыслении мира, который выходит сегодня за рамки однополярности.

Ключевые слова: ориентализм, европоцентризм, дискурсивные практики, восточная государственность, правовая идентичность, правовой статус

Для цитирования: Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция в политико-правовых дискурсивных практиках // Криминалистъ. 2024. № 1 (46). С. 141 – 146.

Original article

ORIENTALIST TRADITION IN POLITICAL AND LEGAL DISCURSIVE PRACTICES

Irina B. LOMAKINA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, lomakina7311@gmail.com*

Abstract. The article examines the orientalist tradition from the moment of its genesis and its formation into a relatively complete paradigm of Eastern statehood. It is noted that it originates from the Greco-Roman political and legal historiography and that having passed through the hearth of the Middle Ages (Christian theology) it was given a new resonance during the Age of the Renaissance and Enlightenment. The orientalist discourse is presented in the article not as a «vile» conspiracy of imperialists against the «poor» and «backward» East, but as an intellectual tradition in which the East is comprehended by the categories of Western culture. However, the constructed subjective reality of orientalist discourse is far from the actual reality in which real people live, the values they share and the statuses they actually have. The article argues that orientalist discourse has lost its heuristic potential today and requires revision. The social demand urgently requires a shift in emphasis, the development of a categorical apparatus and new approaches to understanding the world which today goes beyond unipolarity.

© Ломакина И. Б., 2024

Keywords: orientalism, Eurocentrism, discursive practices, Eastern statehood, legal identity, legal status

For citation: Lomakina I. B. Orientalist tradition in Political and Legal discursive practices. *Criminalist*. 2024;1(46):141-146. (In Russ.).

Ориенталистская интеллектуальная традиция начала формироваться в глубокой древности. Труды Платона, Аристотеля, Эпикура, Полибия и других греческих философов яркое тому подтверждение. Рассуждая о справедливости, праве и равнодостоинстве человека с привязкой к полисной жизни, интеллектуальная элита вычеркивала из правового общения практически всех, кто принадлежал к другой культуре, а также женщин, детей и рабов. Идентифицируя себя только с равными, вступая с ними в диалогическую связь, именно греки обосновывали свою исключительность (самость), выводя ее сначала из слова (логоса), а потом и дела (участия в правовой жизни). Видя в своей исключительной природе различные связи (отношения) с социально значимым «другим» («другими») и рефлектируя по поводу отождествления и различения себя с ним (с ними), греки сформулировали правовую аксиому «право — мерило свободы» [1, с. 253]. Этот аксиоматический принцип лег в основу понимания права и понимания человека в праве. Важно отметить, что такой человек, вернее, политический человек, был гражданином полиса и был выше всех прочих. Ведь он носитель права, в отличие от других.

Политико-правовой дискурс Рима не явил миру оригинальных теоретических конструкций. Он лишь продолжил обозначенную линию греческих рассуждений о правовой исключительности свободного, участвующего в политической, а значит, и правовой жизни мужчины, собственника, имеющего рабов и занимающегося различными видами искусства, включая искусство ведения войны и искусство порабощения других не только физически, но и интеллектуально.

В ранее опубликованной нами статье, посвященной правовой идентичности в классическую эпоху [2], мы уже анализировали позицию Франческо Феррандо по поводу

понимания римлянами человека. Человек в этой интерпретации представал не только в явно заданных границах (например, *homo barbarus*, который нуждается в окультуривании), но также и в неявных границах. Речь идет о тех категориях людей, которые не имели возможности участвовать в правовой коммуникации (дети, женщины, рабы) [3, с. 159].

Таким образом, античная классическая интеллектуальная традиция заложила фундамент для формирования двойных стандартов, в которых можно было вполне успешно дискриминировать «чужих-других» и даже «ущербных-своих» (чернь — пользуясь терминологией Цицерона) [4, с. 321] во имя демократии и свободы. «Поэтому особая культурная исключительность предполагала правовую идентичность человека (мужчины, имеющего собственность и рожденного в полисе) и благодаря праву закреплялись и легитимировались соответствующие модели поведения, запрещающие убивать, эксплуатировать, подвергать жестоким наказаниям всех тех, кто был своим» [2, с. 13]. Исключение составляли только те свободные мужчины-граждане, которые представляли угрозу афинской демократии. Институт остракизма, а в крайних случаях и физическая ликвидация (Сократ), были призваны обеспечить устоявшийся порядок и ценности, конституирующие его.

Однако, как совершенно правильно полагает Д. И. Луковская, именно в Риме получила доктринальное закрепление «фундаментальная максима античности: „Воздавать каждому свое“». Лучшие должны получить лучшее, а худшие — худшее. Отсюда цicerоновское «великое равенство» не было и не могло быть равенством, исключаящим какую-либо дискриминацию по отношению к участникам правового общения, равенством возможностей в доступе к социальным благам [5, с. 491]. Поэтому, как отмечалось нами ранее, универсальные начала (реализуемые

только в рамках полиса) в жизни права доктринально утверждались теориями естественного права, тем самым было положено начало европейской традиции защиты индивидуальной свободы равных «по разуму» субъектов [2, с. 13].

Идея достоинства среди равных, пройдя через горнило Средних веков, прежде всего через католическую христианскую догматику, приобрела иное смысловое содержание. Теперь правильная христианская вера (католическая версия) стала скрепой правовой идентичности. Поэтому за гранью добра и праведности оставался большой и враждебный мир язычников, еретиков, христовых отступников, мусульман, буддистов. Они по-прежнему оставались «чужие-другие», и им по-прежнему отказывали в равнодостоинстве. Католические ордена и колоссальное количество миссионеров, оказавшись волею божественного провидения в неевропейском мире, принялись «словами и делами» исправлять порочную природу неевропейцев, подвергая «неразумных», диких и отсталых, морально разложившихся варваров исправлению и искуплению грехов через покаяние и святое причастие. Речь идет о насильственной христианизации неевропейских народов. Однако если Латинская Америка в массе своей не сумела противостоять европейской экспансии, то более сильные культуры Индии, Китая, Арабского Востока, Африки практически остались верными своим ценностям, языку и традициям в целом.

Гуманистический дискурс Возрождения, а чуть позже и Просвещения доктринально закрепил идею верховенства белого человека, связав его с прогрессом и правом в юснатуралистической версии. Именно эта версия ставила индивида на невиданный до сего пьедестал, а в ряде случаев упраздняла даже Бога. О смерти Бога в то время писали многие, атеистические учения изобиловали разными сценариями развития общества, но несомненным было то, что все без исключения учения актуализировали прогресс, связывая его с правом и с господством белого человека.

Набор представленных идей на самом деле не отличался разнообразием, мало кто

задумывался о том, что тотальная интеллектуальная история писалась европейцами для европейцев и во имя европейцев. Как отмечает Уильям Мак-Нил, западный мир многое заимствовал у мира Востока, что дало возможность Западу совершить экономический рывок и стадийно выйти на новый уровень развития [6].

В процессе западной модернизации и выхода на новые технологические рубежи восточный мир постепенно превращался в мировое захолустье, скатываясь в положение поставщика сырья. Дешевая рабочая сила, безграничные ресурсы и отсталая экономика стали лакомым куском для динамично развивающейся Европы. Европейская интеллектуальная элита долго и кропотливо формировала негативный образ восточного дикаря и деспота, не ограниченного никакой властью. Этот образ питался метафорами «Восток развивается по кругу», «Восток лишен внутреннего импульса развития», «на Востоке нет права, там царит произвол», «мир Востока — тупик культуры». Красочно шельмуя восточную государственность в своих работах по синологии, прежде всего в работе, посвященной деспотизму Востока и сравнению тотальной власти, Карл Виттфогель видит на Востоке сплошной порок, выраженный «политическим евнухизмом», «рабством» и «демократий оборванцев и попрошайек, зависящих от деспотической власти» [7]. Конечно, надо отдать должное К. Виттфогелю, так как он действительно создал весьма оригинальную гидравлическую концепцию, объясняющую причины возникновения государственности на Востоке. В статье «Ирригационная теория происхождения государства в творчестве К. А. Виттфогеля» нами дается анализ ориенталистских идей и утверждается, что «начатая с марксистских позиций о производительных силах, его агрогидравлическая концепция со временем эволюционировала в сторону изучения надстроечных явлений (политики, социальных институтов) и предстала в законченном виде в книге „Oriental despotism: a comparative study of total power“ (Wittfogel, 1957). ... Будучи идейным врагом всего восточного мира в целом и социалистического

мира в частности, Виттфогель снискал себе славу „ученого апологета капитала и колониализма“» [7].

Представленное негативное видение Востока не возникло в одночасье. Европоцентризм, как отмечалось выше, сформировал ориенталистский дискурс, уходящий своими корнями в греко-римскую интеллектуальную традицию, средневековую теологию, французское Просвещение, марксизм и пр. Ориенталистская традиция по сей день имеет мощную поддержку, и она, как правильно отмечает Эдвард Саид, не связана только с «„империалистическим гнусным заговором“». Хотя в этой традиции Восток предстает как символ европейской власти над Востоком» [8, с. 34]. По-прежнему очевиден факт «вогнутой линзы», через которую европейцы познавали чуждый им мир Востока. Э. Саид утверждает, что ориентализм «не есть предмет или область, пассивно отражаемая культурой, наукой или институтами; ориентализм — это и не обширная и разнородная коллекция текстов о Востоке» [8, с. 35]. По мысли автора, ориентализм это «скорее, распространение (distribution) геополитического сознания на эстетические, научные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты. Это не только выработка (elaboration) фундаментального географического различия (мир состоит из двух неравных половин, Востока и Запада), но и целого ряда „интересов“, которые с помощью таких инструментов, как научное открытие, филологическая реконструкция, психологический анализ, ландшафтное и социологическое описание, его не только создают, но и поддерживают» [8, с. 35]. Ориенталистский дискурс не связан напрямую только с политической властью. Он, как полагает Саид, «производится и существует в процессе неравного обмена с различными видами власти, сформированный в определенной степени обменом с властью политической (например, с колониальным или имперским истеблишментом), властью интеллектуальной (с господствующими науками, такими как сравнительная лингвистика или анатомия, или с любой из современных политических наук), властью

культурной (такой, как ортодоксии и каноны вкуса, текстов, ценностей), властью моральной (например, представления о том, что именно делаем „мы“, что „они“ не способны ни делать, ни понимать)» [8, с. 35]. Представленный ракурс понимания ориентализма не просто взгляд прогрессивного Запада на «дикий» и «отсталый» Восток, а интеллектуальный дискурс, в котором переплетаются понимание и познание «чужого» языком европейской культуры. Поэтому ориентализм — это европоцентристская интеллектуальная традиция, в которой «чужой» всегда просеивается через сито апрорных ценностей западной культуры.

Можно полагать, что на протяжении более тысячи лет европоцентристская историография формировала ориенталистскую традицию, и эта традиция имела практически незыблемые основания вплоть до середины XX века. И только в 60-е годы начинается откат от «всех форм тотальности», европоцентризм попадает под перекрестный огонь как «левых», так и «правых». Отказ от колониального прошлого, «красная весна во Франции», движение хиппи, разного рода феминистские течения, всевозможные институционализированные организации экологов-активистов, антирасистские общественные движения побудили дискурсивное сообщество пересмотреть господствующие номинации в европейской политико-правовой традиции, и прежде всего пересмотру подвергся сам человек, его идентичность, в том числе в сфере права. Констатация смерти субъекта в постмодернистской литературе нашла свое воплощение в работах М. Фуко, Ж. Дерриды, Ж. Бодрийяра и др. Уход от тотальности привел постмодернистов к деконструкции «всего и вся». Однако эта интеллектуальная струя не предложила миру позитивной исследовательской программы. Но в близких к постмодерну направлениях гуманитарной мысли, например дискурс-анализе, гендерной теории, культуральных исследованиях и медиа-исследованиях, можно увидеть изменение вектора в сторону большей плюральности и отказа от нарратив индустриальной культуры. Правда, к восточной тематике эти исследования

напрямую не относятся, но именно в них, как мне кажется, как в капле воды отражается весь кризис западной культуры, а потому и отказ от ее нарративов вполне логичен. Однако, несмотря на упомянутые критические исследования, в целом западный дискурс и по сей день остается европоцентричным. Поэтому на новых методологических основаниях необходимо преодолевать ориенталистские мифологемы о несостоятельности другого пути развития.

Если рассматривать советскую политико-правовую историографию, построенную на марксистской доктрине, то она тоже отказывала восточным государствам в самостоятельном развитии. Развитие должно было быть непременно коммунистическим, и вне коммунистического мира ни о каком развитии речи быть не могло. Не рассматривая Восток как ресурсную окраину мира, но видя в нем младшего брата, СССР стремился подтянуть, выровнять, а в ряде случаев и включить в себя «отсталый Восток». Всемирная история, написанная советскими учеными, не предполагала рассказа для внутреннего пользования, но предполагала рассказ о героическом прошлом советского народа и братских народов, угнетенных капиталистической системой. Советская историография тоже была европоцентричной, но отрицающей европейский либерализм в качестве идеологического основания.

Весьма интересный проект в рамках российской интеллектуальной традиции предложили евразийцы. Отрицая коммунизм, а заодно и весь советский строй (сначала), эмигрировав на «блистательный Запад», они не нашли там того светоча, который искали. Не нашли они там и особой духовности, не увидели и правды в праве, да и свобода оказалась иллюзией, не более того. Евразийский политико-правовой дискурс был представлен трудами Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого (псевдоним Востоков), П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского, Л. П. Карсавина, Г. В. Вернадского, Н. Н. Алексеева и др.

Как справедливо отмечают авторы, разрабатывающие сегодня евразийскую политическую экономию, Д. Ю. Миропольский, С. А. Дятлов, Г. В. Нинциева, А. Л. Тарасе-

вич, «исходным и самым существенным моментом евразийской концепции выступают положения о необоснованной претензии европейской культуры на универсальный характер и о ее откровенной чужеродности российской культуре» [9, с. 57]. Евразийские идеи, связанные с особым путем развития России, безусловно, интересны, но не со всеми можно согласиться, особенно в части мессианства и богоизбранности русского народа, обладающего особой духовностью. Представляется, что утверждение о богоизбранности того или иного народа — плохая стратегия в поликонфессиональном обществе, и единство надо усматривать в другом, по крайней мере, в XXI веке.

Поэтому ни постмодернизм, ни евразийство, а только постклассика, ориентированная на антропологический поворот, должна акцентировать внимание на том, что необходимо по-новому осмысливать различный политико-правовой опыт. Сегодня становится очевидным, что оценки, данные восточной государственности как внеисторической, как дикой и отсталой, не выдерживают критики. Это, в свою очередь, порождает необходимость осмысливать и переосмысливать политико-правовой опыт всех тех, кто выбивается из европейских цивилизационных рамок, чья система ценностей далека от индивидуалистических идеалов свободы как Абсолюта, включающего всевозможные эксперименты над самим собой и обществом в целом (применение биотехнологий, трансгуманистических практик, гендерных экспериментов и пр.).

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам. Сегодня формируется интеллектуальная потребность (социальный заказ) в новом, не европоцентричном дискурсе, а более адекватном, в котором свой образ и образ себе подобных коррелирует с материальными условиями жизни и ментальностью. Это, в свою очередь, требует и обновления категориального аппарата, и наполнения новыми смыслами прежних понятий, приспособления их к ценностям культуры. Также нужны принципиально новые подходы. Ведь понять себя можно не только через призму

того, что было вчера, но и через призму того, что есть сегодня. И в этом смысле ориенталистский дискурс больше не отвечает на злободневные вопросы. Навешанные однажды ярлыки должны быть сняты, а Восток должен занять достойное место в интеллектуальном дискурсивном пространстве.

Конечно, было бы наивным утверждать, что современный гуманитарный дискурс может быть абсолютно объективным и беспристрастным. Как и раньше, большое значение имеет взгляд доминантной культуры на развитие общества, государства и человечества в целом. Но сегодня не существует

одной-единственной доминантной культуры. Мир сегодня отнюдь не замиранный. Цивилизационный конфликт поставил под сомнение идею господства Европы, а вместе с ней и идею господства универсализма в праве. Поэтому современный гуманитарный дискурс должен стремиться по-новому посмотреть на Запад и на Восток, видя в них два равнозначных и равнодостоинных пути развития. Новая складывающаяся интеллектуальная традиция не должна состоять только из описания побед Запада над деспотическим, диким и отсталым Востоком с «азиатским способом производства».

Список источников

1. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. Москва : Мысль, 1983. Т. 4. 832 с.
2. Ломакина И. Б. Правовая идентичность в классическую эпоху // Криминалистика. 2023. № 1 (42). С. 112–118.
3. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Павлова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 358 с.
4. Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / предисл. Е. И. Темнова. Москва : Мысль, 1999. 782 с.
5. Луковская Д. И. Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. 2021. Т. 65, № 4 С. 484–498.
6. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев : Ника-Центр ; Москва : Старклайт, 2004. 1064 с.
7. Ломакина И. Б., Михайлова М. В. Ирригационная теория происхождения государства в творчестве К. А. Виттфогеля // Финансовая экономика, 2023. № 2. С. 46–48.
8. Саид Э. Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов. Москва : Музей современного искусства Гараж, 2021. 560 с.
9. Миропольский Д. Ю. О новом курсе «Евразийская политическая экономия» // Вестник ТИСБИ. 2016. № 3. С. 55–91.

Информация об авторе

И. Б. Ломакина – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I. B. Lomakina – Professor at the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 340

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА
В ПРАКТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Илья Львович ЧЕСТНОВ¹, Дарья Олеговна ЧИКАРЕВА²

^{1,2}Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ichestnov@gmail.com

Аннотация. Авторы статьи анализируют историю и современное состояние антропологии права. Основное внимание уделяется практическим проблемам современной юриспруденции, которые успешно решаются постклассической социокультурной антропологией права. Изучение правовых институтов с позиций действующих субъектов в контексте социокультурных ограничений позволяет переосмыслить догматику права, понятия нормы права, действия права, конфликта норм права.

Ключевые слова: антропология, антропология права, норма права, действие права, конфликт норм права

Для цитирования: Честнов И. Л., Чикарева Д. О. Социокультурная антропология права в практическом измерении // Криминалистика. 2024. № 1 (46). С. 147 – 152.

Original article

SOCIO-CULTURAL ANTHROPOLOGY OF LAW
IN A PRACTICAL DIMENSION

Ilya L. CHESTNOV¹, Daria O. CHIKAREVA²

^{1,2}St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, ¹ichestnov@gmail.com

Abstract. The authors of the article analyze the history and current state of the anthropology of law. Special attention is paid to the practical problems of modern jurisprudence, which are successfully solved by the postclassical socio-cultural anthropology of law. The study of legal institutions from the point of view of acting subject in the context of socio-cultural constraints allows us to rethink the dogmatics of law, the concept of the rule of law, the actions of law, the conflict of law.

Keywords: anthropology, anthropology of law, rule of law, action of law, conflict of law

For citation: Chestnov I. L., Chikareva D. O. Socio-cultural anthropology of law in a practical dimension. Criminalist. 2024;1(46):147-152. (In Russ.).

Антропология права – относительно молодая научная дисциплина, имеющая два начала: философская антропология и этнография. Философская антропология – это

раздел философии о сущности человека, его природе. Любое философское учение не может обойти вниманием проблематику человека. В современной постклассической

© Честнов И. Л., Чикарева Д. О., 2024

философии на человеческом измерении завязана вся проблематика: и онтология, и гносеология, и методология, и аксиология, и этика и т. д. Наиболее важными и сложными философскими проблемами человекомерности социального мира, на наш взгляд, являются соотношение конструктивистской активности человека и ее ограниченность структурой — культурой социума (которая одновременно и ограничивает и создает возможности для личности). Как происходит процесс социализации личности? Как обеспечить выживаемость рода человеческого и не скатиться при этом к диктатуре? и т. п.

Этнография предшествует антропологии, возникая в середине XIX в. как прикладное знание по управлению колониями в империях того времени. Именно это направление получает социальную институционализацию, что выражалось в открытии соответствующих кафедр в университетах западных стран, в систематически проводимых научных исследованиях (прежде всего, полевых), в научных публикациях и конференциях.

Во второй половине XIX в. на пересечении антропологии (понимаемой как этнография) и юриспруденции складывается юридическая антропология. Этому способствовали первые научные публикации по данной проблематике, которые стали появляться в это время. На развитии юридической антропологии также сказался политико-правовой процесс колонизации. Для эффективного управления колониями необходимы были знания об обычном и религиозном праве, действующем в «традиционных обществах», а также о перспективах рецепции западного законодательства в колониях. После обретения колониями независимости в сер. XX в. эти знания оказались еще более востребованными с практической точки зрения — для изучения процессов правовой аккультурации, понимаемой как модернизация по западному образцу правовых систем бывших колоний.

В конце XX в. в социогуманитарном знании происходит «антропологический поворот» как признание «человекомерности» всех социальных явлений и процессов. Этому способствовали новые подходы в философии, такие как символический интеракционизм, социальная феноменология, этнометодология, а также изменение методологии науки (приход неклассической и постклассической научно-исследовательских программ, которые утверждают зависимость результатов научного исследования от позиции наблюдателя в квантовой физике и науки от ценностного, социокультурного контекста). Жизнь человека — это смыслы и значения, которыми он конструирует и реконструирует свое бытие. Это положение относится ко всем социальным наукам, которые тем самым становятся социогуманитарными. В ситуации постклассики новой методологией, задающей основания онтологии, «по-новому определяется природа человека, то, что ранее называлось родовой сущностью человека. Если в классической антропологии ее определения были связаны с поисками ее инвариантных характеристик, ее устойчивости, тождественности и неизменности, то в современной антропологии акцент делается на открытости человека бытию, на вовлеченности его сознания в бытие, на историчности человеческого существа, его сопряженности с бытием других людей и в конечном счете на его неопределенности. Этот поворот в философской антропологии кардинально меняет сам способ видения человека: вместо тождественности возникает идея изменчивости, вместо закрытости человеческой сущности — идея открытости человека, вместо натуралистического объяснения сущности человека — мысль о его историчности и конструктивности» [1, с. 7].

Все это не могло не сказаться на развитии антропологии права. Она также претерпевает изложенные выше трансформации, прежде всего в методологии, превращаясь из «классической» антропологии в постклассическую социокультурную антропологию

права. Такая методология основана на нескольких принципах. К ним следует отнести принцип культурной обусловленности «человека в праве» в сложной диалогической взаимообусловленности личностной интенции и культурных ограничений. Правовая культура социализирует человека, конструирует из него «правовую личность» (этот процесс очень сложный, он может изучаться с позиций разных методологических подходов, например с точки зрения генетической психологии школы Ж. Пиаже, с позиции практики медиакоммуникации или фукольд-дианской концепции власти-знания). Однако правовую культуру конструирует и переконструирует человек своими практиками. Другой методологический принцип — отказ от позиции Абсолютного метанаблюдателя и вытекающая отсюда релятивизация знания об объекте. Релятивизм — это не оскорбление, а признание относительности любого знания, в том числе научного. Знание является относительным не только потому, что оно ограничено несовершенством «природы человека», но и потому, что оно обусловлено исторической эпохой, культурой данного социума, научным сообществом и принятыми в нем нормами и идеалами. Оно же относительно к позиции автора научного исследования, не только к его идеологическим и политическим пристрастиям (о чем писали представители правового реализма и школы критических правовых исследований), но и к типу правопонимания, к той методологии, которой привержен данный автор. Ангажированность любого научного исследования, особенно в социогуманитарных науках, сегодня считается аксиомой. Для ее преодоления (всегда неполного, относительного) рекомендуется тщательная рефлексия (саморефлексия) позиции автора, «объективация объективации» (по терминологии П. Бурдье) научного исследования.

Наиболее важным представляется принцип, имеющий практическое воплощение: исследование правовой реальности сквозь призму актора — действующего субъекта

(в соотношении с позицией относительного наблюдателя). Этот принцип конкретизируется в методе включенного наблюдения, который начинает использоваться в антропологии со времен Н. Миклухо-Маклая и с некоторым успехом применяется в современной антропологически ориентированной юриспруденции, например в криминологии. Именно он позволяет показать, какой смысл вкладывают люди — носители статусов субъектов права — в совершаемые ими действия, как они (действия) означиваются и оцениваются внешним наблюдателем (т. е. с позиции официальной власти — действующего законодательства). Так, бельгийский антрополог Т. К. Сиссенер, изучающий коррупцию, заявляет, что именно антропологические методы позволяют понять, как именно воспринимают коррупцию действующие субъекты, что они считают коррупцией, а что нет [2, р. 28].

Интересно отметить, что такой подход отчасти созвучен важному положению аналитической философии права, сформулированному Л. Витгенштейном: значение знака — это способы его использования в «языковых играх». Проблемы «употребления языка» определяют «образ действий всей аналитической философии», — заявляет В. А. Суровцев [3, с. 25], и добавим, всей аналитической философии права со времен Г. Харта. Более того, наблюдение за юридической практикой судей — основа методологии правового реализма, одного из наиболее перспективных направлений в современной юриспруденции, относящегося к социологии права. Все это свидетельствует о важности и распространенности метода включенного наблюдения в современной юриспруденции.

Практической юридической проблемой, достаточно активно изучаемой постклассической социокультурной антропологией права, является исследование правовой повседневности. Дело в том, что именно в ней — юридической повседневности — преломляются все нормы права, в ней они получают

практическое воплощение. Происходит это через конкретизацию норм как абстрактных правил поведения в практических образцах: в правовых социальных представлениях, которые в индивидуальном правосознании трансформируются или интериоризируются в правовые фреймы и скрипты.

Последние представляют собой образцы типичных и «правильных» с точки зрения данного актора (человека — носителя статуса субъекта права) способов достижения легальной и легитимной цели. Это образцы ситуаций, имеющих юридическую значимость. Например, что должно быть в комнате или зале судебного заседания, в дежурной части отделения полиции и т. д. Правовой скрипт — это образец поведения в такого рода ситуациях: как следует действовать во взаимоотношениях с полицейским, начальником, прокурором, судьей или адвокатом в контексте соответствующей ситуации. Именно они — правовые фреймы и скрипты — образуют рамки неформальных норм-практик, которые являются главными регуляторами правового поведения и дают четкое представление о том, как воплощаются на практике нормы права, почему в одних случаях они реализуются (и применяются) достаточно эффективно, а в других нет.

Кроме того, антропологическая методология включенного наблюдения или глубинного интервью, изучения фокус-групп (и др.) позволяет выяснить, как именно оценивают акторы официальные нормы права. «Нередко предполагается, — пишет Дж. Финнис, — что оценка права как типа социального института, если ею вообще стоит заниматься, должна быть предвосхищена свободным от оценочных суждений описанием и анализом этого института в том виде, в каком он фактически существует. Однако развитие современной юриспруденции наводит на мысль, а методологическая рефлексия всех общественных наук подтверждает, что теоретик не способен дать теоретическое

описание и анализ социальных фактов, если он в то же время не участвует в деятельности по оцениванию, по выработке понимания того, что на самом деле хорошо для человека и чего действительно требует практическая разумность. ... Действия, устоявшиеся порядки и т. д. могут быть в полной мере поняты только через постижение их смысла или, иначе говоря, их цели, их ценности, их значимости или важности, как они мыслятся теми, кто совершает их, участвует в них и т. д. И эти представления о смысле, ценности, значимости и важности будут отражаться в мыслительной и речевой деятельности тех же самых людей, в тех понятийных различениях, которые они проводят или же, наоборот, не проводят либо отказываются проводить. Более того, эти действия, устоявшиеся порядки и (т. д.) и соответствующие представления существенно различны для разных людей, обществ, обстоятельств времени и места. Как же тогда может существовать общая дескриптивная теория, охватывающая эти разнообразные частные элементы?» [4, с. 19–20].

Одной из важных проблем в данной связи является отсутствие прямой (тем более логической) выводимости практических рецептов (схем) юридически значимого поведения из принципов права и норм права, абстрактных, так сказать, «по определению». Эту проблему в свое время сформулировал уже упоминавшийся выше Л. Витгенштейн как «парадокс следования правилу»: «Ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом» [5, с.163]. Если же перевести все это в плоскость юриспруденции, то действительно можно обнаружить, что любой принцип права, сформулированный, например, в конституции какого-либо государства (или даже конституциях многих государств), согласуется в законодательстве с значительно отличающимися нормами

права. Например, принцип независимости суда — с несколькими вариантами организации судебной власти; принцип социального государства — с несколько отличающимся законодательным регулированием социальной политики и т. д. Но что еще более важно, так это то, что нормы права для того, чтобы быть реализованными на практике (в практических действиях), должны быть конкретизированы правовыми обычаями или практическими рекомендациями (например, нормы УПК — криминалистическими рекомендациями), интериоризированы в правосознание, в правовые умения и навыки. Ко всему прочему, кроме официальных норм всегда и во всех областях юридической сферы существуют неформальные нормы.

Сложной и интересной проблемой, относящейся к антропологии права, является конфликт норм. Швейцарский антрополог Г. Андерс, изучая коррупцию чиновников в Малави, сравнивает чиновников с хамелеонами. Чиновник, пишет антрополог, вынужден постоянно лавировать между требованиями государственной службы, достаточно жестко урегулированными законодательством, написанным по лекалам европейских государств, потребностями большой семьи, знакомых и личными интересами. При этом отказ в помощи родственникам или знакомым чреват остракизмом. Отказавший в помощи даже может быть подвергнутым колдовским ритуалам осквернения, что по моральным последствиям хуже, чем быть привлеченным к уголовной ответственности за коррупцию [6, р. 44–45].

Все это предполагает антропологизацию всех институтов права, изучаемых юриспруденцией, а также переосмысление догматики права и юридической техники. Так, норма права при антропологическом ее прочтении — это не только форма ее внешнего выражения (например, в статье нормативного правового акта), но широко распро-

страненные, многократно повторяющиеся юридические практики и их восприятие в правосознании. Действие права в антропологическом измерении — это не просто вступление в силу нормативного правового акта или другой формы права, но это еще и действия людей — носителей статусов субъектов права в соответствии (а иногда и вопреки) с информацией, сформулированной в определенной форме права (в «источнике права», в позитивистском смысле). Именно антропологический подход дает возможность понять и объяснить, почему одни нормы или институты права эффективны, а другие «остаются на бумаге». Это связано с мотивацией людей, которые своими практиками воспроизводят соответствующие нормы права. В то же время намерения и действия людей в юридически значимых ситуациях всегда осуществляются в контексте, налагающем ограничения на свободу выбора поведения. Антропологические по сути исследования, проводимые социологами из Института проблем правоприменения, показывают, как статистическая отчетность и другие институциональные ограничения определяют способы поведения сотрудников правоохранительных органов [7].

Таким образом, антропология права с помощью метода включенного наблюдения позволяет выявлять скрытые неформальные нормы, «латентные практики», образующие содержание юридической повседневности. В этом и состоит первостепенное практическое значение постклассической социокультурной антропологии права, в которой производится взаимоувязывание личностной интенции акторов правовой повседневности с теми ограничениями, которые налагаются на них социумом, его культурой, организацией, требованиями социально значимого Другого, олицетворяемого, например, законодательством, референтными группами, статистической отчетностью в государственных органах и т. д.

Список источников

1. Методология науки и антропология / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. О. И. Генисаретский. А. П. Огурцов. Москва : ИФРАН, 2012. 287 с.
2. Sissener T. C. Anthropological Perspectives on Corruption // Development Studies and Human Rights. 2001. № 5. P. 25–31.
3. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия права: юридический язык и речевые акты. Москва : Канон+, 2022. 320 с.
4. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. Москва : ИРИСЭН : Мысль, 2012. 552, [1] с. (Серия «Право»).
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. Москва : Гнозис, 1994. 612 с.
6. Ander G. Like chameleons: Civil servants and corruption in Malawi // The Governance of daily life in Africa. APAD Bulletin. № 23-24. P. 43–67.
7. Панях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. Санкт-Петербург : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2018. 476 с.

Информация об авторах

И. Л. Честнов – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Д. О. Чикарева – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

I. L. Chestnov – Professor at the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor;

D. O. Chikareva – Student at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

РЕЦЕНЗИИ ОБЗОРЫ МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА. ОБЗОР НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРИУРОЧЕННОЙ К 30-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Яна Константиновна ЧЕПЕНКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, chepenko55@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен обзор научно-практической конференции «Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина», приуроченной к 30-летию Конституции Российской Федерации. Изложены основные положения докладов ведущих ученых, выступивших на конференции.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционализм, права и свободы человека и гражданина

Для цитирования: Чепенко Я. К. Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Обзор научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Конституции Российской Федерации // Криминалистика. 2024. № 1 (46). С. 153 – 158.

Review article

CURRENT PROBLEMS OF ENSURING AND PROTECTING HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS. REVIEW OF THE RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE DEDICATED TO THE 30TH ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yana K. CHEPENKO

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, chepenko55@mail.ru*

© Чепенко Я. К., 2024

Abstract. The article presents an overview of the research and practice conference «Current problems of ensuring and protecting human and civil rights and freedoms», dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. The main theses of the speeches of the leading scholars who spoke at the conference are presented.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, constitutionalism, human and civil rights and freedoms

For citation: Chepenko Y. K. Current problems of ensuring and protecting human and civil rights and freedoms. Review of the research and practice conference, dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. *Criminalist*. 2024;1(46):153-158. (In Russ.).

В Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации 17 ноября 2023 года состоялась научно-практическая конференция «Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина», посвященная юбилейной дате – 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации. Мероприятие было подготовлено и проведено кафедрой государственно-правовых дисциплин Института.

В работе конференции приняли участие начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе Н. Е. Солнышкина и прокурор Санкт-Петербурга В. Д. Мельник, заместитель прокурора Ленинградской области С. В. Виноградов, исполняющий обязанности Северо-Западного транспортного прокурора Р. Ф. Доценко, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке доктор юридических наук, профессор Н. С. Бондарь, заместитель председателя Избирательной комиссии Ленинградской области Ф. Г. Замятин, начальник отдела информационно-аналитического и организационного обеспечения Аппарата Уполномоченного по правам человека Ленинградской области Е. А. Черемшанова, профессорско-преподавательский состав Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации и других вузов России, а также посредством видео-конференц-связи приняли участие советник Конституционного Суда Российской Федерации А. С. Карцов, профессор кафедры организационно-аналитического обеспечения деятельности и управления в органах

прокуратуры Университета прокуратуры Российской Федерации А. Ю. Винокуров, советник Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге К. Е. Шарыгин, представители высших учебных заведений Российской Федерации.

Чсть открыть конференцию и приветствовать ее участников была предоставлена директору Института доктору юридических наук, профессору А. П. Спиридонову, который отметил важность научного мероприятия и обозначил его цели: раскрыть значение Конституции Российской Федерации в развитии правовой системы России, рассмотреть конституционно-правовые механизмы реализации прав и свобод человека и гражданина, обсудить роль прокуратуры Российской Федерации в защите конституционных прав и свобод граждан.

С приветственным словом к участникам конференции обратились начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе Н. Е. Солнышкина и прокурор Санкт-Петербурга В. Д. Мельник.

Функции модератора мероприятия выполнял заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент В. В. Лавров.

На конференции были заслушаны доклады, посвященные российскому конституционализму в эпоху глобальных перемен, конституционным поправкам 2020 года, значимости решений Конституционного Суда Российской Федерации в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина, участие института уполномоченного по правам человека в защите конституционных прав граждан, защите прав и свобод человека

и гражданина в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве и др.

Н. С. Бондарь, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, акцентировал внимание в своем выступлении, что 12 декабря, в День Конституции Российской Федерации, необходимо говорить не только и не столько о достижениях Конституции и ее важном и основополагающем значении, но и о проблемах, которые существуют и предполагают необходимость их решения и преодоления.

Вся конституционная история России — это отражение, проявление противоречий и стремление к их преодолению. Особенность национального российского конституционализма заключается в том, что он существенным образом опередил конституцию. Российский конституционализм зародился, как некоторые считают, еще до Русской Правды, но если взять более поздние времена, то это прежде всего Новгородская республика. Если внимательно посмотреть на государственное устройство Новгородской республики, то можно обнаружить разделение властей, включая вече, наместников, судебный орган, княжескую власть (как верховную власть). Одним из основоположников российского конституционализма без конституции как основного закона стал М. М. Сперанский¹. В своих работах «О коренных законах государства» и «Введение к Уложению государственных законов» М. М. Сперанский как раз отмечает, что коренные законы государства — это и есть конституция. Конституционные основы устройства государства М. М. Сперанский пытался реализовать на практике через законопроектную и кодификационную деятельность, именно М. М. Сперанский стал автором свода законов Российской империи. Последующие конституционные акты и сами по себе конституции — это формальное юридическое закрепление тех

¹ Сперанский М. М. О коренных законах государства // Проекты и записки. М. ; Л., 1961 ; Сперанский М. М. Введение к Уложению государственных законов // Проекты и записки. М. ; Л., 1961.

доктрин и концепций, которые формировались в российской государственной сфере и порой опережали, по некоторым моментам, отдельные конституционные идеи, которые сейчас мы связываем с западным конституционализмом.

Н. С. Бондарь обозначил в своем выступлении тезис в виде вопроса: «Когда была первая конституционная реформа в России?».

В представлении Н. С. Бондаря, первая конституционная реформа в России — это Судебная реформа 1864 года. Специфика (особенность) конституционного устройства, конституционного оформления российской государственности заключалась в том, что организация и законодательное оформление судебной власти опережали конституирование других ветвей власти. Об этом, например, свидетельствует акт Петра I 1711 года «Указ об учреждении Правительствующего Сената о и персональном его составе». Правительствующий Сенат воплощал в себе различные правительственные функции.

Также Н. С. Бондарь остановился на конституционных поправках, принятых в 2020 году. Он отметил, что они в абсолютном большинстве имеют в своей основе правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Это и единство публичной власти, об этом Конституционный Суд высказался впервые еще в 1996 году², и принципиально важные подходы, которые получили закрепление в Конституции Российской Федерации, связанные с верховенством Конституции и преодолением иллюзий верховенства (приоритета) любых международных правовых норм, формулируемые начиная с 2012 года в решениях Конституционного Суда.

Одним из очень важных направлений развития конституционализма является процесс перехода от конституционализации правоохранительной деятельности и про-

² По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

курорского надзора к правоохранительному конституционализму, формированию системы правоохранительного конституционализма. Одним из основных звеньев системы правоохранительного конституционализма является прокуратура. Правоохранительный конституционализм — это не деятельность специальных уполномоченных органов, это охрана права, это система охраны права. Право — социальное явление, самое святое, что есть у Бога на Земле. Система правоохранительного конституционализма ориентирована на защиту этого права.

Многие решения Конституционного Суда Российской Федерации связаны с конституционализацией прокурорского надзора. Одним из знаковых, по мнению Н. С. Бондаря, является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 года¹, связанное с осуществлением общего прокурорского надзора.

А. Ю. Винокуров, профессор кафедры организационно-аналитического обеспечения деятельности и управления в органах прокуратуры Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, свое выступление посвятил значимости решений Конституционного Суда Российской Федерации в отношении норм Федерального закона

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр „Мемориал“», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество „Мемориал“», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С. А. Ганнушкиной : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«О прокуратуре Российской Федерации» в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина. Отметил, что Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» на протяжении уже 30 лет регулирует деятельность одного из важнейших институтов публичной власти в России, а именно прокуратуры Российской Федерации, которая функционирует, решая поставленные перед ней задачи, а непосредственно исполнители, т. е. прокуроры, используют при этом достаточно широкий круг полномочий, в последние годы серьезно обновляющихся. При этом ряд из них связаны с применением процедуры административного принуждения, что в большей степени характерно для общей надзорной деятельности российской прокуратуры.

В связи с этим отдельные положения Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», реализация которых на практике прямо или косвенно затрагивает права и свободы человека и гражданина, становились предметом изучения в рамках конституционного судопроизводства, и соответствующие решения, выносимые по результатам такого рассмотрения, имеют важное значение для правоприменителя.

Прежде всего следует выделить Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года № 3-П² по жалобе гражданина Б. А. Кехмана, который оспаривал конституционность п. 2 ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Конституционный Суд Российской Федерации определил, что в тех случаях, когда данная норма практически всегда на практике соответствующим образом препятствует получению информации гражданином, она не соответствует Конституции Российской Федерации. Безусловно, эта жалоба была удовлетворена, но стоит отметить, что должно было пройти 13 лет, чтобы это законодательно свершилось.

² По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Действительно, ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» пополнилась в 2013 году пунктом 4, который определил, как действовать прокурорам и чего ожидать от этого гражданам.

Таким образом, А. Ю. Винокуров поднимает проблему своевременности реагирования законодателя на значимые выводы, которые Конституционный Суд Российской Федерации приводит в резолютивной части своих решений, говоря о том, что и прокуратуре Российской Федерации в рамках ст. 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» необходимо проявлять активность.

Необходимо также обратить внимание на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 года № 2-П. Изменения в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» были внесены только спустя два года после принятия Конституционным Судом Российской Федерации этого важного Постановления, касающегося прав и свобод человека и гражданина.

Завершая свое выступление, А. Ю. Винокуров подчеркнул, что те выводы, которые Конституционный Суд Российской Федерации приводит в своих решениях, способствуют совершенствованию законодательства, но те нормы, которые содержатся в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», к сожалению, не отвечают требованиям сегодняшнего дня.

А. С. Карцов, советник Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, свой доклад посвятил принципу солидарности в системе конституционного регулирования в рамках конституционных новелл 2020 года. Становление солидарности в качестве общеправовой категории определил как поиск ценностно приемлемого соотношения индивидуальной свободы и социального долга, равновесие между частными и публичными интересами, а также между отдельными личными интересами.

А. С. Карцов отметил, что принцип солидарности субстанционально был изначально с момента принятия Конституции Россий-

ской Федерации включен в систему конституционного регулирования, на это указывают обозначенные в преамбуле Конституции Российской Федерации конституционные ценности. На протяжении 30 лет Конституционный Суд Российской Федерации способствовал утверждению в российском праве всех последствий проявления в конституционном тексте принципа солидарности. Обеспечение в Российской Федерации экономической, политической и социальной солидарности получили непосредственное закрепление в ст. 75.1 Конституции Российской Федерации, а также специальном положении, посвященном солидарности поколений, в рамках ч. 6 ст. 75 Конституции Российской Федерации.

А. С. Карцов провел в своем выступлении анализ аксиологического и функционального наполнения конституционного принципа солидарности и пришел к выводу, что принцип солидарности прежде всего предполагает политическое, экономическое и социальное сплочение; конституционный принцип солидарности был и остается перспективным направлением поступательной конституционализации российского права, совершенствования отраслевого регулирования, а также его судебного и административного применения; начала солидарности в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации наделяются свойствами неотъемлемой системы конституционного регулирования.

Л. Б. Ескина, профессор кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, свое выступление начала с рассказа о том, как принималась действующая Конституция Российской Федерации, потому как она лично в качестве эксперта участвовала в Конституционном Советании, разрабатывавшем Конституцию Российской Федерации 1993 года. В целом доклад был посвящен осмыслению опыта развития России на базе Конституции 1993 года и оценки конституционной реформы 2020 года.

Л. Б. Ескина отметила, что сегодня в Конституции Российской Федерации фактически присутствуют две модели, которые практически не совпадают. Первая модель была заложена под влиянием Запада и связана с тем, что впервые в Конституции была зафиксирована система конституционных ценностей и во главу угла поставлены человек, его права и свободы. Эта модель была механизмом ограничения свободы самого государства.

Вторая модель — это некая «ностальгия по советскому прошлому» в рамках конституционной реформы 2020 года. Поправки, которые в большей мере внесли изменения в главу 3 Конституции Российской Федерации, никакого отношения к федеративному устройству не имеют. Это модель, которая вернула нас к формулировкам советских Конституций 1936 и 1977 годов, там появ-

ляются морально-этические, политико-декларативные и идеологические положения. В своем выступлении Л. Б. Ескина анализирует, как в целом конституционная реформа 2020 года повлияла на Конституцию Российской Федерации, и приходит к выводу, что Конституция в значительной степени потеряла свой правовой потенциал и приобрела потенциал некой декларации, доктрины, политической программы. В настоящее время общество должно выбрать, что для него важнее: конституция как правовой механизм ограничения публичной власти в интересах человека и общества или конституция как доктрина, которая лишается обязательности с помощью конституционной новеллы. После принятия более двухсот поправок в 2020 году Конституция Российской Федерации стала противоречивой.

Информация об авторе

Я. К. Чепенко — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

Y. K. Chepenko — Associate Professor at the Department of state and legal disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Статьи следует представлять в распечатанном виде и в электронном варианте.

Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Word for Windows и отпечатан на одной стороне стандартных листов писчей бумаги формата А4.

Поля: верхнее, нижнее, левое, правое – 25 мм.

Нумерация страниц располагается внизу по центру.

Стиль оформления основного текста должен содержать следующие установки. Гарнитура «Times New Roman Cyr». Расстояние между строками текста – 1,5 интервала, между текстом и заголовками – 1 строка, заголовок – прописными. Размер шрифта – 14. Абзацный отступ – 0,75. Выравнивание – по ширине. Перенос – автоматический.

Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок, а также отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице («References»). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

В статье могут быть внутритекстовые и подстрочные примечания.

Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи.

Внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде.

Рекомендуемый объем статьи от 0,4 до 0,6 учетно-издательского листа (16 000 – 24 000 знаков, включая пробелы между словами).

К рукописи статьи прилагается следующая информация на русском и английском языках: аннотация; список ключевых слов; фамилия, имя, отчество (полностью), должность и место работы (службы), ученая степень и ученое звание автора. Также следует указать номер телефона, адрес электронной почты для связи.

Вместе с рукописью автором в обязательном порядке направляется справка о проверке статьи в системе «Антиплагиат» (при отсутствии указанной справки статья к рассмотрению редакционной коллегией приниматься не будет). Оригинальность исследования в программе системе «Антиплагиат» должна составлять не менее 60 %.

Также к рукописи просим прилагать «Согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети “Интернет”».

Рукопись должна быть подписана всеми авторами.

ТРЕБОВАНИЯ К НАПИСАНИЮ АННОТАЦИЙ

Аннотация выполняет следующие функции:

дает возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;

предоставляет информацию о документе и устраняет необходимость чтения полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя второстепенный интерес;

используются в информационных, в том числе автоматизированных системах для поиска документов и информации.

Аннотация следует сразу после сведений об авторе (авторах) статьи, выполняет функцию расширенного названия и используется в качестве элемента библиографической записи, элемента выходных сведений и элемента оформления публикуемых материалов. В аннотации указывают, что нового несет в себе данный документ в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению.

Аннотация включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты. Аннотация кратко и лаконично характеризует статью, поэтому не стоит делать краткую версию статьи, надо дать именно ее характеристику.

В аннотации не рекомендуется вести повествование от собственного имени и выражать собственное мнение (следует избегать оборотов «Я думаю», «Я считаю», «По моему мнению» и т. п.); использовать штампы, речевые обороты, научные термины и приводить общеизвестные сведения. Обязательно указание аудитории, которой описанные в статье результаты могут быть интересными. Соответственно, аннотация показывает, что наиболее ценно и применимо в выполненной автором работе.

Рекомендуемый объем аннотации: не более четырех предложений.

Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ВЫБОРУ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана статья), тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов — 5–7 на русском и английском языках, количество слов внутри ключевой фразы — не более трех. Основные принципы подбора ключевых слов:

применяйте базовые термины вместе с более сложными;

не используйте слишком сложные слова, слова в кавычках, слова с запятыми;

каждое ключевое слово — это самостоятельный элемент. Ключевые слова должны иметь собственное значение.

ГРАФИК ПРИЕМА СТАТЕЙ

Журнал «Криминалисть» выпускается четыре раза в год.

Статьи принимаются на постоянной основе.

Решение об опубликовании, необходимости доработки, об отказе в опубликовании статей принимается по результатам рецензирования статей редакционной коллегией.